

Дмитрий Ротман

Смотрящие в бездну

18+

Дмитрий Ротман

Смотрящие в бездну

<https://litres.ru/74059148>

SelfPub; 2026

Аннотация

Это продолжение истории о Койте и Кейт, и начало истории многих других персонажей, с которыми их свела судьба.

Дмитрий Ротман

Смотрящие в бездну

Смотрящие в бездну.

Глава 1.

Вагонетка.

Кейт никогда не видела радостных снов. Тех снов, после которых просыпаешься легко, чувствуя отдохнувшее и налитое свежими силами тело. Не было у Кейт обычных детских сновидений с долей невероятных событий и маленьких волшебностей, типа полёта с крыши на крышу или над громадной лужей. Сны её были деловито житейскими, после которых открываешь глаза и не сразу понимаешь, была то или фантазии. Просыпаешься, и чувствуешь уже некоторую усталость, будто и вправду занимался чем-то настоящим.

Сны свои Кейт помнила не всегда, даже не через раз, реже, гораздо реже. И когда она не помнила, о чём сон, это беспокоило её, как какое-то невыполненное дело, что сделать было необходимо, но она забыла, что именно. Правда, бывали и спокойные сны. Нет, не то, чтобы счастливые, а такие, что протекали умиротворённо, без сцен войны и смерти, без убегания от кого-то, без нелепых квестов в поисках выхода

откуда-либо и прочей ерунды. Такие ночи они с Койтом спали рядом, и само присутствие этого несносного мальчишки успокаивало её.

Но после событий на Чёрных Холмах, Кейт начало преследовать ещё одно, жуткое и повторяющееся до мелочей сновидение. Уж раз в месяц – это точно. И присутствие рядом Койта не помогало. Наоборот, Кейт, дёрнувшись и проснувшись в холодном поту, сперва не дышала, сколько возможно, глядя в небо или потолок, а потом хрипло и тягуче делала вдох или выдох, и смотрела на сопевшего рядом мальчишку, и волосёнки на её теле становились дыбиком на гусиной коже. И Койт казался ей в тот момент страшным, чужим и опасным. Но Кейт тут же начинала успокаивать себя, что иначе, наверное, было нельзя, что Койт был всё-таки прав, и тут она ощущала мокрое пятно на трусиках и быстро покидала ложе, опасаясь, что однажды мальчик заметит это безобразие. И сколько раз она строго давала себе зарок не пускать струйку, но кошмар был настолько явным, что ничего с собой она поделать не могла. Тем более, что всё снившееся было, по сути, безжалостной правдой.

А кошмар этот выглядел так. Несутся они в вагонетке со своими спасателями, старым громадным имперцем и молодым солдатиком, причём борта вагонетки Кейт видит отчётливо, а вот боковые её стенки будто растворяются в темноте, будто вагонетка бесконечная. И Кейт тихо гладит спящего Койта своей чёрной ладошкой по пшеничному ёжику, и ей

тихо и спокойно, и вдруг — трах... И из глазницы старого имперца фонтаном кровь ей на лицо, ещё выстрел — и макушка его черепа отлетает вверх в кровавой пыли и кусках мозга. И Кейт зажмуривается и жмётся к молодому солдатику, а тот вроде как хочет выпрыгнуть из вагонетки, но снова звучат выстрелы, и пули разбивают ему затылок, и снова кровь заливает уже и спящего на коленях девчонки Койта, который вроде бы и ни причём... Ах, если бы так оно и было... Кейт закрывает друга ладонями и просыпается.

Едва-едва в плече стихло жжение от инъекции, Койт услышал тихий перезвон в голове, во рту стало сладко, как от стакана газировки с цикломатом, и он опять будто вышел из своего тела и наблюдал, как оно парит в мягком субстрате, будто синтепон, тёплом и нежном. И было ему совершенно непонятно, падает он или наоборот, взлетает...

Нет, он точно падал, так как, опять оказавшись в себе, ударился плашмя об жёсткую поверхность, похоже, почему-то деревянную, так как отчётливо ощутил запах смолы. И ему тотчас шепнули в ухо. Шептали непонятно что, и чьи-то пальчики пробежались по его телу сверху вниз. Койт пытался приподняться, посмотреть кто это, но тело не слушалось.

И тут близко он услышал знакомый голосок:

— Нет, нет, поставь меня...

Койт что есть сил выгнулся и увидел, что он на самом деле лежит на громадной сцене, подиуме, а рядом с ним здоровенный имперец на вытянутой руке держит Кейт, как курёнка за ногу вниз головой, и она дёргается что есть мочи, но что она может сделать с лапищей гиганта, что схватила её крепко и водила над толпой, что бесновалась внизу. Койт ещё приподнялся и увидел, что свора внизу — это ребята рудокопы, кавалеристы из казармы, но их лица, и без того неприглядные, теперь были гротески обезображены, а конечности непропорционально удлинены. И эти твари прыгали вверх, и каждый неистово пытался вцепиться в Кейт, а гигант имперец подзадоривал их:

— Ну же, ну же! Кто из вас получит эту чёрную игрушечку...

И вот один этих кавалеристов выкинул неестественно длинную руку в высоком прыжке и схватился-таки за рукав комбинезона Кейт. Но имперец дёрнул девчонку вверх, комбинезон затрещал и вслед за кулаком ублюдка провалился в верещавшую толпу, а Кейт оказалась совершенно раздетой и от этого ещё более обречённой. И тут сам Койт почувствовал, как поехала вниз молния на его комбинезоне, обнажая грудь и живот и что -то маленькое, скользкое, неприят-

но дрожащее побежало по его телу вверх. И мальчик почувствовал укус в районе ключицы, значит, это мерзкое нечто было язычком. И тут прямо перед его лицом возникла физиономия молодого солдата, что утащил его под землю, и физиономия эта светилась нездоровой радостью, и из уголка губ стекала капелька крови, его, койтовой крови.

И тут Койт почувствовал, что под спиной у него родной рюкзачок, и ручка гlocka больно давит на лопатку. Он зарычал, отбросил от себя солдата, вырвал из-под себя рюкзачок, и вот в ладони его пистолет, и большой палец скинул предохранитель, и первым же выстрелом Койт пронзил пулей глаз здоровенному имперцу, тот завалился на Койта, и он выстрелил второй раз ему под челюсть, так, что над вагонеткой фонтаном брызнули мозги в кровавом тумане, и макушечная кость гиганта целиком отлетела прочь.

И это уже был не сон, не бредовое забытье. Кейт громко завизжала, а молодой солдатик дёрнул тормоз, и они все впечатались в дальний борт вагонетки. Койт лягнул ногой, но молодой имперец, что успел вцепиться в мальчишку, не ослабил хватки и они вместе перекатились к другому торцу. Койт потерял гlock, а молодой солдатик исхитрился зажать шею Койта в локтевом изгибе, видно решив задушить его, а то и просто сломать позвонок... Но тут он глянул поверх Койта, хватка его ослабла и он, ловко перевернувшись, прыгнул прочь из вагонетки, но выстрел застал его в этом полёте, и было реально видно, как промялся его затылок, а пу-

ля, пробив череп, стукнула по своду тоннеля где-то вверху. И тут же второй выстрел обжог Койту макушку и пришёлся солдатику в шею. Тело его так и повисло на краю вагонетки.

Койт обернулся и увидел дуло глока, смотрящее ему прямо в лоб. Кейт замешкалась буквально на секунду, и он успел нырнуть вниз, ударив пистолет раскрытой ладонью в область магазина. Выстрел, пуля отрикошетила от стены штольни и звонко долбанула снаружи по корпусу вагонетки. Койт вскочил, и, так же, как и его недавно, схватил Кейт за шкуру и поясницу и выкинул из вагонетки, сам выскочив следом. Кейт ползком хотела скрыться в темноте, но Койт успел схватить её за щиколотку и резким движением подтянуть к себе, уложив её под своё тело.

— Убийца! Ублюдок! Убийца! — истошно верещала девчонка, молотя Койта кулачками и пытаясь лягнуть коленкой в пах, но он не давал ей этого сделать. Койт приподнял Кейт и прислонил к стене. Было видно, что он хотел отвесить ей пощёчину и даже замахнулся, но не стал, опустил руку в замахе, а просто встряхнул девчонку что есть мочи:

— Приди в себя Кейт! Опомнись! Это же враги! Не ты ли сжимала кулачки и скрежетала зубками, шипя, что положишь каждого имперца, попавшегося тебе на пути? Не ты ли? — Койт продолжал трести уже ослабевшее тело Кейт, — Не ты ли?

Кейт обмякла и присползла по стенке тоннеля:

— Но Койт, они же нас спасли...

— Да, спасли, но для чего Кейт? Просто потому, что мы дети? Ну, пусть даже и так, но что потом? Пусть они оба даже и хорошие, славные парни, но там, куда они нас везли, кто был там? Сомневаюсь, что нас бы кормили по утрам кашей с кусочком масла, и полдник там бывает из какао и печенья, — Койт вспоминал всё самое лучшее из своего короткого детства, — и Жюль Верна ты там не будешь читать по ночам с фонариком под одеялом. Знаешь, что они там с нами делают? На органы, или просто сожрут. Или в лучшем случае на потеху, на рабскую жизнь, как зверушки в цирке... Ты, Кейт, знаешь, что такое цирк? — Кейт кивнула, а потом добавила зачем-то:

— Но я ни разу там не была...

— А я там жил, недолго, но жил с цирковыми. Ничего хорошего...

Койт и вправду, когда бежал от границы, прилепился к цирковому трейлеру. Там он и познакомился с Марсиком. Койт уже не мог вспомнить, сколько они там были, но им было весело... Голодно и холодно, как, впрочем, и всем во-

круг, но чего-либо плохого он вспомнить не мог и поэтому просто нагло врал Кейт, мол цирк — это ужас-ужас...

Эти, совершенно ни к месту возникшие воспоминания, установили тишину. Таковую, что было слышно, как с подбородка молодого солдатака капала кровь на железный рельс.

— Кейт, Кейт, — продолжал увещевать подружку мальчик, — мы же столько с тобой прикончили, когда штурмовали эти чёртовы Чёрные Холмы. Сколько их там было, слышишь, Кейт, десятки, а может и добрая сотня... — Койт улыбнулся этому лишне сказанному слову: мол, ну да, добрая... — И там наверняка были и молоденькие и постарше, и хорошие люди там были, Кейт... Ты же сама, я же помню, ты же сама говорила, что это война...

Койт замолчал, слов у него не хватало, чтобы ещё что-то объяснять, а Кейт вдруг опять скривила губки и протянула к мальчишке ручонки:

— Койт, я же хотела тебя убить... Я же тебя чуть не убила... Ты простишь меня, Койт...

Она явно опять хотела обняться, и, чёрт возьми, Койт тоже хотел этого. Они прижались друг к другу. Койт посмотрел на забрызганное кровью лицо Кейт, достал из правого кармана комбеза влажную салфетку и начисто вытер лицо

подружки и особенно кончик её носика. Потом он вытянул губы трубочкой и в этот кончик её и поцеловал, даже присосавшись к нему на пару мгновений. Кейт хихикнула, а Койт шепнул ей на ухо:

—Я тебя прощаю... Но не думай, что я всё забуду... Я теперь с тобой буду всегда на стороже...

— И правильно Койт, я иногда того, не совсем в себе...

—Мы все, Кейт, уже давным-давно поехали крышами... Даже сами и не заметили, как...

Отдышавшись, придя в себя, Койт снова вернулся к вагонетке. Единственным, но вместе с тем довольно ярким источником света были комбинезоны солдат. Молодой убил-ся очень удачно, кровь совершенно не запачкала его одежду. Койт расстегнул молнию и стянул комбинезон с верхней половины тела парнишки. Это было не трудно. Затем Койт заглянул внутрь вагонетки, опасаясь, что с громилы туда натекла глубокая лужа крови, и все вещи внутри были безнадежно испорчены. Но им тут повезло. Прямо под мёртвой тушей, на дне, где был крепёж колёсной пары, не хватало одного болта, и практически вся кровь пролилась в это отверстие.

Обрадованный Койт первым делом подобрал оба глока,

затем вытащил наружу свой рюкзачок и рюкзачок Кейт. Затем он посмотрел на тело грузного имперца. Его комбинезон был запачкан безнадежно, и поклажи у него не было. Койт решил пошарить по карманам солдата. Вся его добыча была фляжка из правого кармана да полиэтиленовый пакет с десятком шариков сероватого цвета. Койт открыл пакетик. Оттуда пахло кислым молоком. Шарики были явно съестными, и наверняка концентратами. Глядишь, и парой можно было насытиться на день... Из этого же кармана Койт вытащил выдавший виды айкос. Поглядев на вонючую и явно никогда не мытую вещицу, он без сожаления швырнул её прочь.

В заплечном мешке молодого солдатика вещей было побольше. Во-первых, две литровые бутылки с внешне чистой водой. Койт отвинтил крышечку, пригубил, вроде как нормальная вода. Шприцы и флакон с болтанкой он не взял. Ещё там была пара фонариков с аккумуляторами часов на сто, нужная вещь. И ещё один прибор с надписями на непонятном языке. Мальчишка подумал-подумал и тоже его прикарманил. Получалось, что оба имперца были безоружны, и это было как-то подозрительно, и Койт ещё раз подумал, что прикончил их правильно, и всё произошедшее в вагонетке было не иначе как промыслом божьим.

Ну вот и всё. Пожалуй, надо было убираться. Койт попытался запихнуть молодого солдатика в вагонетку, хоть и было тяжеловато, но Кейт он позвать помочь не решился. Но

девчонка сама пришла ему на подмогу.

Оба тела были в вагонетке, но Койт не спешил избавиться от них. Он вытянул крестик на цепочке, что была на его шее, поцеловал его и тихо принялся проповедовать:

—Спасибо тебе Господи, за мудрость твою и заботу твою. Не иначе, как с веденя твоего эти люди встретились нам на пути. И ты сделал так, чтобы они спасли нас. И, наверняка, по воле твоей они оказались такими, какими и оказались... — Койт запнулся, выбирая между эпитетами «бестолковыми» или «беспечными», и в итоге продолжил с новой мысли, — Они не видели в нас опасности, и это тоже ты сделал. И смерть их, я надеюсь, тоже входила в твои планы... — В этом Койт сомневался, но взвалить вину за убийство на боженьку, почему-то ему сейчас казалось вполне уместным. — И возьми их тела себе, — торжественно повышая голос, Койт перекрестил вагонетку, — и даруй им в царствии твоём тот берег, какой они заслужили. И суди их своим судом. И пусть этот суд...

Тут Кейт пнула его под зад коленкой:

—Слушай, ты уже задолбал, отпусти ты их с миром к чертям собачьим.

Койт дёрнул тормоз, и вагонетка нехотя, поскрипывая

сдвинулась с места и опять замерла.

— Да едрить ты ж, — Койт подналёг на борт, Кейт тоже впряглась, и металлический ковчег с мертвецами покатил—таки в темноту штольни, набирая скорость нехотя, освещающая пространство над собой светом комбинезона старого солдата. И было видно, что пути изгибаются куда-то вправо, и этот свет вдруг резко померк за поворотом, и из тьмы отчётливо колыхнуло горячим воздухом. И Кейт, и Койт замерли, будто прислушивались, сами не зная к чему. И оба переглянулись, когда до их слуха донеслось еле различимое «Ха-ха-ха», и позвякивание.

— Что это? — Кейт непроизвольно вцепилась в локоток мальчишки.

— А! — Койт отмахнулся, — это черти впряглись в вагонетку и покатали её в свою преисподнюю...

Глаза девчонки на несколько мгновений округлились, ротик её приоткрылся, но вот она опять прищурилась, губы сложились в лёгкую улыбку, и она ударила Койта кулачком в пузо;

— Дураком родился, дураком и помрёшь...

Койт накинул на себя комбинезон солдатики на вроде пла-

ща, завязав рукава на шее:

—Ладно, Кейт, пошли...

—Куда?

—Ясное дело назад, туда, где повыше. Может и не все колодцы вентиляции обрушились. На, вот... —Койт отдал спутнице глок и одну обойму к нему. Отдал просто, без лишних слов. И Кейт тоже взяла пистолет молча, что тут ещё можно сказать...

Сделав несколько шагов, Койт резко остановился, явно вспомнив о чём-то важном. Он задрал рукав комбинезона и снял браслет паспорта, положил его на рельс и расколошматил камушком в мелкие осколки. Затем он снял с шеи солдатскую металлическую бирку и начал что есть силы тереть её об кромку рельсины, чтобы напрочь стереть выбитые на ней данные. Убедившись, что всё уничтожено, Койт собрал осколки в ладонь и кинул их веером далеко в тоннель. Кейт наблюдала за всем этим с замирающим сердцем, она понимала, что и от неё Койт потребует сделать тоже самое. Койт встал и протянул руку подружке, но Кейт покрутила головой и отступила назад.

—Ну, же, будь умницей, не дури, — Койт сделал шаг к

девчонке, — Кейт, не дури, ты же знаешь, что так будет правильно. Мы же мечтали об этом, о свободе, о новой жизни. Нет больше кузнечика и стрекозы. Койт Полянский и Кейт Бергман отдали свой священный долг Республике и сгнули в огне позитронного взрыва на Чёрных Холмах. Мы начинаем вторую, да нет, считай уже третью жизнь, Кейт...

Говоря так, Койт сам снял с девчонки и армейский жетон, и браслет паспорта, понимая, что она сама этого сделать не в силах, и расправился с ним так же, как и со своими документами.

— Их надо помянуть... — Неожиданно сказала Кейт.

— Кого?

— Их. — Кейт показала пальцем в темноту, куда Койт зашвырнул осколки. — Я видела, ты стырил у громилы фляжку, доставай её...

— Слушай, Кейт, стоит ли? Я и так отключился после укола болтанки. Кстати, долго ли я был в отключке?

— Ну, минут двадцать — точно. Я и сама вроде как начала дремать, как вдруг ты дёрнулся, что бешеный летун, выхватил глок, и понеслось... Ты давай, доставай флягу, и за себя не бойся. У тебя в крови армия нанитов, им спирт только как топливо, на пользу. Я же видела на поминках в баре, как ты стопарик уговорил такой же, как и старый выпивоха Казимирыч. Обычный одиннадцатилетний пацан тотчас под

стол свалился бы, а у тебя только щёчки зарделись.

Койт не понял и потрогал щёки. Кейт усмехнулась и пояснила:

—Покраснели, значит, — и теперь уже она сама взяла инициативу в руки, залезла в рюкзачок не сопротивлявшегося Койта и, пошурудив там, извлекла искомое.

Койт смотрел с интересом, как девчонка отвинтила крышечку, приняухалась и хитро заулыбалась:

—Коньячок это, Койт, коньячок... Мой папуля уж больно охоч до него был... — Увидев, что Койт опять недоумеает, она объяснила, — Любил он его пригубить, то есть. Ты не подумай, он не был пьяницей. — Говоря так, Кейт плеснула чуток в колпачок фляжки. —Ну, как говорил папка, набулькивая себе в напёрсточек, взьерошимся! — Она резко откинула назад голову и плесканула в приоткрытый ротик, глотнула, сморщила носик и выдохнула, передав колпачок и фляжку Койту.

Мальчишка не стал миндальничать, а просто глотнул из горла. Да. Напиток был крепкий и с таким ароматом и вкусом, который был совершенно незнаком Койту. Он пожал плечами, закрыл флягу и бросил её не глядя в рюкзачок,

висевший у него за спиной и заметно оттягивающий плечи. Шагать и вправду стало веселей, хотя они и поднимались пусть по совсем пологому, но всё же склону, идя туда, откуда, как казалось Койту, веяло более свежей атмосферой. Кейт шагала рядом, вроде бы в совершенно нормальном расположении духа и даже мурлыкала под нос песенку без слов.

— Пой уж погромче, — попросил Койт, — что это за песня?

— Да так, бестолковая. Хотя... Знаешь Койт, мой отец приходил в наше купе после жутких смен в санитарном поезде, после крови, стонов и гноя, садился за стол, съедал всухомятку пару холодных варёных картофелин, редко когда с куском намазанного маслом хлеба, а я лежала рядом на кушетке, накрывшись одеяльцем, типа сплю, но сама не спала, подглядывала за ним. Вот он насытится, подойдёт к моему месту, послушает, как я типа во сне посапываю, погладит одеялко или поправит, вернётся назад за стол, набулькает коньячку, а потом всегда начинал тихо петь свою дурацкую песенку. И голос у него был красивый и низкий, и тут я, бывало, до конца не дослушаю и засыпала, будто под колыбельную.

Кейт вздохнула и запела:

— Скользнут мизинец и ребро ладони
Со лба, на переносице застыв.
И кружка звякнет где-то там в бидоне,
С напитком из веществ совсем простых.

И наша жизнь, как этот спирт простая,
Разведена бессмысленной водой.
Живём, покуда в жилах кровь не встанет,
Но жаль, что он был слишком молодой.

Ему бы с ней на пляже пить мартини,
С друзьями пить вокзальное пивко...
А он за грудь схватился на куртине,
И откатился вниз недалеко.

Другой с ней улетит на тёплый пляж,
Тот, чей купаж нам не в пример богаче.
Вода и спирт, простой напиток наш,
И лишь немногим капелька удачи.

Койт, шагая, заслушался и погрузился в раздумья. Он, конечно, никогда не пил мартини, он не понимал, что такое куртина и купаж, но с одним он был абсолютно согласен: без капельки удачи не выжить... Вот и солдаты, пленившие их... Ну почему они допустили такую (тут Койт порадовался сво-

ей памяти, так как в ней всплыло мудрёное книжное слово), такую вопиющую беспечность, не обыскав ни их самих, ни рюкзачки. Нашли бы они пистолеты, изъяли бы их и остались бы живы. И они, ребяташки, никуда бы от них не делись, были бы их полноправной добычей. Нет, это уже не капелька удачи, а стаканище везения...

Койт поправил разболтавшийся на шее узел светящегося комбинезона солдатика и краем глаза увидел, как бликнула на щеке Кейт дорожка от только что скатившейся слезинки.

Глава 2.

Могильник.

— Так ты всё-таки решил, куда мы подадимся? — Кейт не то, чтобы спрашивала Койта, а скорее размышляла вслух, шагая устало, — Вот мне никаких особых дел делать не надо, разве что найти раввина и выполнить волю отца, стать истиной иудейкой. Вроде бы раньше я желала этого горячо, ну а ныне...

— Ты обязательно найдёшь своего раввина, Кейт, — мальчик, видя, что подружке тяжело, снял с её плечей рюкзачок, и девчонка не сопротивлялась, — у каждого человека должен быть свой бог, иначе окажешься в раскалённой ваго-

нетке, которую толкают чертенята... Но меня, Кейт, волнует другое. Мы уже с час, наверное, идём вверх, вдоль русла бывшего ручейка, ты видишь это руслице, Кейт, недавно тут текла вода, а я не видел ни боковых штолен, не вентиляционных шурфов. Хотя и есть над нами дырки в потолке, — Койт включил дополнительно фонарик и посветил на бетонный свод тоннеля, — вон они, зарешёченные, через каждые триста шагов, я прикидывал, но они такие, что и не пролезть и воздух под ними не движется, будто они заглушены.

Рудокопскую терминологию Койт перенял от Марсика и всегда, при случае, любил ввернуть в беседу пару терминов.

— Так вот, подруга ты моя зелёноокая, нам бы реально просто выбраться отсюда. Вагонетка, как ты думаешь, сколько ехала?

— Ну, меньше часа, это точно, — Кейт остановилась, видно было, что она напугана размышлениями друга. — Я и так боялась, что оттуда, куда мы толкнули вагонетку, бросятся за нами в погоню, а тут ты ещё со своими мрачными мыслями... Нас же забрали с поверхности...

— Это—то так, идём мы раз в десять медленней вагонетки, а значит нам туда колдыбать пол—дня не меньше... Да что толку, ты же сама видела, что там всё обрушено.

— Всё, Койт, я дальше идти не могу... Мне нужно отдохнуть.

И то верно. Им удалось пережить сумасшедшие сутки, надо восстановить силы.

— У тебя остались влажные салфетки? — Спросила Кейт.

— До фиги, пол пачки точно...

— Дай мне три штуки и отвернись. Мне надо облегчиться.

Койт отдал Кейт всю пачку салфеток и послушно отвернулся. Девчонка не успела до конца расстегнуть молнию на комбинезоне, как со стороны отвернувшегося мальчишки послышалось недвусмысленное журчание — Койт, не стесняясь, решил оживить пересохшее русло ручейка. И Кейт, как это не было глупо, позавидовала, как им, мальчишкам, просто, не то, что ей... Она оголила свой задок, но, задумавшись на секунду, опять натянула комбинезон, и, будто кошка, разгребла подошвой ямку в грунте, непонятно зачем, а затем прикопала всё, что в ней осталось, так, чтобы не было видно.

Койт терпеливо ждал.

— Я всё... — Кейт, поморщилась, — покушать бы...

Койт раскрыл рюкзачок, достал упаковку с крекерами, бутыл с водой и съестные шарики, что были в кармане большого имперца.

—Что это? — Кейт показала пальцем на шарики.

—Наверняка белковый концентрат. Давай, половинку тебе, а половинку мне...

Койт хотел залезть пальцами в упаковку, но Кейт ударила по его кисти своей ладошкой:

— Ты за пипку свою хватался, и даже руки не протёр, ужас, фу...

Койт даже покраснел от стыда и принялся протирать ладони салфеткой, которая и вправду стала грязнучей, а Кейт, тем временем, вытянула из пакета шарик, откусила от него половинку:

—Кислятина, но, судя по всему, сытная штука, — и она тут же запихала вторую половинку в рот Койта. Затем в ход пошли и галеты, и разведённый концентрат фруктовых саха-

ров.

Насытившись, Кейт уселась на колени Койту, положила ему голову на грудь, зевнула и тут же провалилась в сон. Она знала, что лёгкая, что её другу не в тягость. Койт и на самом деле не особо тяготился спящей у него на ногах подружкой. В тишине тоннеля было время подумать о том, что было, что будет, и на чём сердце успокоится. Выражение это всплыло у Койта из самой глубины памяти, так говорила гадалка в цирке, где он встретил Марсика. Мальчишке стало пронзительно грустно, но помимо этого он вдруг ощутил приступ тревоги и страха. Он положил руку на вынутый и ждущий действий глок, и вот уже решительность и злоба, непонятно к кому и на что, заставила кровь стучать у Койта в висках.

Койт так и не смог разобраться в своих чувствах. Что поделать. Он был просто детёныш. Созданный по образу и подобию человеческому, но далеко не равен таковому. И раньше, частенько бывало, он не признавал себя ребёнком, но то было именно настоящее детское разумение. Ибо, отрицая свою детскость, он просто путал зрелость мышления с ответственностью за себя и других, а именно эта ответственность, согласитесь, атрибут взросления, помимо способности жить автономно, самостоятельно. Но при этом он был наивен, доверчив, и, пожалуй, самое главное, его мир был пронизан ожиданием чуда и веры в него. А что теперь? Койт так и не понял до конца произошедшей с ним перемены, но одно он

почувствовал несомненно. Раньше он был мышонком, объектом охоты, а теперь он таковым быть перестаёт. Теперь не только он будет бояться, но и его будут бояться.

Такой вывод из попыток самоанализа придал Койту бодрости. Он долго глядел на мирно спящую у него на коленях Кейт, преодолевая ощущение затёкших бёдер и думая уже о том, а что она для него значит. И он ощущал нутром, что его любовь к Марсику и его чувства к Кейт, это нечто разное. И что теперь будущее его каким-то неожиданным образом будет связано с этой темнокожей девчонкой с глазами цвета незрелых яблок.

Очевидно, что счастье людям может нести только человек, у которого было счастливое детство. Нет, это вовсе не значит, что беззаботное. Тут имеется в виду, что в процессе взросления ребёнок находился в среде с чёткими понятиями добра и зла, где существовала справедливая система наказаний и поощрений. Другими словами, где мир может и был жесток, но был объясним и предсказуем, и, самое главное, есть взрослые, которые и обеспечивают своим присутствием эту предсказуемость. В окружении Койта таковых не наблюдалось. Разве что Казимирыч, но они побыли вместе мало, ничтожно мало времени.

Первые ниточки из ткани детства Койта поползли, когда ему объяснили, да и он сам осознал, что Коста, тот человек, которого он воспринимал если ни как родителя, то как бесспорного авторитета, на деле бессовестно использовал и его,

и Марсика, и был, по сути, к ним равнодушен. А уж когда он узнал историю своего появления на свет, то эта ткань детства затрещала по всем швам, что выдавший виды пододеяльник. Ведь выходило так, что его святая вера в чудо, в то, что он найдёт свою мамку, оказалась миражом в пустыне реальности. Ладно бы, если её просто бы убили. Койт бы тосковал, но продолжал бы чуточку верить, что это не так, даже если бы ему предоставили неопровержимые доказательства. А в реальности получалось, что мать его просто отдала клетку из которой он появился — и всё. Кстати, Койт, может и к лучшему, так и не понял ещё больший трагизм своей ситуации. Скорее всего, и клетки-то не было, а была просто искусственно созданная зигота на основе человеческой, в которой даже митохондриальный генетический аппарат, доставшийся всем нам от единой праматери, и тот был изменён... А чтобы окончательно развеять в пыль детство Койта, хватило одной единственной сегодняшней атаки на Чёрных Холмах, и погибающий у него на руках Марсик, и груды убиенных вокруг, в том числе и убиенных Койтом самолично. И это жгучие ожидание жуткой смерти в обнимку с Кейт...

И единственное, что в данный момент держало Койта от окончательного помешательства, это благословенная вера, которую он познал случайно, но которая, пусть иллюзорно, как тальк на подошвах канатоходца, держала его в этом мире, не давая соскользнуть в бездонную пропасть. И он внутренне готов был служить этой вере самозабвенно, хотя, по

правде говоря, не смог бы чётко сформулировать сам для себя эту мысль, спроси его кто. Что поделать ... Он был ещё детёныш, а уж зверя или человека, время покажет.

Кейт дёрнулась и проснулась.

— Ты чего? — Спросил Койт, — Ты поспала совсем немного...

— Да куда тут спать, — Кейт поднялась и отряхнула пыль с комбинезона, — тебе тоже надо того... Отдохнуть...

— Да вроде не тянет. Болтанка, наверное, ещё действует... Ну. Раз так, пошли...

Койт с трудом встал на затёкшие ноги, но через десяток шагов уже разошёлся, да и Кейт топала гораздо веселей.

И Койт, размерено шагая, вдруг вспомнил, как сумасшедшая бабка в их убежище кричала на расшалившихся малышей, что их точно утащат черти в преисподнею, и будут их там, подвешенных вниз головой, хлестать плётками, а потом жарить на сковородках и варить в котлах. Малыши в ответ только хохотали, а бабка распалаясь, так что Марсику или Койту время от времени приходилось успокаивать и её,

и мелких. Тогда бабкины угрозы иногда пробирали Койта до мурашек, а теперь они казались смешными, навроде консервной фабрики на беспризорном сырье. Может, и есть она, та самая преисподняя и на самом деле, похожая на то место, где они теперь находятся. Может, и есть всякие там черти, но Койт сомневался, что муки будут столь незатейливы. Душа это же не тело, что толку её хлестать или варить... И таковой вывод вызывал у Койта улыбку, точнее похожую на улыбку гримасу.

Но Кейт не замечала кривую усмешку товарища. Она тоже задумалась, её тоже наполнили воспоминания. Когда она только-только прибилась к санитарному поезду, только-только обвыклась, разбомбили переправу через реку, что пересекала земли Республики широким потоком с быстринами и омутами по высокому берегу. И их поезд на две недели застрял на полустанке в заросшей тонковетким бушем пади. Поезд затащили маскировочной и противодронной сеткой, поставили зенитные расчёты в головной и концевой вагоны. И эти зенитки срабатывали по несколько раз за день, сперва сильно пугая Кейт, но работали они надёжно, разносили дроны в клочья, а чем-нибудь более серьёзным их не бомбили, и на третий день девчонка уже не вздрагивала и не присаживалась на корточки, когда начиналось стрекотание пулемётов.

Во втором вагоне лежал паренёк с ампутированными ниже колен ногами. Он был довольно истощён и казался Кейт

совсем мальчиком, поэтому она тянулась к нему, но подходить боялась. А паренёк толком не ел, ни пил, не замечал никого вокруг и постоянно тихо стонал и плакал, беся весь вагон раненых старых и прожжённых вояк. Однажды один из них не выдержал и запустил какой-то фигнёй в скулившего паренька. Что это был за снаряд, Кейт уже и не помнила, но она в порыве жалости вдруг подбежала к пареньку, опустилась на корточки около его кровати и принялась гладить его по руке, болтая всякую ерунду, типа успокаивая его. Паренёк удивился, что в поезде есть ребёнок, но перестал ныть, заулыбался, а когда Кейт позвали, он вдруг поднёс к губам её ладошку и поцеловал каждый пальчик. Кейт засмушалась, одёрнула лапку, а раненые вокруг засмеялись, и попросили её заходить к ним почаще. Паренёк вроде как воспрял духом, ведь Кейт прибегала к нему постоянно, пока они стояли в отстойнике, и пока не довезли раненых до тылового госпиталя. И он повадился рассказывать Кейт всякие истории, где вперемешку и быль, и по большей части небылицы. Вот так однажды он и поведал ей, что когда Город Землекопов пал, не все рудакопы ушли из него. Часть из них ушла в катакомбы Чёрных Холмов и превратились в гномов. Имперцы сперва охотились за ними, но гномы никакой партизанской войны не вели, просто выживали, а потом и вовсе стали приторговывать с ними, обменивая обогащённую пыль рублидиата на продовольствие и всякую всячину. Когда Кейт рассказала эту историю отцу, тот почесал подбородок и через день при-

нёс ей книжку про Белоснежку и гномов, по которой начал учить Кейт читать.

Идя по тоннелю Кейт вспоминала эту историю, и, может быть, вспомнила больше подробностей, но тут накидка на плечах Койта, комбинезон молодого имперца, ярко загорелась и тут же практически погасла. Койт вздохнул, скинул ненужный теперь источник света на грунт, и полез за фонариком. Они пошли при его свете, а ещё через пару сотен шагов путники встали как вкопанные, уставившись на стену тоннеля.

Хотя, как раз стены-то в этом месте и не было, а был точащий в полость тоннеля буровой снаряд с откинутым обтекателем. Из-под этого снаряда и начинался ручеёк. В таких буровых снарядах имперцы вкидывали в укрепления республиканцев дьявольские пиксельные дроны, убивавшие всё вокруг. Кассеты, в которых эти дроны были снаряжены, валялись вокруг. Было видно, что рельсы от этих кассет никто не очищал, вагонетки видимо сами раскидывали их с полотна при движении, так как многие кассеты были разорваны или перекручены. А подальше, у противоположной стенки на боку лежала вагонетка, которой, очевидно, не повезло, и она, споткнувшись об кассеты, сошла с рельсов и вдолбилась в свод тоннеля. Койт с подружкой включили фонарики пояр-

че и принялись шарить световыми конусами вокруг, но никаких признаков дронов не было. Внутри земснаряда тоже было пусто, как в пустой консервной банке, чьё содержимое было не просто сожрано, а ещё будто и вылизано нашедшей её бродячей собакой. Из дальней стенки, ведущей в двигательный отсек, выступала гофротруба, которая, понятное дело, тянулась до того места, откуда земснаряд начал вгрызаться в грунт. Из гофротрубы шёл свежий воздух, значит она была целая, но диаметр её едва ли позволял просунуть руку. «Иногда жалеешь, что не родился мышонком,» — подумал Койт.

В земснаряде делать было больше нечего и они выбрались на зад в тоннель.

— Ты помнишь это место? — спросил Койт.

— Я сидела внутри вагонетки и не могла ничего видеть, кроме белобрисого ёжика спавшего у меня на коленях... Хотя, где-то посередине пути вагонетку здорово трясануло, наверное здесь, среди обломков, значит пол-пути мы уже миновали...

— Узнать бы, который час... — вздохнул Койт и тут же его осенило, что у них есть кнопочные мобилы.

Сети тут, конечно, нет, да и быть не могло после анниги-

ляционной атаки, но часики-то на дисплеях должны работать. Койт сперва полез внутрь рюкзака, потом вспомнил и расстегнул боковой карман, откуда вытащил мобилу. Эх, жэка дисплей был разбит, его верхний угол побелел, но в целом картинку можно было разглядеть. Было семь десять вечера.

«Вот она безумная жизнь, — подумал Койт, — начало дня мы встретили в казематах военной базы, а завершение дня в темноте катакомб Чёрных Холмов с мизерными надеждами выбраться на поверхность...»

Койт поставил свет фонарика на максимум, сузил конус освещения и направил его дальше по ходу. Было видно, что тоннель пошёл в глубину и заворачивает направо, а возле самого поворота к стене была привалена какая-то масса, но что это было — не разглядеть. Койту вдруг ещё подумалось, что большую часть жизни он вот так и провёл в темноте. В темноте наружной, окружавшей его во мраке ночных улиц и коридорах подземелий, но ещё более обидно, что темнота была и внутри него. Были периоды, когда он месяцами не смеялся... Нет, нет, нет — были мгновения радости, когда он и хохотал, и подпрыгивал, и в ладоши хлопал, и забывал обо всём, но это были именно мгновения, когда темнота, ворча, забивалась в угол. Но чаще всего она пряталась за спину Койта, напоминая о себе холодком между лопаток, мол, не особо-то расслабляйся. Койт слышал от взрослых о некоем

счастье, и даже представлял его себе так: они с мамой в городском парке сидят и держат друг друга за одни ладошки, а в других ладошках большие рожки с мороженым, и кругом снуют кричащие дети и спешащие улыбающиеся взрослые, и нет ни воронок, ни руин на горизонте, и Альсафи дарит им нежный оранжевый свет, и не надо бояться падающего с неба и рвущего плоть железа, и время не движется, и ... Короче, счастья Койт так и не испытал. А теперь и сама картинка трансформировалась. И не надо ему парка и города, а в место безнадежно утраченной мамы — Кейт. И сидят они на вершине холма под террианским кедром, а вокруг них поляна с цветами, которые вырастили монахи. А с неба боженька радуется их счастьем и, конечно, охраняет это счастье что есть сил. А раз уж такой рай вокруг, то и Кейт и Койт сидят голенькие, как первые люди...

Тут мальчишка осёкся своим мыслям, испугавшись, что опять ни к месту возбудиться, но ничего подобного не произошло. «Наверное, такая нагота богоугодна...» — резюмировал он.

—Койт, Койт! — Кейт трясла его за ткань на локте, — ты чего замер, не жги батареи!

Мальчишка спохватился и поставил фонарь на обычный

режим.

— Ты явно не в себе, мальчик, — продолжала наставления Кейт. — То приступы ярости, то впадаешь в ступор как каталепсик... Что делать-то будем Койт? — Кейт опять была готова заплакать, — что делать-то?

—Идти Кейт. Идти вперёд и молиться богу.

—И как же нам молиться?

—Со всей серьёзностью, Кейт. Хочешь вслух, а хочешь про себя повторяй слова молитвы. Боже всемогущий, прости наши прегрешения, если можешь, явные и тайные. Избавь нас от бесов. И не покидай нас никогда. И даруй нам спасение и силы жить дальше... Вот так мы будем молиться, Кейт.

И они снова двинулись во мрак. И через десяток-другой шагов Кейт снова спросила:

— А твой бог не рассердится, если я буду ему молиться? Я же не крещёная ни разу...

— Глупышка, он (Койт припоминал, как там говорил монах)... Он возрадуется каждому, кто в него верит и к нему обращается. Он ведь слышит одновременно и всех, и каждо-

ГО ПО-ОТДЕЛЬНОСТИ...

—Но... Так не бывает, Койт...

—Бывает... На то он и всемогущий.

Чем ближе они приближались к тёмной массе у стены, тем отчётливей прояснялось, что это был отводок основного рельсового пути, на котором были застопорены башмаком три вагонетки. Одна была пустая, за исключением валявшегося на дне приличного куска толстой ржавой цепи, в средней лежали п-образные профиля простого металла, а в головной — обрезки труб, метра три в длину. Койт подошёл к ним, и сам не зная на кой ляд, принялся засовывать в отверстия труб пальцы по очереди, начиная с мизинца. Залезали все, а вот большой палец — ну никак, и всё. И Койту стало смешно. Кейт, наблюдавшая этот цирк, наконец не выдержала:

—Учти, если он вконец застрянет, я его отстрелю, а как иначе мы пойдём дальше, не трубу же тащить с собой.

Сказано это было таким серьёзным тоном, что Койт поспешил выдернуть палец и оставить дырки в покое.

На мобильном Койта было восемь часов, когда несчаст-

ные путешественники одновременно увидели широкую нишу в стене тоннеля, которая явно вела в боковое помещение, но была закрыта на горизонтальные жалюзи с врезным замком. Путники отошли назад, Кейт прицелилась и пару раз выстрелила в замок. Толку никакого.

—Погоди, — остановил её Койт, — тут не надо спешить, у меня идея. Но нам придётся вернуться к вагонеткам, причём, уж извини меня, пару раз.

— Я не смогу, Койт...

—Тогда наберись смелости, положи рядом глок и жди меня.

Назад в горку идти было тяжеловато, но реальный шанс выбраться подстёгивал Койта. Он вернулся в девять пятнадцать с цепью и трубой. Оба конца цепи он примотал к жалюзям около замка, а из трубы и середины цепи на другом конце рельсового пути сделал нечто подобное петли.

— Ты должна всё же пойти со мной, — Сказал он Кейт, — мы сейчас вернёмся к вагонеткам, я рычагом их сдвину назад... Сдвину — сдвину, не сомневайся, я попробовал — получается. Ты уберёшь башмак, они разгонятся, зацепят петлю и вырвут эти жалюзи как пить дать, да ещё и с куском

стены вырвут, не сомневайся...

На похвалу Кейт, мол, ну ты и голова, польщённый Койт только отмахнулся:

— Пожила бы ты с моё в руинах и не такому бы научилась, там башкой надо работать, иначе сгинешь.

Однако, простым рычагом из п-образного профиля сдвинуть вагонетки с места у Койта не получалось. Сантиметра на три они подавались назад, но с башмака до конца не съезжали. Оба страдальца уселись на рельсы.

— И что теперь? — Кейт сидела и чертила на грунте полосочки.

— Надо думать, как сделать рычаг длиннее. — Койт вспомнил уроки Косты. — Погоди, давай попробуем вот так.

Койт подsunул профиль под колёсную пару изнутри около рельса, приподнял его, а Кейт подsunула другой профиль перпендикулярно, оперев его на сам рельс. Затем мальчишка наступил ногой на конец второго профиля и, о чудо, вагонетки сдвинулись гораздо дальше, чем башмак. Кейт сняла стопор с рельса, Койт откинул профиль, и состав начал набирать скорость. И тут он подумал о том, что он не учёл:

а вдруг вагонетки разгонятся так быстро, что слетят с рельс ещё до цели. Опять не оставалось ничего другого, как молить боженьку, чтобы всё было как надо.

Может, помогли молитвы, а может ржавые подшипники, но всё произошло так, как надо. Сам звук катастрофы дети не слышали, далековато было, даже в гулком тоннеле. Но когда они добрались до ниши, вагонетки были разбросаны по сторонам, повыбивав куски бетона из стен, а жалюзи, хоть и не были выворочены, но были раздвинуты посередине, так что в боковой проход можно было спокойно пролезть.

Ребятишки помедлили у входа, освещая глубину ответвления. Перед ними был небольших размеров зал, полностью отделанный белым кафелем. Зал заканчивался дверьми нараспашку, занавешенными пожелтевшими от времени и потому непрозрачными толстыми полиуретановыми шторами. Рядом с этими шторами была стойка вроде рецепшина в каком-нибудь учреждении. По залу были разбросаны несколько перевёрнутых каталок. Койт сделал несколько шагов и, чёрт, чёрт, чёрт, за каталкой валялся мумифицированный труп, в рваной военной форме и ошмётках бинтов, около него ещё два тела в защитных синих костюмах, лежавшие крест-накрест друг на друге, а главное — по полу были рассыпаны пиксельные дроны, некоторые разбитые, явно пуля-

ми, но парочка имперских убийц были подозрительно целыми.

К Койту сзади подкралась Кейт, прижалась к нему и, вцепилась точь-точь как несколько часов назад, ожидая падения боеголовок на гребне хребта. Она часто дышала, и вроде хотела что-то сказать, но в этот миг один из вроде бы целых пиксельных дронов шевельнулся, и что-то внутри него отчётливо щёлкнуло в абсолютной тишине. Койт, что было сил, отшвырнул от себя Кейт, и сам отпрыгнул в другую сторону.

— Они реагируют на объём, Койт! — крикнула отлетевшая Кейт с другого конца рекреации.

— И, я думаю, на тепло... — добавил Койт. — Вот суки, сколько времени прошло, а они, пожалуй, может ещё активны.

— Давай не будем проверять, ближе пару метров друг к другу не подходим.

— Хорошо, я иду первым.

Койт, прицелившись из глока в шевелившийся недавно дрон, прошёл к шторам. Дрон не подавал признаков жизни. Это было хорошо, значит, по-отдельности Койт и Кейт были

слишком мелковаты для целей. Всё—таки совесть у имперцев была. Детей они убивать не хотели.

За шторами стало ясно, что когда-то здесь был госпиталь. И ещё было понятно, что тут шёл бой насмерть между людьми, некоторые из которых и так были беззащитны, и полчищем мелких членистоногих дронов, несущих если не мгновенную, то, очевидно, быструю смерть. Кавардак из мумифицированных трупов, перевёрнутых коек, медтехники. И всюду дроны, дроны дроны, разломанные, расстрелянные и вполне целые на вид. Лучики фонариков Койта и Кейт тряслись и метались по длинному, но не особо широкому помещению. Койт, по-собачьи перепрыгивая скелеты, дроны и обломки двигался вдоль левой стены. А Кейт шла вдоль правой и, в отличии от дружка, ломилась напролом, распихивая всё, что попадалось на пути и бесстрашно отфутболивая дроны. Да ещё при этом, как заметил Койт, которого колотило мелкой нервной дрожью, девчонка сгребала какие-то пузырьки и склянки в свой рюкзачок, причём иногда не просто так, а на пару секунд останавливаясь и читая этикетки. «Вот и пойми эту девку, — подумал Койт обливаясь потом, — то рыдает у тебя на плече, а тут, среди груды трупов и рассыпанной по полу смерти, ведёт себя, будто всё это для неё обычное дело...»

Вот так они и добрались до конца госпиталя. Там были

обычные двухстворчатые двери, закрытые на магнитный замок. Света не было, и они по идее должны были быть открытыми, но не тут-то было. Скорее всего персонал включил аварийное питание и аккумулятор ещё не до конца разрядился: как не пытался Койт толкать створки, они вроде бы и прогибались, но их было, очевидно, ему не открыть.

— Дебильное кладбище, — ругался Койт, прижимаясь лбом к армированному толстённому стеклу, — и не разобью его, и глок не расхреначит, бронированное, пожалуй...

— Это не кладбище Койт, — отозвалась Кейт, которая присела у трупа медика, что явно при жизни бежал, спасаясь, к этому выходу, и, перевернув тело (Койта аж передёрнуло) обыскивала его, — кладбище, это когда по-человечески, Койт, а тут просто могильник.

Наконец, Кейт нашла чипированную карточку, вызволив её из костей правой кисти трупа.

— На! Попоробуй! — Кейт метнула карточку Койту, тот приложил её к считывателю, что ещё поблёскивал красным светодиодом, и навалился на дверь, да так, что упал набок, когда она открылась.

Койт не успел подняться, когда в дверной проём, наплевав

на дистанцию, вломилась Кейт и закрыла за собой чмокнущую дверь, да ещё и торопливо обмотала ручки куском медной проволоки, что так кстати валялась прямо под ногами.

—Ну ты даёшь! — даже с некоторым восхищением произнёс Койт, — я там чуть со страху не помер, а ты пёрла как танк, раскидывала и жмуриков, и дроны...

—Давай не будем, — Кейт отмахнулась, — это тоже всё от ужаса...

—Ну конечно, — усмехнулся Койт, — и пузырьрочки с пакетиками ты тоже от ужаса собирала...

—Ах, одно другому не мешает.

В помещении, где они оказались, работал дежурный неяркий жёлтый свет. Кругом тоже был бардак, но не было ни трупов, ни пиксельных дронов. Значит сюда враг не добрался. Судя по всему, это был склад, и тут было всё, разве только продовольствия не было. В конце склада был лифт, а перед ним распахнутые решётчатые двери оружейки.

—Наверное, работают изотопные аккумуляторы, — поделился техническими познаниями Койт, — я о таких читал, их на десяток лет хватает...

— Пусть даже и так, — Кейт заинтересовалась стопкой полотенец, — хорошо бы, чтобы ещё и лифт работал.

По пути к лифту Койт заглянул в оружейку. По правую сторону стояли нетронутые штурмовые винтовки, а вот коробки с пистолетами и патронами к ним были выворочены явно в приступе паники. На полу стояли два вскрытых ящика с лёгкими гранатами — оружие ближнего уличного боя. Койт с радостью приметил патроны от глока, сунул себе в рюкзачок две сотни в упаковках, ещё две сотни взяла Кейт. Ещё они прикарманили два армейских бинокля. Ребята направились к выходу, но мальчишка оглянулся:

— А —а... Зараза, — и вернулся назад, снял со стеллажа тяжеленную штурмовую винтовку, снарядил её обоймой, и ещё пару набитых обойм кинул в без того отяжелевший рюкзачок.

— Койт, а Койт, — усмехнулась Кейт, — ну на кой она тебе...

— Ладно, избавиться всегда успеем...

На вид лифт был совершенно исправен и стоял здесь, внизу. Кейт потянулась было к кнопке вызова, но Койт перехва-

тил её руку:

—Ты, девочка, слышала что-нибудь про минирование, всякие там растяжки и тому подобное?

Кейт покрутила головой. Тогда Койт нашёл длиннющую телескопическую палку для шторок между больничными кроватями, выдвинул её на максимум, подкатил картонную бочку с тряпьем, и уже из-за неё нажал кнопку. Двери лифта, подумав, открылись. Взрыва не было. Тогда Койт закатил бочку внутрь лифта, вышел, дождался, когда двери закроются, и нажал кнопку со стрелкой, показывавшей «вверх». Лифт поднимался минуты две. Было слышно, как там, наверху, двери опять, подумав, открылись, подождали и снова затворились.

—Ну, вроде всё окей, — улыбнулся Койт и снова вызвал лифт.

—А мы не застрянем? — засомневалась Кейт, когда они вошли вовнутрь.

—Застрянем, полезем по шахте, — ехидно подогревал её опасения Койт, — вон, лючок на потолке откроем и полезем.

Но лифт доехал. Двери открылись, и за ними их никто не

поджидал.

— Вот спасибо тебе, боженька, — искренне выдохнул Койт.

— Вот спасибо вам, изотопные аккумуляторы, — Кейт была сторонницей более приземлённой версии действительно чудесного везения.

Это был вход в госпиталь, грузовой шлюзовой отсек, как со знанием дела пояснила Кейт, оглядываясь по сторонам. Понятное дело, что просто так взять и выйти наружу и здесь не получится. Дети пробежали метров сто к заваленному входу. Шлюзовые ворота, наверняка от ударной волны аннигиляционного взрыва, плашмя рухнули внутрь помещения, но лежали не прямо на полу, а подмяв под себя кучу разных предметов и тележек, что стояли около входа. Сверху на упавшие воротины осыпались куски бетона и порода, на вид не такая уж крепкая, но и не чёрный песок. Вцелом, завал был не безнадёжный, а рыхлый, сквозь прорехи было видно тьму ночи, ощущался сильный дождь и были видны всполохи молний.

— Ладно, могло быть и хуже, — Койт обернулся.

Прямо около завала застыл слегка набекрень мощный ракетный тягач. Его правая гусеница провалилась в канаву, скорее всего водостока, и пара траков застряли в ней. Очевидно, что спешно эвакуировавшийся персонал госпиталя просто плюнул на эту машину, хотя ракетный тягач был, что не говори, довольно ценным имуществом. По правую стенку были разбросаны голубые газовые баллоны, ростом чуть поменьше Койта. Мальчишка попробовал их поднять — не трудно, они явно были пустые.

— Это кислород, — пояснила Кейт, — для раненых. С ним надо быть поосторожнее, бывает взрывается.

Койт кивнул. Вдоль левой стены стояли паллеты, под которые были подкатаны электрогидравлические тележки, которые Койт частенько видел на железнодорожных станциях. Наверняка эти паллеты должны были быть погружены в тягач и увезены, но ввиду застрявшей машины, они тоже были брошены, конечно же, по божьему промыслу и на их с Кейт счастье. В первом паллете была бутилированная вода, во втором — прочая выпивка. Койт разодрал целлофановую обёртку пачки и вытянул пару бутылок пива.

— Не, — отмахнулась Кейт, — хватит мне на сегодня алкоголя...

— Да какой алкоголь, — Койт ткнул пальцем на рисунок банки, — чистейшая армейская нулёвка, саттербульлагендорф, — прочитал он с трудом.

В третьем контейнеры были средства гигиены, обтёрся — считай, что помылся.

Кейт тем временем нашла под паллетом крюк и взломала им четвёртый контейнер, побольше прочих, и даже взвизгнула от радости, достав оттуда армейский офицерский обед:

— Койт, у нас будет королевский ужин, мы будем жрать — жрать — жрать!

Койту как-то не приходилось общаться с сублиматными пайками, а вот у Кейт был богатый опыт. Она показала, как с помощью приложенного шприца и бутилированной воды влить внутрь двести миллилитров жидкости, обязательно подождать, досчитать до ста, а потом дёрнуть за кольцо на дне контейнера и ещё раз досчитать до ста.

— Главное, не психуй, потерпи три с половиной минуты и будет вкусно, — она настаивала на методике приготовления, понимая, что терпения у Койта может не хватить.

Сделав всё как надо, они вскрыли, навёртели на специальные ключи верх контейнера, а там — ароматное картофельное пюре и гуляш в соусе, да столько, что здоровый мужик наестся может.

Поужинав, они минуты две просто сидели на полу, ошеломлённые свалившимся на них богатством.

— Тут нам, пожалуй, на полгода еды и питья хватит, Кейт,
— подытожил Койт.

— То есть, мы что тут, полгода сидеть будем?

— А почему бы и нет. Будем себе аккуратно, потихоньку, разбирать завал. Снизу хрен кто сюда пройдёт по могильнику. Во всяком случае, крупнее нас вряд ли кто. Хоть отдохнём как люди...

Кейт не ожидала такого предложения со стороны друга и призадумалась, А Койт посмотрел на часы:

— Ёксель—моксель, Кейт, полпервого ночи. Давай спать. У нас такой день пролетел, что в целую жизнь не уложится...

— Давай, — Кейт огляделась, — а где?

Койт прищурился и на удивление легко отодвинул от стены контейнер с пойлом, освободив дверь. Она была не заперта. Как он и думал, там оказался кубрик для персонала. Четыре койки. Бельё. Одежда. Койт прыгнул на койку:

— Бля, мягкая Кейт, как пузо попа, — и, засмеявшись, он притащил себе ещё один матрац.

— Воздух тут спёртый, — вздохнула девчонка, устраиваясь на другом ложе.

Койт поднял вверх палец, выскочил наружу и приволок один из голубых баллонов. Он открыл вентиль и с шипением пустил кислород.

— Ты что, с ума сошёл, — Кейт реально перепугалась, но Койт уже закрыл вентиль, а воздух вокруг них стал почти что горным. — Мы ещё и дверь закрывать не будем...

И когда они уже лежали в кроватях, Кейт всё-таки не выдержала и спросила:

— А ты это серьёзно, насчёт полгода тут пожить...

— Это как получится Кейт, но быстро нам входной завал не разобрать, даже втроём...

— Что значит втроём?

— А боженька, Кейт. Он же нам тоже поможет...

— Да иди ты со своим боженькой, он что тебе, тот громила — имперец из вагонетки? Вот он-то точно в два удара...

— Они не отпустят нас, Кейт...

— Кто?

— Наши спасители, которых я убил. Всю нашу, бог даст, длинную—длинную жизнь мы то и дело будем о них вспоминать. Нет, не то, чтобы сожалеть, просто будем помнить и всё...

Что тут было ещё сказать. Кейт повернулась к стенке и закрыла глаза. Койт смотрел —смотрел в потолок, да и засопел, а потом и захрапел, открывши рот. И снились ему весёлые черти, что бегали за ним с плётками и почему—то алюминиевыми крышками от кастрюль. И было вовсе не страшно, а даже весело, и, может быть, он даже смеялся во сне, но Кейт не просыпалась от этого, и даже не слышала этого смеха, так как видела свой обычный деловой сон, после которого встаёшь с чувством, мол, что—то я вчера недоделала...

Глава 3.

Чамча.

Я сам себя иногда останавливаю, когда понимаю, что не стоит, пожалуй, скатываться в описание физиологических проявлений человеческой сущности. Но, что поделать, классиком литературы не являюсь, да и не буду, хотя и хотелось бы... Вот как, предположим, опишет серьёзный литератор начало дня обычного человека, ну, или там, скажем, человека, если речь идёт о существе малоценном или ребёнке. Понятное дело — и радость пробуждения, если в жизни всё срослось, или просыпаться ему в тягость, коли кругом сплошная печалька. Ну, конечно, потягушечки — кофе — умывашки, это в домашних условиях, или какие угодно там, но, несомненно, одухотворённые действия в условиях полевых... А вот фиг вам. Любой человек, проснувшись, бежит по одному всем известному маршруту, и Койт не исключение.

Дверь в ватерклозет оказалась завалена куском бетона с торчащей скрученной арматурой, что не давала надежду оттащить обломок и проникнуть в вожаделенную комнату. Арматура эта выросла другим своим концом куда-то в плоть входного завала. Впрочем, ну и заскочил бы Койт в желанное помещение, но канализация вряд ли работает, так что же — гадить там куда придётся, а если и правда судьба сидеть

тут полгода, что ж тут вокруг будет твориться? А проблема требовала быстрого решения. Койт уже согласен был сперва набедокурить, а уж потом подумать об этом самом решении, но, пока готовился к этому безобразию, вспомнил о чудесной кровати для лежачих больных в инсектарии, а потом его взгляд упал на контейнеры и его осенило: там, где полотенца для обтираний, должны же быть и иные немаловажные предметы! Подёргиваясь от нетерпения, он вскрыл оболочку контейнера с другой стороны — и вот они, памперсы для лежачих раненых. Для взрослых, большущие. Койт расстелил один на полу — хватило с лихвой.

Совершив утренний ритуал, Койт свернул памперс, закрепил застёжками, подошёл к входному завалу, через дырки в котором во входной шлюз проникало светлое утро, нашёл брешь побольше, запихнул его туда, затем снял с боковины тягача штатную ремонтную штыковую лопату с нелепо длинным пластиковым черенком, которым и выбил использованный предмет куда-то на вожделенную волю.

Тут и Кейт вышла из кубрика, явно озабоченная той же утренней проблемой. Она увидела разодранную пачку подгузников, и, взяв один, ушла за тягач, а потом, как и Койт, вооружившись лопатой, будто артиллерист шомполом, избавилась от использованного предмета.

Вот к чему всё это описывать? А к тому, что есть миры, где даже маленьким людям приходится не просто существовать, а выживать по мелочам. Миры, где те действия, что ка-

жуются нам такими обыденными и не достойными внимания, требуют от вас новых решений, где порой, даже чтобы просто облегчиться после сна, необходимо крепко подумать... Вот так-то...

Благодаря влиянию Кейт, Койт научился мыть руки перед тем, как трогать еду, но до чистки зубов дело ещё не дошло. Тем временем, Кейт выяснила, что офицерские пайки были четырёх видов. Уже отведенное ими картофельное пюре с гуляшом, ещё там были макароны с котлетой (на пачке обнадёживающе уточнялось, что котлета мясная), рассольник с куском пшеничного хлеба, и пачка поменьше, где было четыре сырника и яблочное повидло. На Терре Три было хорошо развито растениеводство — желтели поля пшеницы, зеленели плантации овощей, садоводство процветало, на южных островах склоны вулканов быстро поросли чайными кустами и первыми кофейными плантациями, местный климат и почвы были благодатны, и не было ни болезней, ни вредителей. А вот с животноводством было сложно — молоко и мясо производили на биофабриках из клеточных культур. Но простым людям эти продукты были привычны, поэтому вкус синтетических сырников был для наших героев вполне приятен и пригоден для завтрака.

— Эх, чайку бы... — Вздохнула после завтрака Кейт.

Койт хотел было съехидничать, но вдруг передумал и от-

ветил так, как не ожидал от себя:

— Ты потерпи, вот выберемся отсюда, буду каждое утро поить тебя и чаем, и кофе с молоком...

После завтрака наша парочка решила исследовать последнее помещение во входном шлюзе, где они еще не были. Над задней стенкой шёл застеклённый балкон во всю ширину помещения. Кейт и Койт поднялись туда по металлической лестнице, что примостилась от входа в кубрик, где они ночевали. Внутри балкона, вдоль окна, была прилажена монолитная столешница, заставленная мониторами и заваленная разной канцелярией и журналами для записей. Под столешницей было четыре системных блока. Койт по очереди нажимал на них кнопки, но ожил только один. Перед чёрным экраном материализовалась затейливого вида голограмма. Койт попытался её раскрыть, запустить систему, но, сколько он не погружал в неё пальчики, система не оживала.

Кейт, тем временем, открыла журнал красного цвета. Это была рукописная версия хронологического отчёта. Несмотря на всю дигитальную деятельность, армия оставалась армией, и архаичный способ отчёта с помощью ручки и карандаша никуда не делся. Кейт пустила веером страницы, а потом посмотрела на форзац. На форзаце был наклеен белый листик, на котором мелким аккуратным почерком простым карандашом неизвестный романтик непонятно зачем запи-

сал незатейливый грустный стишок:

Я прошу тебя, как брата,
А кого ещё просить?
Дай мне яблоко заката
Перед смертью укусить.
Я прошу тебя, как друга,
Ты не сможешь отказать...
Леденцовую дай вьюгу
Со снежка мне полизать.

Я прошу тебя, товарищ,
Плескани мне в колпачок.
Уголёк мне дай с пожарищ,
Закушу им и молчок.
Больше я просить не буду.
Мешковину стянет нить.
Меня сверху бросят в грудку,
Кого утром хоронить.

Погляжу на вас немного,
И на небо полечу.
Даже если встречу бога,
Ничего я не хочу.
Впрочем, нет - спрошу, где наша
Рота топчет облака.

Чтобы с ними ложку каши
Зачерпнуть из котелка.

— Смотри-ка! — Койт оторвал Кейт от листания журнала.

Голограмма схлопнулась, и на чёрном экране монитора побежала строка: «Здравствуйте, вас приветствует Чамча, искусственный интеллект полевого госпиталя номер четыре вооружённых сил Республики. Приступайте к активации.» Койт пожал плечами, а Кейт подвинула клавиатуру и пальчики её ловко застучали по клавишам:

«Чамча, нам необходима помощь. Мы дети, мы случайно здесь оказались, помогите нам выбраться.» В ответ неожиданно сзади, вроде как из помещения, что было в нише над лифтом, раздался голос, не совсем понятно, то ли женский, то ли детский:

— Я наблюдал за вами. Вы решительные и сообразительные существа, но не являетесь аутентичными детьми в биологическом смысле этого слова. К сожалению, не могу вам содействовать без введения кода активации.

И Кейт и Койт кинулись посмотреть, что там в нише, но там был просто привод лифта и стояли изотопные аккумуляторы, что и поддерживали остатки жизни в госпитальной энергосистеме.

— Чамча, ты здесь? — Опять спросила Кейт. — Ты где?

— Я гораздо ближе, чем вы думаете, но я ещё раз повторю, я военный ИИ, я не могу содействовать вам без активации, я связан присягой.

— Да какой на фиг присягой, — Койт топнул ногой, — твой госпиталь давным-давно уничтожен пиксельными дронами, все военные отсюда сбежали, да и война закончилась ядерным ударом землян с орбиты! Ты вообще в курсе всего этого?

— Я в курсе всех этих событий. Но это ничего не меняет. Скажи мне, Койт, вот ты можешь прямо здесь взять и взлететь, как голубь или летун?

— Что за бред, конечно нет. Вот Кейт, она раньше могла...

— Правда? Интересная информация. Вот также, Койт, как ты не можешь взлететь, я не могу сотрудничать с вами без активации.

— А если бы мы умирали, а если бы нам, детям, грозила опасность, ты бы начал действовать? — Теперь уже спраши-

вала Кейт.

— Кейт, ты подменяешь понятия. Меня не проведи. Вы не дети в истинном понимании этого эпитета. Или произнесите активационную фразу, или я замолкну.

— Да пошёл он, Кейт, — Койт раздражённо пнул валявшийся на полу патрон от лампочки, — он прекрасно знает, что мы понятия не имеем, что за пароль он требует произнести.

— Вы его видели, Койт, вернее, видела твоя подруга...

— И где это она его видела? — Койт от злости подбоченился.

Ответа не последовало. В задумчивости дети снова вышли на балкон. Койт сел на кресло и теперь уже пнул ногой тихо сопевший системный блок. Тот упал на бок.

— То же мне, друг человека, ИИ недоделанный,— прошипел он, и в этот момент Кейт вскинула брови, стукнула Койта кулачком по плечу и задрала вверх правый указательный пальчик.

Койт спросил, мол, чего это ты, но Кейт не стала пояснять,

схватила красный журнал, открыла форзац и торжественно прочитала ту строчку в стихотворении, что была старательно обведена пожирней:

— Чамча, я прошу тебя как друга...

— Спасибо за сообразительность, Кейт, я готов сотрудничать с тобой.

— Проблема у нас одна, Чамча, — со вздохом произнесла Кейт, — нам бы поскорее выбраться на волю. Как убрать завал?

Кейт ожидала ответ от Чамчи, но Койт опередил ИИ:

— Да тут и думать нечего, Кейт, там, внизу, в оружейке, полтора ящика лёгких гранат, засунем их в дыру побольше, рванём, и мы свободны!

— Что ты думаешь об этом плане, Чамча? — спросила Кейт.

— Здоровое зерно тут присутствует. Но вероятность таким образом разрушить завал не более двадцати процентов. Вероятность того, что ситуация в принципе не изменится такая же. А вот вероятность того, что взрыв ещё более расширит

и уплотнит завал, посчитайте сами, составляет шестьдесят процентов...

— А ты-то сам что предлагаешь? — зло осведомился Койт, но в ответ услышал, — Я не сотрудничаю с вами, Койт. Вы не произнесли активационную фразу.

Кейт подёргала Койта за ткань на локте, мол, давай, скажи пароль, но Койт выдернул руку:

— Сама завела себе нового дружка, сама с ним и это, сотрудничай...

— Каков твой план, Чамча?

— Мы используем ракетный тягач и вытолкнем завал наружу.

— Да мы твой тягач из лотка не вытащим! Вон, как от траками туда провалился... — на возмущённую реплику Койта, ИИ ожидаемо промолчал.

— Что нам делать сейчас? — спросила Кейт.

— Освободите все четыре электрогидравлический подъёмника из-под паллет и подсуньте их под свободную часть

гусеницы тягача с той стороны, где он застрял. Затем по очереди поднимайте подъёмники до упора, начиная с самого ближнего к завалу. Но в первую очередь найдите в нише с лифтовым механизмом канистру с солидолом, смазкой, и выльете её на застрявший трак.

Койт и Кейт возились с подъёмниками долго, наверное, час, не меньше, но застрявшая гусеница тягача не желала вылезать из желоба. Кейт пытала молча, а Койт под конец раздухарился, клял всё и всех на свете, матерился так, как не должен был мальчишка его возраста. Чамча всё это время выжидательно молчал. В итоге Койт подложил под гусеницу три пустых кислородных баллона, освободил первый подъёмник и всунул его прямо в траки над застрявшей гусеницей и стал поднимать. Кейт отошла к стенке и наблюдала за мальчишкой, было видно, что она даже побаивается его гнева.

—Что ты стоишь там? — обернулся к ней Койт, — помогай, давай!

Кейт подбежала к нему и потянула ручонки к ручке, что накачивала масло в поршень, но Койт вдруг схватил подружку и просто взял и посадил на эту ручку сверху, а потом и сам повис на ней. Ракетный тягач вздрогнул, завалился назад, и гусеница вырвалась вверх, а Койт, упавший с ручки подъёмника, успел подкатить под звено сперва один баллон, а затем

и другой, прежде чем гусеница снова опустилась вниз.

Койт перевернулся на спину и лежал так несколько минут, надрывно дыша, закрыв глаза и считая вспыхивающие под веками звёздочки. Открыл он глаза только тогда, когда Кейт принялась осторожно обтирать его лоб мокрой салфеткой.

— Спроси своего дружка, доволен ли он, — Койт присел и отплёвывался липкой слюзью.

Чамча ответил, что был практически уверен в положительном исходе дела, особенно учитывая находчивость и упорство Койта. Далее Чамча сказал, что надо повернуть руль тягача налево, сдать вперёд до завала, затем вывернуть руль, сдать назад до упора, потом выровнять тягач так, чтобы сливной лоток был под днищем посередине и направить броневик на завал на первой скорости максимально газуя. Пока ИИ давал свои ценные указания, Койт уже уселся на сидение водителя и повернул тумблер зажигания. Аккумулятор был безнадёжно мёртв, что было не мудрено — с момента последней заводки двигателя минуло, почитай, года три, а может и поболее. Мальчишка выскочил наружу:

— Чамча, я прошу тебя как друга, пошёл ты со всем своим интеллектом, а я в свою очередь пошёл в оружейку за гранатами...

—Спасибо за активацию, Койт, но не стоит отчаиваться, справа от сидения водителя откинь дверку, там ты увидишь синего цвета модуль экстренной заводки двигателя. Просто наложи его сверху на клеммы аккумулятора, соблюдая полярность... (Койт нахмурился и Чамча пояснил). Плюс на плюстик, минус на минусик. И тягач однократно заведётся, главное — не заглохнуть.

Койт сделал всё, как говорил ИИ. Тягач изрыгнул чёрный столб дыма, и Койт начал маневрировать. Кейт предусмотрительно забежала на балкон. И когда машина уже была готова совершить таран завала, мальчишка поставил движок на холостые обороты и вылез на броню.

— Ты чего медлишь? — Крикнула, выглянув из балконной двери, Кейт, — мы тут задохнёмся с тобой к чёртовой бабушке!

— А вот ты не подумала своей башкой, что со мной—то будет, когда я пойду на таран. Меня засыплет в этой машине навсегда или свалюсь в пропасть к той самой твоей бабушке... Я прав, Чамча ?

— Мы на войне. Кто—то должен жертвовать собой...

— Койт, не вздумай! — задыхаясь от выхлопов двигателя крикнула Кейт.

— Давай лопату! — Крикнул соскочивший с борта Койт, сам подбирая газовый баллон, который он, кашляя, затащил в кабину.

Черенок лопаты, просунутой Кейт, мальчишка упёр в педаль тормоза, и крикнул наружу:

— Держи так, зеленоглазая моя, что есть сил — держи!

Койт врубил передачу, положил баллон на педаль газа и выскочил прочь, обнял Кейт, которая уронила лопату, и они буквально скатились с тягача, что взревел, чуть ли не взбрыкнул и с разгона протаранил завал, добавив к синему выхлопному дыму ещё и бетонную пыль, после чего заглох. Койт, в кромешном аде, потащил Кейт в кубрик, где они спали, захлопнул дверь и открыл вентиль, пустив кислород.

Жадно отдышавшись, Кейт подняла глаза к потолку, хотя, в общем, было непонятно, откуда именно вещает ИИ :

— Ну что, Чамча, получилось?

— По моим ощущениям, есть путь наружу.

Койт выглянул в шлюз — пыль, гарь, вонь, выходить было ещё рановато.

— Давай посидим тут немного, передохнём... — предложил он Кейт, — недолго, минут десять...

Койт закрыл глаза и устало откинулся на кровать.

— Койт, Койт, ну чего ты разоспался, я есть хочу... — Кейт безжалостно трясла его за плечо.

— Хочешь, иди да ешь, — Койт сел на кровати, спина побаливала, — сколько времени?

— Полвторого, ты час дрых...

Койт вышел в шлюзовую. Пыль улеглась. Он глянул на завал и, замерев обалдело, выдал в отношении Чамчи такую фразу, за которую его даже Коста бы отлупастил. Картина была следующей: ракетный тягач был по корму завален песком, и вообще всё было завалено песком, и было такое ощущение, что начни копать — этого песка только прибавиться. Если раньше завал был дырявым, то теперь он казался безнадёжно монолитным.

— Вы делаете поспешные выводы, присядьте и посмотрите под днище машины.

Койт присел и посмотрел. Тягач сумел-таки сдвинуть во-ротину с бетонными обломками, да не просто сдвинуть, а, скорее всего, пустить их вниз, по, наверное, довольно крутому склону. Под днищем действительно был проход на волю, причём по водостоку можно было не просто ползти, а вполне комфортно двигаться на четвереньках. Через лаз был виден потрескавшийся асфальт и очертания некоего пейзажа вдали, что дрожал в мареве поднимавшегося горячего воздуха. Тут набежал порыв ветра, что заглянул и под тягач, и бросил в лицо Койта колдунчик цементной пыли. Мальчишка чихнул и закрыл лицо рукой.

— Вот видите, я всё-таки искусственный интеллект и гораздо полезнее, чем вы думаете, — сказано это было без какой-либо гордости, Чамча просто констатировал факт своей победы.

Дабы поразмыслить над дальнейшими действиями, Койт выдернул из палетта ящик пива и жадно присосался к банке.

— Я, как медицинский ИИ, не рекомендовал бы злоупотреблять этим напитком, — тотчас озвучил своё мнение Чамча.

—Это же нулёвка.

—Даже безалкогольное пиво усиливает моторику кишечника, вызывая чрезмерную перистальтику...

— У меня тоже был свой наставник, — отмахнулся Койт, — он ответил бы тебе: не гони пургу по федеральным землям.

— Мне не ясен смысл этой метафоры.

—А смысл в том, что я и сам знаю, чай не дикий, что пердисталика в закрытом помещении нежелательна и неуместна. Но мы скоро выйдем на улицу, и там ко мне не будет претензий.

У Кейт из рук выпал лоток с обедом, она расхохоталась:

—Чамча имел в виду совершенно не то, о чём ты, Койт, подумал.

—Спасибо за поддержку Кейт, — поблагодарил её Чамча, — эрудированность вашего друга явно не на уровне.

Койт хотел было поспорить, но подумал, что спорить с ма-

шиной мало проку, и вместо этого вытащил из рюкзака приборчик с непонятными письменами, что был у здоровенного имперца:

— Лучше скажи мне Чамча, что это такое?

— Это стандартный имперский дозиметр.

Койт попросил Чамчу показать, как он работает. Оказалось, всё совсем не сложно, и пока Кейт разогревала обед, мальчишка успел померить радиацию в шлюзе. Гамма фон был повышен, но Чамча успокоил, что для этой местности всё нормально.

— Странные у них буквы, — подытожил Койт, — говорят они по-нашему, а пишут не пойми как...

— Они сами придумали алфавит, максимально не похожий на наш, стандартный. Это политика. Не знаю, поймёшь ли ты меня, но так получилось, что самоидентификация двух наций, республиканских рудокопов и имперских обывателей складывается на отрицании причастности к одному народу. Спроси республиканца, кто он такой, и весь смысл ответа будет заключаться вовсе не в том, что он перечислит свои неповторимые черты характера или исторически сложившиеся особенности быта. Республиканец будет говорить только

о том, чего он неприемлет в имперце. С имперцами тоже самое. Короче говоря, Койт, это называется философия, тебе не понять.

— Почему же не понять, — Койт дожёвывал котлету, — бьём друг другу морды согласно паспортным данным, вот и вся недолга...

— Послушай, Койт, — Кейт уже всё доела, и даже прополоскала рот водой, — я хочу серьёзно с тобой поговорить.

— Ну, попробуй, — наевшись, Койт явно повеселел.

— Давай договоримся, что ты больше никого убивать не будешь.

Койт даже поперхнулся, струйка воды у него брызнула из левой ноздри:

— Эххе, блин, кхэ... — Койт высморкался в пятерню и ей же обтёр нос, — а выжить-то нам как Кейт? Как нам выжить-то там, — он показал под тягач.

— Раньше ты как-то выживал, не мочил всех направо налево.

—Твоя правда, по большей части просто давал дёру, но и боженька помогал, не давал меня прижимать к стенке. Я знаю, боженька не любит, когда убивают, особенно, когда в этом не каются. Но я обязательно покаюсь, как только окажусь на ... Как её...

—На исповеди, — подсказал Чамча.

—Вот-вот, — продолжил Койт, — и потом, Кейт, мы жили с тобой в государстве с правилами и законами, с теми людьми, что заставляют жить по этим правилам, и мы были гражданами, а значит и сами согласились на это. На то, что называют...

—Непреложными атрибутами государства, — опять встрял Чамча.

Койт подсел к Кейт вплотную и шепнул ей:

—Давай обсудим это там, на воле, без лишних ушей...

На сборы у наших беглецов ушло полчаса. Рюкзачки и карманы комбинезонов были набиты под завязку. Кейт даже засомневалась, утащат ли они это всё, но Койт отмахнулся,

дескать, под горку пойдёт, а там, может чего и выкинем. И, в отместку Чамче, он засунул шесть банок пива в сетчатый мешок, что снял с днища кислородного баллона и прицепил эту сетку к крючку под рюкзаком.

Прежде чем выбираться наружу, Койт поинтересовался у Чамчи, какие у него есть сведения о происходящем в последние часы. ИИ ответил, что работают только экстренные каналы связи, и он ловит иногда первый канал телевидения Империи. Вся спутниковая группировка противоборствующих сторон уничтожена флотом кольца. Ни император, ни президент республики к нациям не обращались. Боевые действия прекратились, но перемирие, судя по всему, никто не объявлял, как никто не объявил себя победителем, и никто не признал своей капитуляции. Удар с орбиты вывел из строя, по подсчётам Чамчи, до семидесяти процентов вооружённых сил противников. Жертвы мирняка были тоже чудовищными. И ещё, по-видимому, барон начал движуху на федеральных землях, подминая их под себя.

— Короче говоря, ничего не понятно, но это пока... — сделал вывод Койт.

Они уже собрались встать на четвереньки и проползти под тягачом, когда Кейт, как обычно, дёрнула Койта за локоток комбеза:

— Может возьмём его с собой?

— Кого?

— Чамчу.

Койт набрал в грудь воздух и вместо ответа потряс обеими пятернями перед грудью, так, что стороннему наблюдателю сразу было бы понятно, что он просто потрясён идиотизмом сделанного предложения:

— Какого, едрить, Чамчу? Мы что, серверную с собой потащим?

— Я уверена, что ИИ довольно компактен и мобилен, иначе военные вряд ли бы поступили.

— Так что же они его с собой не забрали?

— Я довольно надёжно изолирован, — вмешался в перепалку Чамча, — к тому же персонал госпиталя явно рассчитывал вернуться, но что-то пошло не так, и мне пришлось оставаться автономным.

— А ты самостоятельно ходить можешь? — спросил Койт.

— Ну, в пределах разумной эргономики я вполне мобилен...

—То есть, у тебя и ручки, и ножки... — заулыбалась Кейт.

—Я вполне антропоморфен.

—Всё, я отсюда никуда не пойду, пока ты нам не покажешься, — Кейт скинула поклажу и уселась на баллон изпод кислорода.

— Я нахожусь в сомнениях, — Чамча ответил не сразу. — С одной стороны мне всё равно нужно покинуть безопасное помещение, поскольку заряд изотопных источников истощается, и мне надо переходить на автономное питание от лучистой энергии светила. С другой стороны, я хотел это сделать после вашего ухода, дабы не вызвать у вас реакции отторжения моей внешности...

— Ты чего, страшненький? — Кейт отмахнулась, — да не переживай, мы всякое видали.

—Знаешь, что, — наконец подал голос Койт, — говори за себя. А то вылезет твой новый дружок и сожрёт нас за милую душу...

— Я не питаюсь белковой плотью, — отозвался Чамча, — я потребляю электроэнергию и атмосферный воздух, мне хватает этого и для функционирования и для утилизации продуктов жизнедеятельности...

— Да выходи ж ты, в конце концов! — не выдержав, крикнул Койт, — она ж ведь упрямая как террианский летун, пока своего не добьётся, мы отсюда не уйдём. А ведь как сама рвалась на волю ещё вчера вечером...

Входной шлюз наполнился чувствительной вибрацией. Койт взволновано посмотрел на завал, как бы не начался дальнейший обвал песка. А в это время наверху, на балконе, посыпалась штукатурка, и тотчас открылись створки потаённого помещения, что было за моторным отсеком лифта, в самом углу. Кейт кинулась по лесенке на балкон, и Койт не успел схватить её за руку.

Спрятанная серверная была заполнена флуоресцентным голубым свечением. Кейт почувствовала прохладу и запах грозы. Чамча был ростом не выше её, но гораздо шире в плечах. Он стоял и равнодушно смотрел на Кейт большими карими глазами усталой лошадки.

— Ну и чего ты стеснялся, ты довольно милый, хотя и с первого взгляда ясно, что ты кукла, жизни в тебе не хватает,

— затараторила Кейт, и продолжая болтать, тащила покорно передвигавшегося Чамчу за собой, — бедолага, ты столько лет сидел в этой комнатухе. Тебе наверно было страшно, одиноко, тоскливо и печально...

— Я понимаю смысл этих слов, Кейт, — ровным голосом отвечал Чамча, — но там мне было безопасно и комфортно. Воздух охлаждался и кондиционировался, я регулярно проходил очистку, мне не о чем было переживать, пока имелся заряд батарей...

Койт увидел, как по лесенке с балкона вслед за Кейт спускается существо, издалека напоминающее ребёнка, но сложенное не совсем пропорционально. Койт сразу отметил, как под ним проминались прутья ступенек, Чамча, очевидно, был тяжеловат. Существо это двигалось уверенно, но осторожно, будто просчитывая каждый шаг. Росточком оно было не выше Кейт, но голова чересчур большая, толстая короткая шея, широкая грудная клетка и коротковатые конечности. Если Чамчу и задумывали поместить в тело ребёнка, то ребёнок этот выглядел очевидно нездоровым. Когда Кейт подвела Чамчу ближе, Койт увидел, что кожа ИИ была смуглая, но не производила впечатления живой. Волосы на голове тоже выглядели скорее как запутанная чёрная леска. Одет Чамча был в серебристый костюм без молний.

— Смотри, Койт, — Кейт нисколько не смущаясь, повернула голову Чамчи к Койту, — у него и ротик есть и носик и ушки, и отверстия в них есть.

— Что за придурки взяли и спрятали ИИ в тело несуразного мальчишки? И вот на кой ему ротик? — Койт отодвинулся, не желая быть нос к носу с Чамчей.

— Мои габариты оптимально подходят для маскировки компонентов, а рот мне необходим для поглощения воздуха, — ответил Чамча. — В моей голове находится поглотительный элемент, что сепарирует из атмосферы кислород, водород, азот и углерод, а сопутствующие газы выводятся через ноздри. В голове же у меня и циркуляционной насос, что подаёт обогащённую пасту в процессор. У меня комбинированный процессор, сочетающий квантовые пиксели, нейромодули и позитронные блоки коррекции...

— То есть башка тебе нужна, чтобы в неё жрать, — усмехнулся Койт, — а мы вот башкой думаем, мозги у нас там.

— Я хорошо знаком с людской анатомией, — никак не отреагировав на усмешку, ответил Чамча, — если проводить аналогию, то мозги у меня здесь, — он, хоть никто и не просил, довольно ловко стянул с себя серебристую курточку и ткнул пальцем в грудь.

— Если мне становится жарко, — продолжал раскрывать свои секреты Чамча, то я могу охладиться вот так...

Рёбра псевдогруди существа вдруг раздвинулись, показались широкие щели, ведущие в полость грудной клетки, откуда лилось розоватое свечение и тихое гудение.

— Твою ж... — Койт дёрнулся, слегка испугавшись подобного превращения. — Ты прямо как акулий тритон с южного океана.

— Жабр у меня нет, — констатировал Чамча.

А вот Кейт изумлённо и даже восторженно выпучила глаза:

— Вот класс, а где твои солнечные батареи, Чамча?

— Скорее всего, на заднице, — продолжал иронизировать Койт.

— Отчасти ты прав, — ответил Чамча, реально приспустив штаны до колен и повернувшись к Койту.

И тут мальчишка увидел, как сквозь кожу ИИ начали

пробиваться фиолетовые шильца проростков, будто террианская осока, что быстро прорастала на заливных лугах великой реки, когда с них сходила весенняя вода. И вот не прошло и минуты, как вся спина и ягодицы Чамчи превратились в гибкую солнечную панель, состоящую из тысяч шестиугольничков. Кейт, то ли придуриваясь, то ли и вправду в порыве экзальтации, захлопала в ладоши, и вдруг тихо-тихо спросила:

— Чамча, а в попе у тебя тоже дырочка есть?

—Послушай, Кейт, ты совсем головой повредилась? — не дав Чамче ответить, возмущился Койт, —что за дебильные вопросы.

—Ну мне и правда интересно, — Кейт даже присела, будто того и гляди заглянет, есть ли там у Чамчи анус или нет.

—Да, у меня там есть технологическое отверстие, через которые можно эндоскопически производить замену блоков и профилактику процессора, — Чамча, похоже, был готов даже продемонстрировать Кейт это отверстие, но девчонка уже повернула ИИ к себе передком.

— Узнаю военных, — Койт усмехнулся, но как-то зло, — у них тяга делать важные дела через одно место... Не ожи-

дал от тебя такого поведения, Кейт, я думал, что ты, (Койт искал подходящее слово), что ты деликатная девчонка, а ты натуральная...

И тут он выдал такой эпитет из подворотни, что Кейт замахнулась, явно целясь попасть Койту ладонью по губам.

— Я всю жизнь мечтала о таком пупсе, дурак, — пыталась пояснить своё поведение Кейт, — он же кукла моей мечты, Койт, моей детской девчоночьей мечты. У него даже причиндальчики все на месте. Посмотри сам.

Ну да. Половая принадлежность Чамчи не вызывала сомнений.

— И что тебе туда засунули? — криво усмехнулся Койт.

— Пенис, это выносная антенна, а тестикулы в мошонке, это модуляционные блоки, — на полном серьёзе выдал Чамча.

Койт зашёлся в беззвучном смехе:

— Ну теперь понятно, что он ни одну волну поймать не может, мелковата антенка-то...

—Ты не обижайся, не слушай дурака, — Кейт протянула руку к Чамче, — А он у тебя мягенький?

—Ну ты точно долбанутая, — Койту стало реально противно, — давай, прощупай там всё как следует. А тебе Чамча, лучше было бы быть девчонкой, было бы ещё одно технологическое отверстие, чтобы засунуть туда чего надо...

—А вот за это тебе не ладонью по губам, а розгой по жопе надо... — реально обидевшись, зашипела Кейт.

— Да пошла ты, — Койт тоже не на шутку окрысился, — тебе самой-то хоть раз прилетало вот так, розгой?

—Знаешь что, ёжик белобрысый, я пожила своё с вашими монашками. Там мать настоятельница душеспасительным беседам предпочитала посвистывание пластикового прута в полуподвальчике, под визги попавшихся ей под плохое настроение и горячую руку девчонок.

И тут у Койта в мозгах понеслось-поехало. Он на удивление ярко и живо представил себе жаркий и сырой полуподвальчик с щербатыми кирпичными стенами. И жгучий солнечный лучик через мелкое оконце, что ярко пригревает голую попку Кейт, так, что видна и гусиная кожица и мелкие тонкие волосёнки, что вздыбились от ужаса предстоящего

наказания. А вот и мать настоятельница, в образе матушки Эммы, попадьи настоятеля чектаунского собора, что взмахнула почему-то белого цвета пластиковым прутом и, прицелившись, безжалостно со свистом опустила его. И Койт представил себе взвизгнувшую Кейт, и тотчас его колышек вскочил, как заснувший на посту дневальный, которого застукал Нахнахыч.

«Вот блин!» — пронеслось в голове Койта параллельно видению, — «Неужто теперь у меня постоянно будет такая хрень...»

Мальчишка вскочил и бросился к засыпанному тягачу, на ходу подцепив рюкзачок и штурмовую винтовку, истерично крича оставшимся у него за спиной Кейт:

— Вот и оставайся здесь со своим кукольным дружком, а я пойду на волю! Можешь сюсюкать и щупать своего пупса сколько хочешь....

Койт, пыхтя, полз по желобу и лихорадочно думал, что ведь ещё совсем недавно он совершенно был равнодушен к этим любовным делишкам и жил себе спокойно и, в этом отношении, совершенно беззаботно. И вот — на тебе. И стыдно, и глупо, и хочется, ой как хочется ещё раз почувствовать тёплую капельку на бедре... Почему всё так быстро перевер-

нулось в его простой ребячьей жизни? Вроде бы ответ на этот вопрос требовал глубокого осмысления, но ответ Койт придумал тут же, ползя в водостоке, и ответ этот даже заставил его замереть, поскольку пронзил его разум молнией. Конечно! Он же принял веру, он крестился, он давал обещания следовать указанному господом пути. А раз так, то тут же под бочок к нему притулился не иначе как сам сатана. Вот кто его мучает и искушает. Койт обрадовался этому выводу. Получается, что он вроде как ни в чём не виноват. Что он как был хорошим мальчиком, так и остался. А это приставший к нему бес возбуждает и его плоть, и бередит разум развратными видениями...

Ещё секунда, и башка Койта высунулась бы из-под тягача над асфальтовой площадкой. Но боженька остановил его. Вразумил. И Койт сам удивился, насколько быстро вождение сменилось липким страхом совершить непоправимую ошибку. Наверняка, выталкивающий завал тягач разбередил всю округу, и если где-нибудь поблизости был летучий отряд штурмов или погранцов, то их снайпер наверняка взял на прицел входной шлюз. Или залётный дрон завис в задумчивости над входом. И ещё мгновение, и белую тыковку Койта разнесло бы пулей или осколком, и, здравствуй, корабль, плывущий к неизведанным берегам...

Вот было бы зеркальце... То, спасительное зеркальце мышонка. Койт высунул бы его наружу, побликовал, снайпер, если он там и вправду есть, точно бы не выдержал и пальнул

бы... Но зеркальца не было. Койт помедлил ещё несколько секунд, а потом взял глок и просто выкинул наружу рюкзачок. Загрохотали пивные банки. Тишина.

Койт змейкой сам выполз на волю. Его обдало жарой богатого на солнце практически уже летнего дня.

— Вы поругались и расстались. Койт ушёл от Кейт и это нехорошо, ведь поодиночке вы гораздо слабее. — Чамча вроде как рассуждал вслух, глядя, как зад мальчишки, на котором болталась сетка с пивными банками, исчезает под тягачом. — Тебе надо догнать его, Кейт. Иначе он уйдёт, и вы потеряете друг друга...

— Чамча, пойдём с нами, — Кейт пыталась сдвинуть Чамчу с места, как и Койта, схватив за ткань на локотке курточки, но как там, в серверной, не получилось. Теперь Чамча никуда идти не собирался, а сам он был куда тяжелее мальчишки и с места не двигался.

— Я не могу Кейт, не могу без приказа. Даже если и война закончилась, даже если сам главком это объявит, то я не покину госпиталь без команды непосредственного начальника, то есть главврача или его зама, или кого-нибудь вышестоящего из управления медицинской службы вооружённых сил

республики. Ты, Кейт, мне кажется, должна это понимать.

— Должна... — Кейт вздохнула. — Сколько ты протянешь?

— Если ты имеешь в виду время моего функционирования, то мой изотопный блок, — Чамча положил руку на живот, — рассчитан лет на пятьдесят. А если я перейду на частичную подзарядку от светила, то по энергетическим запасам я и век протяну. Труднее будет с программным обеспечением и функционированием процессоров. Нужна профилактика, иначе я теряю когнитивные функции...

— У людей это называется Альцгеймером...

— Кейт, пока мы говорим, Койт может уйти далеко. Я не имею возможности следить, что происходит снаружи...

— Да что ты за меня переживаешь! Койт не оставит меня одну. Этот мальчишка без меня и ста шагов не сделает, не вляпавшись в какую-нибудь кашку. Даже если я два дня буду тут с тобой сидеть, он всё равно как собачонка будет крутиться около, а то и сам сюда зайвится, проверить, не случилось ли что со мной...

Кейт подумала, обняла Чамчу и погладила его по прово-

лочной шевелюре:

—Обещаю тебе, что вернусь и освобожу тебя. Как, когда — я не знаю, но ты должен ждать меня и надеяться.

—Хорошо Кейт, я буду ждать...

И прежде чем Кейт нырнула под тягач, она попросила Чамчу:

—Ну, может попробуешь улыбнуться-то на прощанье?

Чамча подвигал мускулами лица, типа «я улыбаюсь», но Кейт только покачала головой:

—Ладно, не надо тебе изображать эмоции, не получается у тебя...

—Я знаю Кейт, я военный ИИ, и мне эмоции не нужны.

Койт подполз к краю обрыва и глянул вниз. Весь склон, да и сам асфальт были усеяны разноцветными мелкими стеклянными капельками и сопельками. А вот сползшая вниз воротина и куски бетона обнажили совершенно иную породу.

Остекленение ландшафта произошло потому, что Койт увидел менее чем в километре внушительного вида эллиптическую воронку, на дне которой чернела плюшка вроде как металла. Воронка разорвала дорогу, а взрыв превратил всю растительность в округе в пёструю тёмную пыль. Койт догадался, что это, наверняка, взорвались позитронные батареи их с Кейт экзотов. Для боеголовки кольца воронка, да и сам масштаб взрыва были просто ничтожны.

Койт лёг на спину на нагретом Альсафи асфальте. Тепло приятно успокаивало его сорванную погрузчиком поясничку. Он закрыл глаза и опять подумал, что вот если бы при нём кто-либо посмел ударить Кейт, пусть даже за дело, он бы тотчас бросился на обидчика. Пусть даже и без оружия, пусть даже и пришлось вцепиться врагу в горло своими не знавшими зубной щётки, жёлтенькими но острыми и крепкими зубками...

— Лежишь, жопу греешь, — раздался знакомый голосок.

Койт открыл один глаз, да и тот прикрыл ладошкой от солнечного света:

— А где твой пупсик, что, под тягачом застрял? Я его вытаскивать не буду...

— Он не пойдёт с нами Койт. Он не может без приказа...

—То есть, ты вылезла сказать мне прощай и остаёшься с ним на веки вечные?

Вместо ответа Кейт схватила Койта за грудки и с неожиданной силой встряхнула мальчишку, поставила его на ноги, да ещё и пару раз ударила снизу по скуле, не выпуская из кулачка ткани ворота койтового комбеза:

—Да ты реально ревнуешь, — Кейт смеялась, но, пожалуй, с толикой досады в голосе.

—Ты чего, чего... — Койт слегка опешил, такой энергичности подружки.

—Вот что ты сейчас чувствуешь, Койт? — не унималась Кейт, — Обиду, досаду, недоуменнее, злость... Да, ты злишься Койт, потому что ты человек. И я человек. Мы с тобой дети, из которых сделали два чёрт-те что. А вот Чамча ни хрена не переживает. Ни за себя, ни за нас. Это нам только кажется, что он волнуется, а он просто констатирует вероятный исход, будто консультирует хирурга при операции, для этого он и создан. Эх, был бы у нас в поезде такой... Чамча, Койт, в отличии от нас, это просто чёрт-те что, из которого сделали подобие ребёнка. Но он нас спас, и мы в долгу перед ним. Ему может и наплевать, где он сдохнет, хорошо, что

хоть в этот раз не от твоей пули, а я вот не хочу, чтобы он потихоньку сходил с ума без профилактики.

Кейт отпустила друга и приблизилась своим лицом к лицу Койта:

— Ну, ревность прошла? Сейчас в нос укушу...

Койт испугано сделал шаг назад и сказал явно глупость:

— Это... Не надо, у меня козявки от пыли...

— Так возьми и промой же, — Кейт рассмеялась и начала спускаться вниз по склону, скользя ступнями.

Койт поспешил за ней, поровнялся, и притормозил подружку:

— А вот насчёт того, что не от моей пули, и что ты просила меня не убивать больше... Так не получится Кейт. Ты сама понимаешь, кто мы такие. Так просто в нашу гибель не поверят. За нами будет охота. Уж бароновские ищейки точно на след встанут... Да и мир кругом одни предатели и сволочи...

— Ну, не прям же все...

— Да в основном... А ты, вот опять говорю, то рвалась в бой, а теперь считаешь что всё, твоё чувство мести удовлетворено?

— И да и нет... Но одно я тебе, Койт, скажу точно. Теперь, если что, моя очередь убивать. Или ты во мне сомневаешься?

— Да уж после твоих выкрутас с Чамчей я ничему не удивлюсь. — Койт показал Кейт на воронку, — А это ведь батареи наших экзотов рванули, слышишь, Кейт.

Но девчонка не посмотрела в ту сторону, она вообще не оглядывалась, а шла себе вперёд по дороге, смотря под ноги. Шла вперёд уверенно, вроде как и не заботясь ни о дронах, что могли видеть и атаковать их парочку сверху, ни о тех, кто могли неожиданно появиться им навстречу за любым поворотом пути, в отличие от заметно нервничавшего Койта, что вертел башкой по сторонам и, прищурившись, иногда поглядывал на небо.

Глава 4.

Подбиральщики.

Они шагали уже долго. Шагали по пеплу и стеклянным со-

пелькам. Раньше тут, наверное, была густая растительность, а теперь от неё ничего не осталось. Постепенно кустарник, сгоревший напрочь, в пепел, стал переходить в просто спалённый на корню буш, торчащие чёрные и бурые стволы. Еще шагов через пятьсот стали попадаться растения с более-менее целыми стволами и скелетными ветками. Прошагав ещё минут тридцать, Койт и Кейт были окружены бушем, не горевшим, а просто спёкшимся от жара, даже листья были на месте, только поникшие и скручены. Если бы кругом были земные растения, то наши путники морщились бы от невыносимого запаха гари, но террианская флора, хоть и была по сути белковой, но состояла из иных кирпичиков жизни, поэтому для человека практически не пахла. На Терре три не было цветковых растений, что опылялись насекомыми или иными представителями животного мира, поэтому и природа с человеческой точки зрения не благоухала. Поэтому резкий и неприятный запах, принесённый слабым порывом ветра из-за поворота дороги, напугал сперва Кейт (она остановилась и без слов показала пальцем на свой нос), а затем и Койт уловил весьма противоречивый и несомненно тревожный аромат. Тут был и запах нечистот, и кислый дух отрыжки, как после перееденных сырников. Этот запах мог идти только от присутствия людей, причём с этим людским поселением случилось явно что-то нехорошее.

— Может обойдём стороной, Койт? — Кейт явно побаи-

валась идти за поворот.

— Ну же, смелей, девчонка, — Койт взял наизготовку штурмовую винтовку. — Нам всё одно через кустарник не пролезть, сама же знаешь этот террианский буш. Пусть они нас боятся, а не мы их.

Койт положил цевьё винтовки на предплечье, ближе к локтю. Так он сможет, поворачиваясь всем телом, вести огонь длинными очередями.

За поворотом, на прогалине, был бивуак беженцев. Было непонятно, то ли они пришли сюда после ядерной атаки, то ли ядерная атака застала их в этом месте. Стояли три каркасные палатки, вроде не опалённые, но уже завалившиеся на землю, и надувной медицинский модуль, вход в который был раздвинут и было ясно, что он пуст. Вся поляна была усеяна трупами, обезображенными в разной степени. Все они были буквально облиты сочившейся кровью, что застывала крупными каплями прямо на телах. Многие были либо совершенно без одежды, либо в одном белье. Кожа, где её было видно, была в белёсых, наполненных слизью волдырях ожогов, а кое с кого она слезла просто струпьями, обнажив жир и тёмное багровое мясо.

Койт оцепенело осматривал груды мертвецов, а Кейт вы-

глядывала из-за его спины, до боли вцепившись пальчиками в плечи мальчишки:

—Они попали под лучевой удар, Койт. Это радиация буквально разорвала их тела. — шептала она, — клетки просто не могут держаться друг за дружку, и ткани тела расплзаются как сгнившая половая тряпка...

—Мне больно, Кейт, отцепись... — девчонка, тотчас, и вправду опомнилась и ослабила хватку.

—И запах точно как от гнилой тряпки... — прошептал Койт.

Тут стало ясно, что мертвы были не все. На большом куске ткани, что была пристелена к стенке медмодуля, ещё шевелились пятеро бедолаг, будто специально сползшихся в одно место. Двое мужиков лежали на спинах и хрипели, их головы были повернуты на бок, и изо рта у них при выдохе брызгала кровь. К надувной стенке прислонилась немолодая женщина в одних легенсах. Койт видел, что её большие груди были буквально дырявыми, пожалуй, в эти зияющие серозные полости можно было засунуть палец. На краю застеленного пространства лежали две окровавленные длинноволосые фигурки. Две девчонки, возрастом лет четырнадцать и лет десять, не более. Их светлые волосы были уже не столько на

голове, сколько спутанными клоками валялись вокруг них. Все эти несчастные уже явно не воспринимали окружающий мир, во всяком случае, никак не отреагировали на появление рядом чужаков.

— Надо оборвать их мучения, Койт, — шепнула из-за спины Кейт.

Койт положил винтовку на землю и достал из-за пояса глок:

— Сама говорила, что твоя очередь. На. Только стреляй в висок, от лба может отприкошетить.

— Нет, Койт, нет... — Кейт отшатнулась, — только не так. Им не должно быть больно и страшно...

— Да куда уж страшней и больней... Ладно. Я сам...

— погоди. — Кейт вытряхнула из рюкзака коробку с ампулами и пол-литровую бутылку с водой.

Она вылила десяток ампул в воду, что тотчас помутнела, заиграла радужными бликами:

— На, дай каждому по два-три глотка. Сначала у них уй-

дёт боль, потом на несколько мгновений они придут в себя, затем погрузятся в тихое забытье, сердце будет биться всё медленнее и медленнее, потом остановится вовсе, и души их покинут наш мир...

Койт взял бутылку с болтанкой, но глок не убрал. В это мгновение женщину вырвало чёрной слизью с прожилками крови и ошмётками чего-то там. Койт опять посмотрел на Кейт, и она, слова не говоря, просто отобрала у него глок:

—Койт, я не отказываюсь от своей очереди, но это другой случай, это не убийство, а помощь. Помогите им...

Мальчишка подумал, дескать, вот сама бы и помогала, сделал пару шагов к умирающим, но обернулся:

—Так я же им ничего не смогу влить, их вырвет...

—Нет, от этого пошла не вырвет, поверь мне...

Койт постоял ещё несколько мгновений, потом вздохнул и решительно пошёл к несчастным. Он проделал всё быстро. Первый глоток все раненные делали через силу, но два последующих — с жадностью. Пока Койт одаривал питьём последнего умирающего, седого тощего мужичка, тётка в легенсах, как и говорила Кейт, пришла в себя и, встав на чет-

вереньки, поползла к девчонкам. И те тоже приподнялись и вдруг громко заплакали, протянув к женщине руки. И вот их ладони встретились, пальцы зацепились друг за дружку, и троица тотчас рухнула общей грудой, потеряв сознание, теперь уже навеки.

Койта било дрожью, он откинул от себя бутыль со смертью и подбежал к ждавшей его Кейт. Она протянула ему заранее приготовленное влажное полотенце, и пока Койт лихорадочно вытирался, смотрела в сторону медмодуля через пальцы ладоней, которыми закрыла лицо. Когда Койт отшвырнул использованную и скомканную тряпицу, Кейт вдруг обняла его так, как делала уже дважды, и, уткнувшись в грудь мальчишке, тихо, но безудержно разрыдалась:

— Зачем, зачем мы пришли в этот грёбанный мир, Койт? Я не хочу больше ничего этого не знать, ни видеть. Койт, если бы ты мог только понять, Койт, как мне не хватает моего папочки. Куда мы идём, Койт, зачем мы идём? Там везде, наверное, вот так же... Я этого не вынесу, Койт. Давай вернёмся в шлюз, хотя бы на полгода, Койт, как ты говорил. И выпадет снег, и накроет всех погибших, и вот тогда мы пойдём по чистой белой равнине, куда ты хочешь, Койт...

Мальчишка обнял подругу и смотрел поверх её головы дальше, туда, куда вела дорога. Там, в нескольких километ-

рах, буш сменялся грядой высоких холмов со скалистыми останцами, что торчали из тела земли, будто груды разбитой гигантской посуды. Там не было видно следов ожогов аннигиляционных взрывов, там явно была жизнь...

—Тише, тише, Кейт. Зимой тут, наверное, снега по пояс, не пройти нам. Ты сама посмотри, посмотри вперёд — там всё цело. Там люди, а мы не сможем без людей, ну никак не сможем... Не надо так плакать, а то и я сейчас разрыдаюсь, а это не дело, совсем, понимаешь, не дело. Надо собраться, надо контролировать ситуацию. Здесь опасно Кейт, здесь опасно...

Спокойный и рассудительный тон говорившего Койта, вроде и вправду успокоил Кейт. Она, наплевав на собственные принципы, будто мальчишка, вытерла сопلي рукавом комбинезона:

— А ты тоскуешь по кому-нибудь, Койт? По настоящему, так, что хочется завуть? Может, по Казимирычу?

Койт ответил не сразу. Он, сперва, подобрал с земли штурмовую винтовку, покачал головой, понимая, что пыль попала в ствол и оружие придётся чистить на привале, и только потом ответил:

— Я вспоминаю Казимирыча, и мне становится... Становится тепло, Кейт. А то, что ты называешь тоской, меня ещё не пронзало. Разве только вот Марсик... Но он погиб только что, считай и трёх дней не прошло... Нет, Кейт, он для меня пока ещё как живой...

Койт повернулся к поляне мертвецов, вынул на свет божий нательный крестик, поцеловал его и сам перекрестился, как его учили в монастыре:

— Однажды Кейт, Нахнахыч увидел у меня на груди зубы медведя и крестик и очень тому удивился. И с тех пор он стал не то чтобы относиться ко мне по-другому, но точно стал иначе смотреть на меня. И я его как-то спросил, как человека, не раз шагавшего на смерть, и не раз бывавшего в бою, что он думает по этому поводу. И Нахнахыч сказал, что как бы мы не жили, как бы мы не грешили, но погибнем мы все как мученики, а господь мучеников призрёт. Я ещё удивился, мол, за что же нас боженька будет презирать. Это же значит оттолкнуть, ну, обидеть... А Нахнахыч в ответ рассмеялся и даже положил мне руку на затылок, будто хотел погладить, и объяснил, что я путаю и буквы в слове и понятия. И призреть — это совсем другое, нежели презирать. Призреть - это значит дать кров, надежду и пропитание...

Койт перевёл дыхание от своей длинной речи и продол-

жил:

—Так вот, Кейт, я прошу боженку призреть всех, кто покоится на этой поляне, дать им там, в краю текущей реки, и обитель, и пищу, и вечную-вечную жизнь... Давай ладошку Кейт...

И они пошли дальше по сужавшейся просеке в террианском оголтелом буше. И через десяток шагов Кейт вдруг тихо засмеялась:

—Знаешь, Койт, когда я плакала у тебя на груди, то слышала, как у тебя в пузе всё булькает и клокочет. И это, только не смейся, правда... И это напомнило мне, что жизнь продолжается, и я успокоилась...

—А я-то думал, что это мой разговор тебя успокоил, а не моя пердисталика...

—Перистальтика, Койт, правильно так...

—Может так оно и правильно, но у меня, — и Койт выдал мощный пук, — у меня явно пердисталика.

Кейт зажала нос:

— Я с ума от тебя сойду. Ты просто неотёсанный болван. Ждёшь от тебя чего-то умного, и вроде оно в тебе есть, и тут же получаешь несусветную гадость...

— Жизнь продолжается, Кейт, что тут поделаешь...

— Вот идём мы с тобой к той гряде холмов, Койт, — нарушила, пожалуй, часовую тишину Кейт, — а вот реши задачу. Мы делаем два шага в секунду, шаги наши сантиметров по сорок, не больше, до гряды, как ты сказал, километров десять, не больше. Километра два мы уже прошли, за сколько мы пройдем оставшийся путь, и когда будем на той гряде?

— Тут и решать нечего, Кейт, — Койт уже и сам перестал вертеть по сторонам головой, и так стало ясно, что небо на удивление обездронено, он смотрел под ноги, хотя если тут и были мины-ловушки, не убережешься... — Мы взойдём на грядку, когда сядет солнце.

— Нет-нет, Койт, это не математический ответ...

— Я, скажу честно, всегда мечтал ходить в школу. Думал, вот найду мамку, она покачает головой и определит меня учиться. Не судьба, Кейт, ни с мамкой, ни, по-видимому, со

школой...

Буш кругом стоял уже сочный, сине-зелёный, и, самое главное, на дороге неожиданно стали попадаться следы и ног, и шин, оставленные во время недавнего дождя, что шёл в ночь, когда наши путники спали в шлюзовом отсеке госпиталя. Однако живьём никто им ни навстречу, ни вдогонку так и не показался. Было похоже, что бегство уцелевших после ядерной атаки с кольца, уже закончилось. Никаких новых полей с умирающими не было, только когда Койт отлучился по нужде в ложбинку у дороги, он, уже заканчивая дела, вдруг заметил в бурьяне перевёрнутую бэбээмку и два костяка в истлевшей амуниции, вероятно жертв эфпиви дрона. Но Кейт он об этом не сказал.

На гребень холма они и в самом деле взошли, когда последний лучик Альсафи погас вдалеке, там, где над болотами стоял туман. Но, странное дело, туман там стелился по низине, а над ребяташками было пронзительно чёрное небо с таким количеством звёзд, которое Койт и не мог припомнить, что когда-нибудь видел. Они с Кейт поужинали, уселись рядом, накрывшись термоизоляцией, попивая пивко и разглядывая небо. Эгерия, настоящая сферическая луна Терры три, ещё не взошла, а вдоль горизонта летела Гаруна,

что была неправильной формы, и чей силуэт подсвечивался неровной линией.

— Папка мне говорил, — сказала Кейт, уловив взгляд друга, — что Гаруна — это астероид, захваченный нашей планетой относительно недавно, и что она опасная, так как через тридцать миллионов лет, если ничего не делать, упадёт на наш мир...

— Какой кошмар, — Койт запрокинул голову и дождался, пока последняя капля напитка не попадёт ему в рот, — что делать-то будем... А я знаю, где Земля, ну, вернее, где Солнце. Мне однажды показал Коста, и я запомнил, — Койт вытянул руку практически в зенит. — Вон, видишь голубую яркую звезду, это Вега, а под ней квадратик из звёзд. — Койт водил пальчиком в воздухе, будто рисовал картинку на песке. — Это созвездие Лиры. А вон та, жёлтая звёздочка у левой нижней звезды Лиры и есть Солнце.

И Кейт, и Койт, не сговариваясь, вытащили из рюкзачков бинокли и посмотрели на Вегу. Землю, понятное дело, они не увидели.

— Пару раз, когда мы порожняком возвращались на фронт за новыми ранеными, отец сидел со мной на подножке вагона и рассказывал про планеты нашего солнца, — те-

перь уже Кейт тыкала пальчиком в небо, туда, где недавно был закат. — Видишь красную звезду, а чуть повыше оранжевую? — Койт в ответ кивнул, — Это красная Кария и рыжий Горгон. Их поджаривает Альсафи, и люди называют их цепными псами заката. А в другой стороне, да не там, правее, видишь синюю планету? Это Айссеана — ледяной мир. Там, под многокилометровой толщей льда, океан под страшным давлением, что иногда прорывается гейзерами на высоту в сотню километров. И поэтому вокруг Айссеаны крутятся кольца.

Кейт взяла бинокль и посмотрела на голубую звезду.

—Блин, Кейт, я их вижу, — прошептал Койт приставив к глазам окуляры, — я и правда вижу кольца...

—Койт, а вот ты говорил про созвездия...

—Ну там, на Земле, люди думали, что боги живут на небесах, — пояснил Койт, — и складывали звёзды в воображаемые фигурки, и называли их по всякому. Вот наша звезда, Альсафи, с Земли находится в созвездии Дракона...

—А давай тоже придумывать созвездия... Вон видишь, большой квадрат а от него в разные стороны звёзды, как лапки. Пусть это будет Медведь. А вон, пониже Айссеаны, смот-

ри — человек. Это будет созвездие Чамчи...

— Ну, хватит, — Койт поднялся с места, — опять начинается... Давай будем спать, по очереди, конечно. Ты первая. Смотри, что у меня есть...

Койт достал из рюкзака тоненькую прокладку, вроде как плёнку, нащупал в ней таблетку и раздавил её. Плёнка во мгновение ока превратилась в небольшой, но довольно упругий матрасик.

— Жалко, что одноразовый, — вздохнул Койт, — но с собой таскать не будешь же. У тебя, Кейт, тоже такой есть в боковом кармашке. Давай, ложись...

Койт сам накрыл девчонку термонакидкой и уселся на камень, положив на колени винтовку.

— Только, Койт, давай договоримся, что ты дашь мне поспать по-честному ровно полночи, не больше, чтобы и тебе выспаться...

— Да уж я и побаиваюсь спать-то ложиться. У меня теперь будет на один кошмар больше. Не выходит из головы та тётка с дырявыми сиськами...

— Да не бери в голову, — Кейт зевнула в затылку, — если хочешь знать, ты перестал кричать во сне.

Койт разбудил подружку в пол-третьего ночи. Он, конечно, мог и подежурить ещё, но Кейт была права, двое не совсем выспавшихся гораздо эффективнее, чем один отоспавшийся, и рядом с ним клюющий носом напарник. Пока Койт дежурил, когда стало совсем темно-темно, он заметил всполохи где-то на востоке. Никаких звуков до него не доносилось, и Койт так и не понял, то ли это всполохи от разрывов снарядов, то ли там опять двигался грозовой фронт.

Койт улёгся на слегка подсдувшийся, но ещё довольно уютно пружинящий матрасик, свернулся калачиком и стал глядеть на близкий берег, на тихо накатывающиеся на песчаный пляж волны. С воды дул пряный воздух, какой он впервые узнал там, на таком далёком юге, когда леди Сай прогуливалась с ним по парку инсектария.

— Койт, Койт, не спи, — раздался сзади знакомый голосок Марсика, — смотри, что у меня есть...

Койт приподнялся и оглянулся. Марсик держал в руках оранжевое удилище с инерционной катушкой и синим по-

плавком, совсем как то, которое они однажды видели у богатого дядьки на берегу великой реки. Койт улыбнулся, и Марсик улыбнулся ему тоже. Койт вскочил на ноги и хотел было обнять друга, но рыжий мальчишка сделал шаг назад:

— Нет, Койт, не выйдет, не получится. Я далеко, а ты просто спишь.

И тут Койт всё вспомнил, всё вспомнил и даже испугался, настолько явными были его ощущения...

— Нет-нет, Койт, всё в порядке, ты жив, поверь мне и спасибо тебе...

— Да за что, Марсик?

— Как за что? За то, что ты попросил своего бога позаботиться обо мне, и вот... — Марсик ещё раз показал Койту удилище и простёр руку к воде, — он действительно всемогущий, твой бог.

— А ты тут один? — Койт оглядывался по сторонам, но никак не мог ничего разглядеть поодаль, только вроде как вдалеке мерцало пламя костра.

— Мне кажется, вернее, я ощущаю чьё-то присутствие,

но, кроме тебя, никого ещё не видел. Может быть ещё рано, а может быть мне никто и не нужен... Ну, Койт, пойдём со мной, половим рыбку...

И Марсик стал уходить всё ближе и ближе к воде, а Койт так и остался стоять на месте, и вроде бы он и мог сделать шаг, но почему-то так и не решился пойти за другом...

А ветер гладил его лоб, и Койт ощущал его тонкие и тёплые пальчики...

—Ну, ты чего раскис, — сквозь пелену сна он услышал голос Кейт, — привычку вопить оставил, так теперь, на тебе, распускаешь во сне нюни...

Койт приподнялся и обтёр рукавом мокрые от нескольких случайных слезинок щёки. Было уже довольно поздно. Альсафи грело равнину внизу, но на их вершинке, в тени камня, было ещё прохладно. На Терре три не было кровососов, во всяком случае, люди их не интересовали. Водились в сырых лощинах и по берегам водоёмов звонцы, и хоть их и привлекал тёплый людской дух, но, по-видимому, инопланетный запах человеческих тел предупреждал этих не то насекомых, не то летающих червяков, что людская плоть несъе-

добна. Впрочем, говорят, на болотах иногда был массовый лёт мушек-телогрызок, что по непонятным причинам иногда впивались в незащищённую кожу попавшихся на пути их роя бедолаг, и, опять-таки поговаривают, они могли и насмерть загрызть... И птиц на Терре три тоже не было, поэтому и ночи, и рассветы были тихими, вот Койт и проспал безмятежно до самого позднего утра.

Завтрак уже был готов, и Койт опустошил последнюю банку пива под неодобрительное мотание головой Кейт. В животе у него продолжало бурлить, но аппетит был, и тошноты или слабости Койт не испытывал, так что и пусть головой качает, решил он. Кейт тем временем вытащила мобильный:

— Ого, Койт, практически восемь часов, — она стала убирать телефон в рюкзачок и вдруг замерла, — беда, Койт, беда...

Она выхватила телефон и протянула мальчишке:

— Сеть появилась, Койт...

Когда мобильники были уничтожены, раздроблены камнем, Койт обхватил голову руками и присел рядом с обломками:

—Какой же я дурак... Надо было сразу их уничтожить...

—Может, обойдётся, — вздохнула Кейт, — и я тоже виновата, расслабилась, головой не подумала. Может, обойдётся...

Койт решительно встал:

—Нет, Кейт, не обойдётся ни разу. Там таких, как твой Чамча, с десяток, да ещё и на порядок помощнее. Они знают, что мы живы, и знают, где мы находимся. Остаётся только одно, Кейт, идти, идти быстро на имперские земли.

Кейт тоже поднялась на ноги:

—Вот давай только без паники. Кто нам дал мобильные? Борис, губровец. Наверняка, симки анонимные. Никто кроме него не знает, что у нас есть телефоны. Ну, засекут имперцы два республиканских номера по ту сторону Чёрных Холмов, и что, прямо-таки бросятся ловить их обладателей? Да им сейчас не до нас, тысячи людей погибли, ещё тысячи умирают, армия разгромлена, да и я не уверена, что там есть, кому быстро принимать решения... — Кейт достала бинокль и присела, опустив рядом и Койта, — к тому же у нас гости. И что-то мне подсказывает, на удачу, не иначе...

Койт поднёс к глазам свой бинокль и тоже принялся разглядывать приближавшийся отряд, распластавшись на валу не рядом с Кейт. Процессия, и говорить нечего, была забавная.

Перед людьми, метрах в двадцати, по дороге и вдоль неё, зигзагами бегали две пятнистые коротконогие гладкошёрстные собачонки, то утыкаясь носами в грунт, то вытягивая нос вверх, по ветру. Впереди и сзади каравана шли двое юношей, абсолютно лысые, и лысины эти уже забронзовели на весеннем солнце. Двигались они как-то механически, не поднимая взгляда с тропинки, будто потеряли что-то. Пареньки эти были почти взрослые, и несли за плечами в кенгурятниках по малышу, лет семи от роду. Почему-то Койт решил, что это были девочки. Наверное из-за того, что у них, в отличие от носильщиков, шевелюра состояла из длинных многокрасочных дредов. Передний малыш смотрел на небо перед отрядом, задний — наоборот, сидел спиной к носильщику и пялился на небо позади цепочки. И тут Койта осенило, что он в первый раз реально лицезреет дуриков, чипанутных, проглов, и как их только не называют... Эта технология по внедрению чипов управления в человеческий мозг была прерогативой только Империи. В Республике подобными вещами заниматься было запрещено. Коста рассказывал им про таких субъектов, которых можно было на короткое время, часа на два, превращать в биороботов. Больше нельзя, мозги плавятся, кукушка улетает, как он выражался. На-

счёт улетающей кукушки Койту было не понятно, но печальный итог был очевиден. Значит проглы должны были быть сменными, и в этом отряде и на самом деле шли две здоровенные чернокожие девчонки, грудастые и задастые, тоже с многоцветными дредами. За спинами их были пустые кенгурятники, а в руках они держали наизготовке полноразмерные тяжеленные штурмовые винтовки. Около каждой семенил лысый малыш, пацан, как опять же логично решил Койт. И девушки и детишки вели себя как обычные люди, но Койт не сомневался, что в нужное время будет смена, и они превратятся в биомеханизмы, а нынешние чипанутые придут в себя, и пойдут дальше нормальными людьми.

После первых дуриков по тропинке, вернее даже над тропинкой, широко расставив свои восемь тонких, мягких, членистых, но, очевидно, весьма прочных конечностей двигалась парочка взнузданных арахноценов, инопланетных тварей из системы Проксимы. Койт видел их только на картинках, которые показывал ему Коста. Такой гужевой зверь имелся тоже только у имперцев. Коста говорил, что они хорошо приручаются, и могут взять на себя центнера три поклажи. И правда, на головогруды у каждой твари сидели возницы, габаритами не больше Кейт, они держали вожжи, а на коленях у них лежали скорострельные и короткоствольные автоматы, неплохое оружие ближнего боя. На брюхах арахноценов были внушительного вида корзины, очевидно набитые добром и прикрытые парусиной, дабы ничего не вывали-

лось. Койт приметил, как ловко твари держали равновесие: куда бы они не ставили свои лапы, тело их всегда оставалось в строго горизонтальном положении.

В центре отряда шли три фигуры, чуть повыше ростом, чем Койт представлял себя, закованных в боевые скафандры. Своего рода имперские гоплиты в миниатюре. Щитов у них не было, зато крайние солдатики были вооружены автоматическими картечьницами, а тот, которых шёл посередине, нёс длинноствольный полуавтоматический дальнобойный дробовик. Все они были увешаны дополнительными магазинами, как рождественские деревца на ярмарочной площади. Вдобавок ко всему этому, на макушке шлема каждого гоплита был прикреплён маленький наблюдательный дрон. Лиц этих чудиков Койт не видел — забрала были надвинуты.

Тут перед отрядом откуда-то сверху скатился одинокий камушек, звонко и высоко подпрыгивая. Тотчас юноши-проглы сели на корточки. Собачки, арахноцены и малыши легли на землю. Всё оружие отряда во мгновение ока было взведено и вскинута в сторону вершины, а с головы центрального гоплита взвился в высь минидрон. Койт и Кейт синхронно напряглись, чтобы при необходимости юркнуть под подошву валуна, но задний гоплит, вероятно успокаивая, положил руку на плечо среднего, и дрон, нехотя, уселся опять на макушку его шлема.

Честно говоря, Койт заволновался. Приблизившийся отряд явно был весьма серьёзной боевой единицей, вымуштро-

ванной, хорошо вооружённой и обученной отражать атаки как с земли, так и с воздуха, и очевидно, избегать противопехотных мин. Одно дело, когда Койт был в экзоте, и совсем другое дело столкнуться с такими ребятами в облике обычного человечка. В потрошках Койта заурчало, и это было нехорошо. У саттербульлагендорфа открылись неприятные побочные эффекты. И тут все три гоплита решили откинуть забрала, и на Койта, уставившись как будто прямо ему в лицо, глянули аж целых три хмурых Марсика. От неожиданности Койт вздрогнул, панический страх пробежал по его телу волной мурашек, хлынувший в кровь адреналин перекрутил все внутренности, обрадованный пивной напиток ломанулся через дно, и с Койтом случилось то, что бывало с ним редко, но бывало...

Кейт вдруг услышала со стороны своего друга характерный и весьма недвусмысленный предательский звук, и пошёл запашок...

— Ты чего там... — Кейт скорчила рожицу и отодвинулась.

— Я... — Койт отвернулся, — я обделался Кейт...

— В каком смысле?

— В прямом, извини... Там три Марсика, Кейт, посмотри

сама.

Кейт снова поднесла к глазам бинокль, а Койт принялся оправдываться, но чем больше он это делал, тем труднее ему было не заплакать:

— Ты прости меня, Кейт, но у меня так бывает... Я ничего не могу с собой поделать...

— Тебя, идиота такого, и Чамча предупреждал, и я, — Кейт практически шипела, — там у меня пачка мокрых полотенец, иди, сделай с собой что-нибудь. Вот уж чего я от тебя не ожидала, так не ожидала... И давай поскорее, засранец, я боюсь оставаться одна, когда они подойдут. Да, оставь-ка мне винтовку и магазин.

Койт с радостью скинул на валун винтовку и два магазина к ней. В конце-концов никто Кейт за язык не тянул, и раз уж она объявила свою очередь на убийства, так вот пускай и повоюет, а ему, Койту, сейчас немного не до этого...

«Вот герой, так герой, — думал Койт приводя себя в порядок, хотя толку было мало, надо было как следует мыться, — чего испугался-то: ну сам же знал, да и Марсик гово-

рил, что у него близнецов, клонов в детсаду было чуть ли не две группы. Просто он один подался в сторону Республики, а остальные Марсиусы ушли вслед за более старшими ребятами в сторону болот, на имперские земли, там, говорят, кормили лучше... Правда ходили слухи, что из рудакопов делают каких-то дуриков, но это только слухи...»

Койт крыл себя последними словами, какие мог только вспомнить, и старался выгрести и оттереть всё быстрее. Тут со стороны Кейт прилетел камушек, мол, давай двигай сюда, они уже близко. Койт, пригнувшись, опять побежал к валуну, и на ходу ему в голову, вдогонку к проклятиям, пришла очевидная мысль, что ляжки он себе разотрёт при ходьбе непременно.

Отряд уже был близко, и Кейт сказала твёрдым голосом:

— Вот, что, Койт, мы поднимаемся, и пусть они нас увидят. Но давай условимся, что ты рот свой открывать не будешь. Говорить буду только я...

Койт набрал в грудь воздух, вроде как собираясь бросить ответную фразу, но Кейт ментально положила ему указательный пальчик на губы:

— Ты, дорогой мой, обычно не думаешь, что говоришь, либо же наоборот, говоришь то, что тебе вдруг приходит в

голову, но, и в этом случае, не думая.

Койт запутался в осмыслении витиеватой фразы подружки и, молча, встал в полный рост, вслед за Кейт.

Отряд внизу заметил их тут же, и так же продемонстрировал стремительное перестроение в оборонительный порядок, наведя на незнакомцев всё, из чего можно было палить. Кейт подняла вверх руки, Койт сделал тоже самое, но нехотя. Прошло, пожалуй, минуты две, прежде чем с головы среднего Марсика в сторону наших путников стартовал дрон. Он первым делом взмыл высоко в воздух, очевидно обозревая окрестности. Убедившись, что кроме двух детей рядом никого нет, дрон спланировал к Кейт.

— Кто вы такие? — раздалось из птички. Голос был очевидно искажён динамиком.

— Мы остатки от поселения гномов. Ракета разнесла всё. Нас там не было, но когда мы пришли, то от нашей норы осталась только воронка. Нам некуда податься. Разрешите идти с вами, — Кейт озвучивала давно придуманную версию встречи с каким-нибудь отрядом, — мы можем быть вам полезны.

Вместо конкретного ответа, дрон ещё раз облетел вокруг

Кейт и вдруг потребовал, чтобы она сняла комбинезон. Кейт повиновалась, ткань упала ей под щиколотки, и она осталась в одном бельишке. Дрон ещё раз облетел вокруг неё и замер метрах в двух. Опять затянутая пауза.

— Может, ты хочешь чтобы я сняла и майку с трусиками, — наконец зло поинтересовалась Кейт, — к чему этот цирк. Я знаю, что у тебя в дроне есть протонный детектор. Ты видишь всё насквозь и через десять одежек.

Сказав так, Кейт натянула одежду обратно. Дрон повернул к Койту. Мальчишка в ответ усмехнулся. Под комбезом он был просто голый, так как всё обгаженное бельё он без сожаления отшвырнул в сторону, когда обтирался полотенцами.

— Он с тобой говорить не будет, — громко сказала Кейт, и дрон снова вернулся к ней:

— Это что, твой прогл? (Кейт удивлённо посмотрела на птичку.) Ну, чипанутый, дурик, или как там ещё гномы называют людей с вживлёнными блоками управления? Я не сканирую у него имплантов...

— Он просто послушный, хотя и бывает дуриком, — ответила Кейт, — а теперь твоя очередь представиться. Вы кто?

Дрон ответил не сразу. Было видно, как внизу к среднему Марсику подошёл другой его близнец, тот что шёл первым, и, очевидно, давал инструкции, что говорить.

— Мы разведотряд гильдии фуражиров, — наконец заговорил дрон, — мы из приюта гильдии. Нас послали за ценными вещами по списку, нашему поселению тоже здорово досталось от нападения землян.

—И как успехи? — Кейт поинтересовалась серьёзно, без усмешки, — Мы, например, видели кошмарные вещи...

—Мы дошли до райцентра, — в свою очередь поделился информацией дрон, — всё сгорело, всё разрушено, много умирающих, брать практически нечего.

—То есть, вы мародёры? — уточнила Кейт.

—Нет! — дрон аж взвился на пару метров, — у нас есть разрешение от администрации прифронтового региона на сбор и утилизацию бесхозных материальных ценностей.

— Ну конечно... Я могу вам помочь. Мы пришли из места, где есть много продовольствия, средств гигиены и, главное, оружия и медикаментов. А взамен мы хотим присоединиться к вам...

Внизу опять произошло короткое совещание, и с головы третьего, замыкающего строй, Марсика высоко-высоко стартанул дрон. «Для ретрансляции, — догадался стоявший молчаливым истуканом Койт, — с базой связываются, не иначе.»

И вот дрон, висевший около них, снова заговорил, но совершенно иным голосом:

— Я Салим, куратор отряда. Мне доложили кто вы и откуда. Я согласен на ваше предложение, с одним условием: вы разоружитесь, и на вас оденут наручники. Давайте координаты того места.

— Господин Салим, мы согласны сдаться на вашу милость, но к чему эти мерзости, — Кейт умела говорить тихим голосом с толикой металла, — мы пойдём сзади группы, направляя её в таком виде, как и шли до этого. Когда мы дойдём до вашего города, тогда и проведёте все положенные на наш счёт процедуры...

Ответа не последовало. Дрон-ретранслятор опустился на голову третьего Марсика, а дрон, что вёл разговор с Кейт тоже полетел низко над склоном, явно к своему хозяину. Сама Кейт осторожно начала спускаться.

— Ну что ты там замер? — она махнула рукой Койту, — ты же видишь, что нас ждут.

Койт видел только одно: отряд мародёров явно с удовольствием решил сделать привал. Скорее всего, они шли уже долго, пустившись в путь с рассветом, а может быть и того раньше. Первым делом бойцы отряда давай облегчаться. Две взрослые девчонки по очереди растягивали тент и делали свои дела, спрятавшись за ним. А двое мелких мальчишек-проглов явно баловались, они спустили штаны до колен и поливали камушки на дороге, причём один пацан, вертясь на месте, старался омыwać своей струйкой только кварцевые белые, а второй — только базальтовые, чёрные. Койт невольно улыбнулся, вспомнив малышей из убежища, и попросил боженьку позаботиться о них. Гоплиты открыли клапана на своих доспехах, вытащили использованные прокладки, скинули их в чёрный пакет, что держал третий Марсик, и, прикрепив новые средства гигиены, опять загерметизировались. А вот всадницы арахноценов не стали спешиваться, а ловко использовали для нужды пластиковые бутылки. Койт подумал, мол, а что они будут делать по серьёзной нужде? И тут же увидел, как одна из всадниц оголила свой задок и подставила под него пластиковый пакет, что потом вместе с бутыл-

лями перекочевал в мусорный мешок третьего Марсика, который, в свою очередь был закинут в поклажу на восьминогих тварях. Даже псы облегчились, задрав лапы на задние конечности равнодушно отнёсшихся к такому хамству пауков. Вся эта суета говорила лишь о вышколенности отряда: никто из бойцов не сошёл с проверенного псами на мины участка, а проглы-парни так и остались стоять на коленях впереди и сзади отряда, и оседлавшие их мелкие не отрывали глаз от неба ни на секунду. И после себя они оставят минимум следов, не давая разведке врага лишнего биоматериала.

А вот спускавшаяся впереди Кейт видела совсем другое. Она видела просто уставших ребят, которые вряд ли по своей воле вынуждены были заниматься опасным и, ну совершенно не детским, занятием. И Кейт мысленно проклинала беспредельное лицемерие и бездушие этого погрязшего в кровопролитии мира, и проклинала взрослых хозяев этого отряда, что, очевидно, разрешали всё это безобразие своими, ими же написанными, законами. Она проклинала этих людей, что сами сидели в безопасности, людей, развращённых лёгкой прибылью и возможностью безудержной эксплуатацией своего доведённого до безумия народа с самых первых человеческих шажочков по этой богом забытой планете.

В отряде мародёров теперь все дружно решили перекусить. Койт заметил, что никто не думал умыться или, скажем, ополоснуть ладошки. «Вот настоящие вояки,» — подумал он и взглянул на Кейт. Ну как же, девочка из санитарно-

го поезда не могла не возмутиться, что к еде притрагиваются немытыми руками. Но Марсики-гоплиты только пожали плечами:

— Так никто из нас еду-то и не трогает, мы всё едим из обёрток, а пьём из бутылей, — резонно ответил ей тот из Марсиков, который говорил.

Кейт между тем разогрела сырники, и по дороге пополз кисломолочный аромат. Арахноцены зашевелились, заволновались. («Они не любят новые запахи,» — пояснил второй Марсик).

— Попробуйте, — Кейт вскрыла упаковку, — это вкусно!

Главный Марсик протяжно свистнул и взрослая девчонка-прогл неспеша стала подходить и к ним. А мелкие мальчишки-проглы, подпрыгнув и выпучив глазёнки подбежали к Кейт. Она дала им по сырнику, и они вцепились в них зубками.

— Стойте, вот так вкуснее, — и Кейт обмакнула оставшиеся у неё два сырника в яблочный джем, и опять отдала их малышам, которые ещё не доели первые куски, и у них явно желание всё заграбастать превышало возможность всё удержать.

Койту даже стало их жалко. Конечно, вся еда отряда — это просто вода и плитки некоего коричневатого сухпайка, явно не шоколадного происхождения.

— Как вас зовут? — спросила мелких проглов Кейт, и было видно, что она хотела было погладить их по лысым черепушкам, но решила благоразумно этого не делать.

Мальчишки помолчали, а потом один из них ткнул пальцем в другого и скороговоркой произнёс:

— Он Подбирунчик!

Его товарищи тут же ответно ткнул в него пальцем:

— А ты Подбирёнок!

И тотчас оба, громко хохоча, кинулись прочь.

— Ты их очаровала и явно подкупила, — озвучил говорящий Марсик то, что очевидно нашёптывал ему на ухо первый гоплит, — обычно они не идут на контакт... Нас просто в народе подбиральщиками называют...

— Послушайте, горынычи, — усмехнулась Кейт, — может,

прекратим эту игру в трёхголовое существо?

Она поняла, что её не понимают и пояснила:

— Мне папка рассказывал сказку, где был такой персонаж, трёхголовый змей с одним телом. Вот и вы мне его напоминаете. Одна голова думает, другая говорит, а третья для чего? — и Кейт показала на третьего гоплита, что бесстрастно жевал плитку, — наверное, чтобы есть и стрелять.

Марсики отвечать не стали, а сняли шлемы и, кивнув, позвали Кейт в тень арахноценов, явно чтобы избежать камер и микрофонов дронов. И Кейт пошёл за ними. А вслед за Кейтом потянулась и подошедшая к ним до этого одна из взрослых девчонок-проглов. В относительной близости арахноцены, покрытые волосиками на бугорочках, волосами на бугорках и волосищами, растущими из глубоких кожных пор, выглядели ну просто омерзительно. Кейт спросила, мол эти твари нас не сожрут, кивнув на пауков, но Марсик её заверил, что твари едят только лишайники, а в пути вообще ничего не жрут, но близко к ним подходить не стоит.

— Я знаю, что вас зовут Марсиусами. У нас жил один из ваших клонов, — сообщила Кейт гоплитам, — а вот вы даже не спросили, как нас зовут?

Кейт явно хотела держать в своих руках инициативу переговоров.

—А зачем? — ответил говорящий Марсик, — вы у нас не задержитесь. Салим, как вас увидел, прямо-таки озверел, велел вас скрутить-связать и держать так до посёлка. Но мы не будем этого делать. Тут, по-видимому, всему приходит конец, так что наша участь туманна и вряд ли хороша, в отличии от вашей.

—И что это значит? — Кейт явно заволновалась.

—Ну, сначала вас потащат в суд, чтобы гильдия получила право на опеку, а потом может отдадут Салиму, но, скорее всего, без лишней прокладки сразу отправят вас в столицу... И вам повезло, ой как повезло. Будете себя нормально вести, не дурить, то есть, и там такая перспектива...

Кейт хотела ещё многое спросить, но шептавший на ухо другу Марсик, резко повернулся и ушёл, а оставшийся говорун пожал плечами и от себя ничего не добавив, тоже пошёл прочь. Кейт перевела взор на девчонку-прогла:

— Ну, а у тебя-то хоть имя есть?

Девчонка ответила не сразу, она усмехнулась и отвела

взгляд в сторону, будто ища что-то глазами на дороге:

— Ты же сама слышала, нас зовут свистом или, в лучшем случае, «эй ты», ну, или «подь сюды»... Имя... Было у меня имя. Хагерой меня звали. Родители зачали меня с целью продать в проглы. Как только череп достиг трёх четвертей от взрослого, лет в пять, так и продали...

— Да что же у вас за страна такая блядская! — не выдержала Кейт.

Койт аж подавился, впервые услышав такое словцо от подруги и тут же со стыдом подумал, что словечку-то этому она явно от него научилась.

Девчонка-прогл засмеялась:

— Страна у нас хорошая. Тут отношения между людьми простые: можно всё, но за установленную плату, и плата должна быть честной. Плати ванеги, валюта имперская, и живи в своё удовольствие. Вам всё это усвоить предстоит...

— Да что вы нас всё пугаете! — Кейт схватила девчонку-прогла за руку.

Она спокойно, но решительно освободилась:

—Милые мои, вы вот именно как и есть милые. Вы себя со стороны-то видели? Вы красоты неопишуемой оба. И, поверьте мне, красоты вы завораживающей, безъязычной знаете ли... Мне кажется, что не зря вас мелкие признали. Они же по сути не дети, а ангелы ещё, они своих за версту чувствуют. И никакие вы, на фиг, не гномы. И не рожали вас мамки человеческие, как пить. Меня-то в этом плане не проведёшь. И Салим, блядун старый, уж Кейт не взыщи, ты первой начала такой лексикон применять, как вас увидел, так и обомлел. Имперские сибариты в столице за вас такое бабло отвалют, что и представить трудно. Валить вам нужно из этого гедонистского бардака, ребята, валить. Но только доведите нас до вашего сокровища. Если мы пустые в посёлок придём, да ещё и без вас...

—Неужто убьют? — Кейт аж вздрогнула.

—Ну, убить не убьют, мы тоже денег стоим, — но как-нибудь по зверски да накажут. А если с хорошим товаром, то подержат на губе месяцок и опять в дело пустят.

Хагера повернулась к Койту:

— А твой любимец так и будет немного изображать?

— Он не мой любимец, — смутилась Кейт, — мы, скорее, как брат и сестра.

— Ага. Прямо одно лицо...

Койт и вправду чуть было не открыл рот, ему было, что сказать этой чёрнокожей нахалке, но, пораскинув мозгами, он решил теперь молчать принципиально, назло.

— А вы давно вот так промышляете? — Кейт решила сменить тему разговора.

— Да уж тридцатую ходку делаем. Скоро завяжем с этим. Во-первых, земляне летят, и нас отсюда вышвырнут как пить. Во-вторых, войне пипец, а значит и добычи не будет. Да и ребята из брони выросли, а без гоплитов ходить стрёмно. Малыши, тоже понимаешь, тяжеловаты стали.

— А чего вам технику не дадут, чего пешком то ходите...

— Не-е, техника дороговата, да и повыбивало её дронами немерено.

— А пауки? — Не унималась Кейт, — сели бы на них, да поехали...

—А-а... Не выйдет, — махнула рукой Хагера, — мы живые, и арахноцены почуют нас на спинах, примут за копошащихся паразитов, а с паразитами они расправляются только так. Вон у них лапы по кромке остры как скальпели. Как маханут лапкой-то, и нет человечка...

—А возницы? Они же их не трогают...

—Возниц не трогают, — Хагера горько усмехнулась, — только за это «не трогание» жизнью заплачено. Возниц тоже продают на фермы во младенчестве, и там их поют секретом желёз конкретного арахноцена. Они так и растут вместе. Пока арахноцен живой, жива и возница. И паук воспринимает её как некую блуждающую часть своего тела и слушается её команд. Но арахноцены живут всего лет двадцать, а без их секрета возницы тоже хиреют и умирают. В принципе, синтезировать можно, но это ой как дорого, и никому, кроме умирающей вознице, на фиг не нужно...

— Мне это что-то напоминает... — Кейт перекинулась взглядом с Койтом.

—Ну ладно, — Хагера потянулась так, что хрустнули её суставчики, — нам пора меняться и в путь...

Взрослые девчонки-проглы опустились на колени в начале и в конце отряда, в их кенгурятники забрались Подбирунчик и Подбирёнок. Где-то за правым ухом они вставили таблетки пусковых чипов, и вот взгляд их будто остекленел, мимика на лицах оскудела, негритянки встали на ноги, а мелкие уставились в небо, медленно вращая головами.

Главный Марсик, тем временем, освободил от чипов предыдущую партию дежуривших дуриков. В себя они приходили минуты две. Мелкие девчонки-проглы с развивающимися разноцветными дредами тут же подскочили к Кейт, представились как Подбирушка и Побирашка, и уселись, явно ожидая свои сырники. Кейт поняла, что они видели всё происходящее вокруг, понимали, что происходит, но не могли ни на что реагировать, пока находились в рамках программы. Пришлось разогревать последний лоток с завтраком. Ну, вот ожившие проглы наелись, облегчились и встали на своё место.

И в таком порядке отряд и двинулся в путь по дороге, что переходила практически в тропинку, шедшую вдоль по склону и поднимавшуюся то повыше, то спускавшуюся на несколько десятков метров вниз по косогору, огибая то выступы породы, то воронки, то желтеющие заросли кривых и сучковатых деревьев, которые Койт видел впервые, и названия которых он не знал. Кейт примерно обрисовала направление пути главному из Марсиков. «Если часа через четы-

ре зайдём в кустарник и почуем вонь, значит, идём верно,» — подытожила она. Приютские шли ловко, практически не оступаясь и не пуская камешки под откос, а вот Кейт и Койт, замыкавшие цепочку, то и дело сгребали подошвами брекчию, заставляя весь отряд притормаживать, но даже и тогда ребята меняли ритм передвижения на удивление слажено. И в завершении всего, две девчонки, что, в отличии от мелких мальчишек, и не собирались идти пешком, а опять висевшие в кенгурятниках на спинах здоровяков, ни с того ни с сего затанули песенку с дурацкими словами. Кто бы сомневался, что её тут же подхватили клоны Марсиусы, которые, как и койтов Марсик, видать, любили горланить, да и голосочки у них были звонкие и приятные. Правда пели только двое. Первый Марсик только качал головой в такт песни, очевидно, он пел про себя. Песенка была с вроде детскими словами, но такую дети не поют, не по разуму она им. И отряд где надо и притоптывал, и прихлопывал, и выглядело это вроде как смешно, но никто не засмеялся, будто это был какой-нибудь походный марш.

— Топ, топ ноженьки,
Выросли в длину.
Все ведут дороженьки
Нынче на войну.
Все поля в вороночках.
По погостам люд...

Не рожай ребёночка,
Всё одно убьют.

Хлоп, хлоп, хлоп ладошеньки,
Знай — грызи морковку.
Подрастёшь пригоженький,
На тебе винтовку!
Не растут в полях цветы,
Дрон висит подлюченький...
Упадёшь на землю ты
И раскинешь рученьки.

Муха плавает на дне.
Плескани́те в кружку.
На войне, как на войне —
Лупим мы друг дружку.
Провожает маменька,
Я вернусь едва ли...
Эх, остаться б маленьким,
Да играть в подвале.

Койту всё же жгло в промежности. Как он и предвидел, ляжки он себе натёр. Да и ствол штурмовой винтовки нет-нет да и попадал больно мушкой по верху икры, и наверняка там будут синяки. Но Койт привык терпеть, и, к тому же, он совершенно уверенно знал, что стоит ему только как следует

помыться и отдохнуть пол дня, как наниты в его крови сделают своё благодатное дело и от всех ранок, потёртостей и синяков ни останется и следа, и он вполне будет способен не один десяток километров пройти пешкодралом.

Нога его опять зарылась в брекцию, он быстро выдернул её и, вздохнув, тихо повторил последние слова песенки, попавшие в самую точку:

—Эх, остаться б маленьким, да играть в подвале...

Кейт шедшая рядом, быстро достала из кармашка тюбик с мазью:

—На, смажь места свои, не кряхти, хоть заговорил, и то хорошо...

Койт на ходу сунул руку в комбез, и вот уже холодная и скользкая масса неимоверно здорово облегчила его мучения.

—Хоть винтовку свою отдай, — добавила Кейт, — что ты в неё вцепился.

—Не фига, — прошипел Койт, — чую, скоро пригодится...

Отряд шёл молча часа три, пока дорога огибала по ложине между горками ту вершину, где Койт и Кейт ночевали и глядели на звёзды. Постепенно путь окружили густые заросли кустарника, и Кейт надеялась, что они не сбились с дороги. Все шли молча, всем, наверное, было о чём подумать. Только дежурные проглы шагали на автомате. Взрослые ребята-носильщики тащили в кенгурятниках заснувших напарниц и на лицах их проскакивала то мимолётная улыбка, то брови их задумчиво поднимались вверх и на лбу появлялись неглубокие морщинки, то нижняя губа наползала на верхнюю, что, по-видимому, означало какое-то досадное воспоминание.

Койт тоже втянулся в этот механический шаг, и в голове его спонтанно возникали видения возможного будущего, а именно: будущая судьба его самого, и судьба оказавшейся рядом по воле боженьки Кейт, и вообще судьба всего окружавшего его мира. А вот Кейт одолевали только воспоминания. Мысли о будущем почему-то её не посещали. Да и видения прошлого возникали и пропадали, и она не запоминала их, просто отдалась потоку сознания, который был прерван уже знакомым тошнотворным запахом.

На Терре три утилизацией в природе занимались слизни и существа, похожие на многоножек. Нет, в городах, вслед за человеком, появились и мухи, и мыши, и крысы, но внутри

городов с ними безжалостно боролись, а вне городов их не было, не выживали они. Из более развитых собственно террианских зверей, трупоедами были твари, чей облик, казалось бы, ну никак не мог соответствовать их образу жизни. На вид они напоминали чёрных плюшевых детских медведей, ростом около метра, которых любвеобильные папочки так любят покупать дочерям. Только вот четыре конечности из шести у этих мишек были снабжены острыми как бритвы вытяжными коготками, которыми так удобно счищать мясо с костей. А приплюснутые мордашки с толстогубым широким ртом были лишены шерсти, чтобы удобнее было копать во внутренностях. А пасть этих трупоедов была вооружена рядом длинных и тонких зубов спереди и настоящими дробилками в глубине. Длинные тонкие передние зубы, напоминавшие рыбы кости или шила, и послужили основой названия этих зверей — шилозубы. Трупы земных существ террианских утилизаторов ранее не интересовали, но Кейт слышала в поезде от бойцов истории о том, что в последнее время стали то тут, то там видеть прайды шилозубов, копошившихся в остатках несчастных жертв обстрелов, особенно если трупы были обгоревшие.

Вонь от поляны с погибшими людьми казалась никак не отвлекала отряд от равномерного движения. Кейт не выдержала и опять спряталась за Койта, снова вцепившись ему в руку.

Вот и сама поляна. Но трупов как таковых уже не было, а

валялись свежие костяки, и вокруг копошились десятки шилозубов с раздутыми животами. Тут были и взрослые особи и детёныши. Когда отряд проходил мимо, некоторые твари оторвались от пиршества и впёрлись глазами в проходивших мимо ребят. И Койт даже поёжился, поправил винтовку на плече, поскольку ему показалось, что взгляды эти были если не осмысленные, то точно оценивающие.

Пришло время обеда и смены проглов. Кейт и Койт проявили единодушие и от еды отказались. Недалёкая поляна с объевшимися шилозубами не располагала к приёму пищи. А вот подбиральщиков та картина, похоже, ничуть не впечатлила. Они опять совершали свой привальный ритуал. В конце главный Марсик опять запустил высоко вверх свой ретрансляционный дрон. На сей раз птичка не замерла на месте, а начала постоянно маневрировать, пока опять не уселась на точку взлёта, а Марсиусы собрались все вместе, сняли шлемы, позвали взрослых проглов, махнули и Кейту с Койтом, и опять пошли к арахноценам, поговорить, значит.

—Нет связи с базой, — сообщил говорящий Марсик, — причём никакой, даже сигнала маяка нет. Мы предвидели такое развитие событий. Мы не сомневаемся, что в посёлок вошли войска барона, слухи о том, что так будет, начались

сразу после аннигиляционной атаки. Надо решить, что дальше делать. Лично мы считаем, что теперь непременно надо добраться до вашего склада. (Марсики посмотрели в сторону Койта и Кейт). Это гарантия того, что, в случае чего, можем пересидеть, переждать. Лично мы возвращаться не намерены. Если власть взяли силы федерации, нас опять отдадут в рабство добывающей компании, а нам это как-то не по кайфу. А вы что скажете? — Марсик спрашивал проглов.

— Насчёт девок не знаю, но мы лучше с вами, — ответил один чипанутый, — нам одним не выжить...

Второй прогл согласно кивнул.

— Насчёт погонщиц и арахноценов, тут ситуация безысходная, им надо возвращаться на ферму, — продолжил рекогносцировку говорящий Марсик.

— Даёте нашу двойную долю, — крикнула одна из возниц, и Марсик согласно кивнул.

Проглы пошли меняться. Все остальные ждали, когда к ним подойдут вышедшие из дозорного режима чипанутые девушки-носильщицы. Они тоже изъявили желания уйти с Марсиками. На том и порешили. Отряд построился в походный порядок и все, не сговариваясь, ускорили темп передви-

жения.

Они дошли уже до той местности, где террианский буш превратился в пепел. На дороге были видны свежие треки от гусениц может танков, а может и ракетных тягачей. Когда Койт и Кейт вчера проходили тут, этих следов не было. Кейт заволновалась и уже хотела сообщить об этих свежих следах говорящему Марсику, как одна из мелких проглов, что смотрела вперёд по хожу отряда, ткнула пальцем в небо и крикнула:

—Скай!

А потом указала на некую точку рядом и опять крикнула:

—Скай!

И тут же её напарница сзади отряда тоже два раза тыкнула пальцем в затянутое дымчатыми облаками небо и также крикнула два раза тревожный сигнал. Получалось, как сообщил Койт, их то ли атаковали, то ли просто наблюдали аж целых четыре дрона. Отряд суетливо готовился к бою, а они с Кейт застыли истуканами, просто не зная своё место в этом боевом порядке. Тут одна из взрослых девчонок-проглов ки-

нула Койту обойму к штурмовой винтовке:

— Быстро перезаряжайся! Там в обойме спецпатроны. На дистанции сто метров до дрона они разворачиваются в сетку метровой площади и наверняка сбивают птицу. Живее!

Койт перезарядился, подивившись черным шерховатым патронам в гильзе, и взглянул на небо. Теперь и он видел приближавшиеся к ним дроны, но получается, мелкие девчонки-проглы засекли их чуть ли не за километр. С макушек Марсиков стартанули два мелких дрона и пошли в атаку. Но из атакующего дрона-протоивника сверкнул луч, и один дрон отряда рухнул неподалёку, зато другой протаранил цель, которая закрутившись, будто крылатка террианской сосны, пошла книзу, при этом из птички посыпалась вроде как труха.

— Пикси! — завопили мелкие в дредах, а их лысые мальчишки-напарники подскочили к дежурным проглам, выдернули из них активационные чипы, сами схватили Подбирашку и Подбирушку и поволокли их к центру отряда, а взрослые девчонки-проглы также бесцеремонно поступили с парнями, поскольку они ещё не отошли от программы, и по-другому, похоже, было нельзя.

В это же время арахноцены сбросили поклажу также в

центр отряда, их возницы свистнули, собаки прыгнули им на руки и пауки отскочили в сторону с дороги. Марсики выкинули из поклажи три по виду тяжелых энергоблока. И только тут Койт сообразил, что их атакует рой высыпавшихся из маток пиксельных дронов, от которых нет спасения. Похоже, что и Кейт поняла ситуацию, так как она испуганно присела, не зная, что делать. И тут весь отряд оказался в полной бездонной тьме. Испугавшись на мгновение, Койт тут же сообразил, что Марсики активировали прозитронный защитный купол и был снова удивлён неплохой технической оснащённости отряда. Внутри купола вспыхнул яркий светодиодный шар. Койт огляделся: купол был шагов двадцать в диаметре.

— И надолго мы так можем? — в свою очередь спросила Кейт ту из взрослых девчонок-проглов, с которой разговаривала до этого.

Похоже, Кейт, с перепугу, забыла её имя, а Хагера (это была именно она) ответила:

— Ну, минут на десять хватит, успеем подготовиться.

— А что там с возницами? — не унималась Кейт.

Хагера отмахнулась:

— С ними ни хрена не будет, пауки о них позаботятся. А вот нам предстоит...

Она не договорила, а говорящий Марсик начал озвучивать то, что шептал ему на ухо его первый клон:

— Значит так. Пикселей там сотни три, не меньше. Не думаю, что их задача нас убить, скорее они парализаторы, чтобы мы провалялись тут несколько часов, пока нас не подберёт спец команда. (Ага, подборщики подбиральщиков... — Койту в голову пришёл ни к месту каламбур). Два наших проводника, — Марсик кивнул в сторону Койта и Кейт, — должны быть невредимыми, иначе в нашем сопротивлении нет смысла, поэтому два скафандра гоплитов мы отдадим им, остальные знают, что делать...

Дежурившие проглы пришли в себя. Парни заряжали свои винтовки такими же патронами, что и Койт, хотя он и стал сомневаться, что против пиксельных дронов сети будут эффективны. Гораздо более серьёзное оружие было у мелких, их поставили по четыре стороны впереди всех и в руках у них были раструбы огнемётов. Похоже было на то, что пламя должно полностью прикрыть ребятишек от атакующих пикселей и именно они, мелкие проглы, должны были нанести основной урон атакующему рою. Замыкающему строй, тре-

тьему, то есть, и говорливому Марсикам взрослые проглы помогали снять броню гоплитов. Койту и всего раздеться-то было — расстегнуть молнию на комбезе и всё. Замыкающий Марсик похоже, должен был отдать свой скафандр Койту. Использованный памперс кинули в чёрный мешок, достали новый, вложили в нужное место. Из одежды на третьем Марсике было бугристое бельё из непонятого синтетического материала с прорезями в промежности, а иначе в средствах гигиены толку не было никакого. Это бельё, как понял Койт, должно было обеспечить максимальное прилегание тела к броне. Замыкающий строй Марсик почесал зад и снял с себя всё. Койт и третий Марсик протянули друг другу одежду, встретились взглядами и замерли. Койту вдруг пришла в голову мысль, что эти два человечка, клоны Марсиусов, совершенно безропотно и без лишних уговоров и угроз просто обрекали себя на верную гибель, отдавая снаряжение гоплитов ему и Кейт. И они сами это прекрасно понимали, это читалась в тоскливом взгляде замыкающего строй Марсика.

—Ну, что застыли-то с голыми задницами! — вышла из себя стоявшая рядом Хагера и шлёпнула Койта по ягодице, — быстрее переодевайтесь, купол долго не протянет...

И пока взрослые проглы помогали Койту надеть броню гоплита, он мысленно просил боженьку, если чего, отправить этих двух рудакопов туда же, где он поселил его Марси-

ка. Койт подумал, что им там будет хорошо втроём. Третий Марсик будет помогать его Марсику во всём, а с говорливым и тоски никакой, и поругаться будет не о чем, он же всегда будет поддакивать его Марсику. И Койт, придумав такой сценарий, даже как-то успокоился, и даже обрадовался, ощутив, что в броне гоплита двигаться очень даже удобно, и она явно обладала качеством бионического экзоскелета, так как при всей своей массивности не давала ощущения лишнего веса, а, значит, была вполне себе самонесущей. Этакий прототип экзота, примитивный конечно, но вполне пригодный.

А вот Кейт заартачинлась. Она категорически отказалась и от памперса внутри скафандра вообще, и одевать на себя бельё говорливого Марсика тоже не стала.

—Просто засуньте меня внутрь, я сяду на землю и будь что будет, — заявила она, и с ней спорить не стали, а говорливый Марсик напялил на себя чёрное трико явно слишком большого размера, что вытащил из кучи поклажи.

Вот вроде все и переоделись, и расставились, и вооружились. Повисла тягостная пауза, и главный Марсик опять зашептал в ухо говорливому:

—Ну что, мальчики и девочки, раньше нам всем неизменно везло. Серая вдовушка так и не спела никому из нас своей последней песенки, не поцеловала на последок... Но,

видать, пришёл и наш черёд. Давайте пожмём друг другу потные ладошки, положим их друг другу на дрожащие плечи и поклянёмся, что те, кто увидит сегодня закат, навсегда оставят в своих сердцах память о тех, кто этого заката не увидит... До последнего вздоха, до последнего взгляда на наше родное проклятое небо...

И все тихо прошептали: «Клянёмся...». И Койт прошептал, и он видел, что губки Кейт тоже двигались, прежде чем она захлопнула забрало. Койт оглядел лица бойцов отряда и был снова поражён тем, что даже в глазах мелких проглов читалась пронзительная, совершенно взрослая осознанность того, что им предстоит. И Койту вдруг померещилось, что там, за чернотой купола их поджидает не только рой пиксельных дронов, но и та самая серая вдовушка, что сидит поодаль на холодном валуне и улыбается в предвкушении исполнения своей нехитрой песенки. И ещё Койт тихо напоминал боженьке, что теперь вся надежда отряда только на помощь небес, ибо в силы отряда он не очень-то верил...

Защитный купол исчез. Просто мгновение назад он был, и вот нет его, никакого перехода. Тьма — свет. И пламя, пламя огнёмётов образовала довольно высокую стену вокруг. Все бойцы отряда начали палить, кроме Кейт, что сидела в цен-

тре периметра, и Койта, который не видел в пальбе из штурмовой винтовки смысл. И тут же Койт получил прикладом в плечо от третьего Марсика. Было, впрочем, не больно. Койт удивлённо взглянул на ударившего, и увидел, как доселе не проворонивший ни слова замыкающий Марсик орал, да орал так, что было понятно даже через закрытое забрало:

—Стреляй, бля, стреляй!

Койт подчинился и дал длинную очередь от пуза в огонь. Потом он понял, что зря сомневался в эффективности такого огня. Оказывается, пластиковые сетки-пули пройдя через пламя разворачивались тут же и начинали вращаться сбивая кучу пикселей. Но это Койт понял только потом, а сейчас он просто бездумно палил сквозь завесу огня. И боженька им помог. Он дал подзатыльник Эолу, и ветерок стих до штиля, это позволило мелким проглам держать пламя не минуту, а гораздо дольше. Но огонь, он и есть огонь. Если бы Койт не был в броне гоплита, то он сразу же почувствовал бы запах палёных волос, и вот одна из мелких девчонок-проглов уронила сопло огнемёта, и за ней, не выдержав жара, огнемёты потушили все. Скорее всего, управлявший пикселями ИИ не был готов к тому, что такая на вид лёгкая добыча, как отряд детишек, может оказать такое слаженное и, главное, весьма эффективное сопротивление. Когда пламя сникло, дорога была буквально завалена уничтоженными пиксельными дронами,

а остальные, что ещё не были сбиты, взвились вверх, и там вроде как перестраивались для новой атаки. И тут оба раздетых Марсика, отчаянно паля из автоматических дробовиков, перепрыгнули мелких проглов и метнулись вправо от Койта. Койт увидел, что они своим огнём буквально изрешетили два дрона-носителя, что низко парили совсем рядом. Может, Марсики в горячке боя забыли, что на них нет брони, а, может, они, как и койтов Марсик, не верили в свою смерть, но оба споткнулись, согнулись, ужаленные пикселями, зарылись лбами в придорожный песок и упали на бок лицом друг к другу. Но тут Койт вспомнил, что маточных дронов было четыре, значит оставался ещё один, и он был управляющим. И тут же Койт заметил его. Птица парила довольно высоко над полем боя, но явно совершенно недостаточно, чтобы быть недостижимой для обычных пуль штурмовой винтовки, что пролетают километр за секунду, не сходя с прямой траектории. Койт перезарядился, прицелился и нажал спусковой крючок, выпуская длинную, насколько возможно, очередь. В броне гоплита мальчишка чувствовал себя скалой, неподвижной, нерушимой, ни один мускул не дрожал, и даже дыхание не мешало целиться. Управляющий дрон оценил ситуацию мгновенно и пошёл ещё выше по спирали, да где там... Одна из пуль, что была в середине рожка, вспорола дрону брюхо, разорвала его на два обломка, что начали ускоряться падать вниз, сыпя пламенем и искрами из раздробленного аккумулятора. Всё было кончено. Пиксель-

ные дроны, совершенно неспособные самостоятельно анализировать ситуацию, начали биться во всё, что испускало наибольшее тепло вокруг, в нагретые огнёмётами камни, в горящие ошмётки пластиковых сеток, или просто бесцельно улетающая вдаль.

Марсики лежали шагах в десяти, а внутри периметра, на спине, раскинув руки, валялась взрослая девчонка-прогл, но она явно дышала, явно была жива, а у самого края периметра, на животе, подмяв под себя ладошки, не отпустившие огнёмёт, лежала одна из мелких чипанутых девчонок. Кейт откинула шлем и бросилась к ней, перевернув малышку на спину:

—Она не дышит! — крикнула Кейт, и вскочив, начала пытаться лихорадочно освободиться от брони, буквально визжа, — освободите меня, ну же, скорее!

К Кейт подскочили два парня-прогла и Хагера, которая гаркнула:

—Замри!

Через несколько секунд верхняя часть брони гоплита рух-

нула на брекцию дороги, а из штанин Кейт просто выпрыгнула, благо, что на ней не было специального плотного вкладыша. Кейт принялась делать девчонке искусственное дыхание и крикнула, чтобы ей дали её рюкзак. В ход пошёл и минидефибрилятор, и укол Кейт сделала прямо в грудь пострадавшей, и опять реанимация вручную...

—Ну же, Подбирушечка, миленькая моя, — причитала Кейт, — давай, давай, делай вдох... Ну же, ну же...

К ним подошла другая мелкая девчонка-прогл. Она присела на корточки и с интересом наблюдала процесс реанимации.

—Это Подбирашка, Подбирушка — это я, — сообщила она спокойно, взяла с дороги осиротевший огнемёт, встала, кинула оружие в короб с пожитками и снова повернулась к Кейт: — она померла, брось её...

Кейт прекратила пытаться вернуть к жизни маленькое тело, села на пятки, безвольно опустила руки и посмотрела на Подбирашку залитыми слезами зелёными яблочками глаз. Скорее всего, ИИ не рассчитал нужную дозу, или случайно был атакован крупный сосуд, и сердечко Подбирашки не выдержало...

Тем временем, Койт озирался по сторонам. Арахноцены были метрах в ста выше по дороге. На их спинах возвышались коконы, сплетённые, как понял Койт, из волос пауков. Главный Марсик просто кинул три камушка в один из них, и Койт увидел, как стенку кокона пронзает нож, что режет своей пильчатой кромкой укрытие по кругу, будто куриное яйцо всмятку, и вот кокон откинулся, и оттуда с тьяканьем выпрыгнула собачонка. А возница поднялась на ноги, посмотреть результат боя, даже приложила ладошку козырьком, но с арахноцена не слезла. Так же было и со вторым коконом. Похоже было, что пауков с возницами даже и никто не атаковал.

Хагера сходила к лежавшим Марсикам, потрогала их и вернулась в периметр. Койт откинул забрало и поймал её взгляд.

— Живы, — отмахнулась носильщица, — тоже в параличе, как и моя напарница, но живы...

Хагера подошла к поклаже, откинула ненужное, и достала из глубины переносной холодильник, кофр, явно хирургический, и направилась к мёртвой Подберашке.

— Ты что удумала, — Кейт выпучила на Хагеру глаза и подтёрла костяшками пальцев нос.

— Вскроем темечко, достанем электронику. Там ванег на полторасто сотен тысяч будет. Потом потрошки в холодильник, ещё полмиллиона ванег, а то и семьсот, при нынешней заварухе всё вмиг подорожает, знаешь ли, а то, что останется, закатаем в вакуум и на белок, на фабрику, на консервы, значит... Итого, глядишь, с твоей Подбирашкой мы полгода всем отрядом протянем, а если удастся поменять на федеральные, бароновские, значит, кредиты, то и поболее...

Услышав фразу Хагеры про консервы, Койт вздрогнул. Так вот, получается, откуда у этой страшилки ноги растут. Коста, сукин сын, знал о подобной практике на присоединённых и империи землях, и решил так их с Марсиком запугать, не совсем обосновательно, выходит. Похоже, Койт не зря сражался за республику, в мире с консервами из детишек ему жить не хотелось...

— Не дам! — завопила Кейт и накрыла трупик своим телом, — вы же все клялись сердцами, вы же клялись...

— Ну да, клялись, и в наших душах, что живут в наших сердцах, она всегда будет с нами, — Хагера вроде как пыталась успокоить, уговорить Кейт, но при этом она как-то легкомысленно размахивала в воздухе рукой с зажатым в ладони скальпелем, — но ты тут чужая, ты не понимаешь, что вот

здесь, — Хагера постучала кулаком с зажатым в нём скальпелем себе по макушке, — вот здесь есть мозги, а мозги тут у всех заняты ванегами, — и вот здесь, — Хагера так же постучала себя по пузу, — вот здесь тоже будет пусто, если у тебя нет денег, и на жалость тут рассчитывать нечего...

—Так давайте же убивайте друг дружку да продавайте, чего время тянуть, так проще...

—Некоторые так и делают, — серьёзно сказала Хагера, — их называют чёрными подбиральщиками. Но их быстро ликвидируют, причём всем обществом, у нас есть грани человечности, не надо делать из нас монстров. У нас жестко следуют законам. Неужели у вас в республике просто хоронят и всё? А ты не подумала, сколько облучённых после удара землян детей можно спасти потрошками этой Подбирашки. Мы же их в систему трансплантации продадим, не на кухни, супы варить...

Тут к Кейт подошёл главный Марсик, снял шлем с уцелевшим дроном и приблизился губами у правому уху Кейт. (Койт, глядя на Марсика, подумал, мол, вот зараза, птичку он, ты гляди, сберёг, пожалел. Братков своих положил, а птичку целой оставил. Прожжённый, гад, просчитанный напрочь.) Кейт отшатнулась от Марсика, но он сильно и настойчиво опять приблизил к себе девчонку.

—Когда я был маленький, — еле-еле уловила Кейт его голос, — то попал под край разрыва термобара. Думали — сдохну, а я вот выжил. Только связок голосовых у меня почти не осталось...

—А что новые... — Кейт не договорила, Марсик снова прильнул к её уху, — а новые будут, когда я перестану расти, лет в восемнадцать. Вот тогда и пересадят, вот тогда и заговорю.

Шептание Марсика казалось Кейт не совсем речью, а будто дыхание мальчика было тёплым ветерком, что доносил до её уха обрывки какого-то отдаленного разговора, и надо было напрягаться, додумывать недостающие звуки, чтобы понять смысл сказанного.

—Пусть Хагера делает то, что должно, а вот консервов не будет. Всё что останется, оболочку, то есть, мы похороним так, как ты хочешь. И не смотри туда, не надо. Смотри на своего оставшегося в живых друга, на меня, на других... А лучше помоги парализованным, ты же опытная, я видел, как ты реанимацией занималась...

И Кейт неожиданно успокоилась. Под её руководством парализованных подмыли, надели на них памперсы гоплитов и

положили на арахноцена, что, как сказала возница, был поспокойнее. Паук сначала задрожал, почувствовав непривычную ношу, но парализованные не двигались, и тварь затихла. Главный Марсик спросил Кейт, знает ли она как привести в чувства парализованных товарищей, но она лишь пожала плечами, сказав, что есть, конечно, методика, не зря же их не хотели убить, а просто обездвигить, но она об этом ничего не знает, а экспериментировать не стоит. Надо дойти до цели, а там есть с кем проконсультироваться...

Тем временем Хагера закончила свой скорбный труд, а два парня-прогла под руководством молчаливого Марсика ловко собрали здоровенный такой октокоптер. К нему и прицепили в холодильном контейнере всё, что изъяли из Подбирашки. Октокоптер взревел, поднялся на высоту метров десять, покачался-покачался и молнией взвился в низкие облака, улетая по только ему известным координатам.

— Долетит ли? — Спросил Койт Хагеру, что тщательно оттирала окровавленные ладони.

— Всегда долетали... Мы отправляем впервые, но вроде говорят, что не сбивают их, знают, что они несут.

— А заплатят, не кинут? — Койт зачем-то перешёл на шё-

ПОТ...

—Опыта у нас ещё не было, но, по разговорам, что всё честно. Я думаю, что поскольку войне конец, в плане платежей всё быстро наладится И месяца не пройдёт, как заработает планетарная сеть, барону тоже нужна нормальная экономика...А. что тебе говорить, — Хагера кинула салфетки в мешок, — ты всё равно ничего не понимаешь во взрослой жизни.

Койт хотел было поспорить, но решил, что это было бы не ко времени и, уж совершенно точно, ни к месту.

Остатки Подбирашки похоронили там, где указала Кейт. Это был большой валун с плоской вершиной, нависающий над дорогой. Кейт и Койт обложили тело, запакованное в чёрный мешок, большими камнями, а остальные из отряда засыпали внутрь каменной оградки мелкую брекчию. В результате получилась ровная насыпь, на которой Подберунчик выложил круг из камушков чёрного базальта, а его товарищ, Подбирёнок, сделал обрамление из молочного цвета камушков кварца. Подбирашку положили головой на восход Альсафи. В заключении Хагера натянула снятый ею же скальп покойницы с разноцветными дредами на круглый,

как голова, валун и поставила в изголовье могилы. Койт и Кейт три раза выстрелили из глоков. Никто из отряда не салютовал. Военных погребальных обрядов в этой местности не придерживались.

Повисла тишина, и Койт вслух попросил боженьку даровать Подбирашке бескрайний луг с травой по пояс, где росло бы множество ярких земных цветов, которые она никогда в своей маленькой жизни не видела, и ещё множество порхающих земных букашек с переливающимися цветными, как дреды Подбирашки, крыльями, чьё название Койт знал, но позабыл. И, самое главное, чтобы над ней было безоблачное небо, бескрайнее и абсолютно-абсолютно пустое...

Посоветовавшись, решили, что впереди отряда пойдёт один прогл, Хагера, что понесёт одного мелкого мальчишку, который будет смотреть на небо в тылу отряда. А уж остальные семь пар глаз, бог даст, впереди, по ходу движения, дроны разглядеть сумеют. К тому же небо стремительно хмурилось, погода была нелётной, и новой атаки скоро не ожидалось. Койт отметил, что настроение у всех было если не весёлое, то приподнятое, они вышли из безнадёжного боя с минимальными, насколько это было возможно, потерями. Получается, насчёт везения, главный Марсик всё же был прав — это был везучий, прости господи, чертовски везучий отрядец.

Неожиданно с Койтом поравнялся один из пареньков-проглов, взрослый, носильщик. Рядом с ним семенил мелкий его собрат, который занимался тем, что сковыривал с опалённых бровей сгоревшие катушки волосков, мял их между подушечками пальцев, нюхал, и быстрым движением, украдкой, косясь на остальных, отправлял получившийся порошок в рот.

— Я видел у тебя на груди крестик, — сказал прогл-носильщик, — ты христианин. Когда я был таким же, как это шибздик, — он отвесил лёгкий подзатыльник мелкому, — ещё до войны, значит, я работал в одной общине крестносцев, за комбайнами присматривал, значит, километрах в ста вглубь имперских земель. Мой хозяин, сам не знаю на кой, всё проповедовал мне и Евангелие читал, и так просто говорил, и про Христа, и про всё остальное. Даже крестить меня хотел, даже в церковь привёл, куда они по воскресным дням ходили. Но пастор как меня увидал, так подрясник подобрал и, на крыльцо храма взбежавши, потребовал увести это чёртово отродье, меня то бишь, прочь от божьего места...

Прогл неожиданно замолчал, как они делают обычно. Будто бы и забыл, что говорил с Койтом.

— Ты это к чему мне рассказал, — напомнил Койт.

— К тому, — снова встрепенулся от воспоминаний прогл, — что тяжёлая у тебя религия. Вот у Салима религия проста и понятна: читай, а лучше учи наизусть святую книгу, да следуй её советам, ни о чём не задумываясь и не подвергая ничто сомнению. Его богу только этого и надо, а за это он его в рай заберёт. И, самое главное, никакой инициативы, всё только как священник ихний решит. И надо за эту веру убивать, неприменно, иначе бог его не поверит, что он в него верит, а он верит...

Похоже было, что паренёк запутался в своих мыслях. Прогл опять забыл про Койта, шёл, смотря под ноги, и всё бормотал начет верит — не верит.

— Так чего тяжёлого в моей религии, — Койт опять вернул русло сознания прогла в суть разговора.

Тот взглянул на Койта так, будто в первый раз его видит, но через секунду собрался с мыслями и пояснил:

— Ты будешь обречён всегда искать любовь, это смысл твоей веры. Причём искать её ты будешь безнадежно, там, где её и быть-то не может. И во врагах искать будешь, и в тех, кто тебя окружает, и кто в конце-концов тебя предаст, не все, но многие. И счастья в своей религии ты не найдёшь, не то, что Салим... Хотя, может ты и особый...

—А что это — счастье?

—Я так разумею, это когда тебе воздаётся по твоим надеждам и вере, только надеяться и верить надо во что-то одно, иначе никак.

—Как это?

—Ну, в твоём случае, верь или в бога или в церковь. Во всё вместе верить не выйдет.

—Это почему?

—А вот будешь душеньку свою тянуть, тянуть, а она возьми да на лоскутки-то и порвётся...

Прогл больше ничего не сказал, подхватил идущего рядом мелкого, буквально закинул себе за спину в кенгурятник, малыш положил голову ему на плечо и тотчас заснул.

В спину отряда задул сильный, порывистый ветер. Облака заметно опустились, насупились, потемнели. Началась морось, потом дождичек, а потом и настоящий дождь. Койт вспоминал —вспоминал, и вдруг вспомнил однажды слышанное им слово:

—Юродливый... — прошептал он почему-то с улыбкой.

Глава 5.

Бесёныш.

Не пей, мой мальчик, никогда

Водицы из криницы.

В тот час, когда в неё звезда

Полночная глядится.

Послушай, отрок, мой совет:

Ты не играй с судьбою...

Пленит тебя тот звёздный свет,

Потянет за собою.

Он отмахнулся лишь в ответ,

И громко так смеётся.

И пьёт горстями звёздный свет

С ведёрка у колодца.

Пьёт ледяную не спеша,

Водицы нет полезней...

И пропадёт его душа

В промозглой черной бездне.

Созреет нынче хлеб в полях,

Но нет молодых жнецов.
Они на звёздных кораблях
Покинут кров отцов.
Ты не послушал мой совет,
Ну что ж, учти, юнец,
Судьба дала тебе билет,
Увы, в один конец.

Великая река пересекала Республику с северо-востока на юго-запад, лишь в верхнем, горном течении однажды сдвлена плотиной гидроэлектростанции, а далее она текла, как ей заблагорассудится, неглубокая, равнинная, местами широка, местами рукависта, разделена островами. Русло её было довольно прямое, и, как и положено, правый берег круче левого. Но в одном месте эта великая река вдруг поворачивала почти на попятную, уходила резко на север, огибая горный кряж, ни с того ни сего возвышавшийся почти на тысячу метров над равниной. После него река опять возвращалась практически на то место, откуда повернула, по прямой между этими точками русла было всего километров десять, поэтому тут был прокопан канал, что сокращал путь по реке практически на сто километров, а вокруг этого канала, само собой разумеется, вырос большой промышленный город, что и стал впоследствии столицей Республики Рудокопов.

Кряж этот называли Весёлым из-за того, что слагавшие его породы были на удивление разноцветными, будто нарочито некий древний бог взял и перемешал краски. На самом деле этот горный массив был древнющим вулканом, что сотню миллионов лет назад выскочил магматическим прыщом на теле планеты, прорвался и навсегда потух. Весёлый кряж считался у людей Терры одним из мест силы, которое обязательно поможет и подскажет, что готовит нам судьба. В далёкое мирное время сюда тянулись сотни туристов. Те из них, кто был побогаче и никуда не спешил, приплывали по реке, специально огибая всю эту гигантскую формацию, дабы налюбоваться всласть. Но основная масса прибывала на поездах, высаживалась, разбредалась по гостиницам, кемпингам и кабакам, потом спьяну взбиралась на кряж, потом посещала пещерные святилища прокливаемых официальной церковью неоязычников. Святилища эти окрестили дацанами, хотя никакого отношения к буддизму они не имели, разве что только также обожествляли природу и старались жить в гармонии с ней. Затем толпа паломников, не переосмыслив толком прожитое и не познав-таки грядущее, маясь похмельем и сожалея о краткости отпуска, грузилась в свежеотмытые вагоны и отправлялась восвояси.

Маргарита Паупер, по прозвищу Башмак, последние пол-

года была одержима одной идеей, которая грозила перерастать в навязчивую, поскольку требовала для осуществления определённых и весьма непросто удовлетворяемых условий. Впрочем, на первый взгляд, желание завести для себя ребёнка для женщины, недавно перешагнувшей тридцатилетний рубеж, совершенно не должно выглядеть экстравагантно. Однако, в случае Маргариты, даже самое простое физиологическое действие в форме зачатия, обрастало столькими условиями, что миг перерастало в проблему. Собственно, из-за такого свойства личности Маргариты, как создавать препятствия на ровном месте, тормозя и себя и всех, она и получила обидное прозвище вовсе не по предмету гардероба, а по тому приспособлению, что подкладывают под колёсную пару вагона, дабы он не пришёл в движение. Получить такое погоняло для Марго не представляло проблемы, ибо работала она в железнодорожном клининговом агентстве, а, попросту говоря, убиралась в пассажирских составах. Тут, собственно, можно было поиронизировать насчёт говорящей фамилии, типа родового проклятья, но всё обстояло несколько иначе. Марго убирала не заплёванные вагоны пригородных электричек, а туристические составы бизнес и премиум класса, что, пускай и опосредственно, приближало её к элите республиканского общества.

Как вы уже поняли, Марго была женщиной незамужней, но вполне пристойного поведения. Впрочем, чего греха таить, девственности она лишилась ещё до совершеннолетия,

но связывать свою судьбу с человеком своего окружения категорически не хотела, ибо она поклялась себе, что не будет плодить нищету во благо растущей трудовой прослойки республики. С другой стороны, Марго прекрасно понимала, что представители более высокого класса навряд ли обратят на неё внимание, ибо она, как говорится, не рожей, ни кожей, ни манерами, ни хищной экономической хваткой не отличалась. Был у неё постоянный партнёр из бригады сцепщиков, и он её вполне устраивал, но не как отец столь желанного ребёнка (и это того мужика тоже вполне устраивало). Многолетние трудовые коллеги Марго подтрунивали над ней, мол, она хочет родить не иначе как от машиниста, что было обидно, ибо прекрасно известно, что уже лет как сорок все поезда управлялись ИИ.

Марго, конечно, могла бы накопить на ЭКО, что и стоило вполне для неё приемлемо, но она считала, что ребёнок должен был быть зачат обычным способом и обязательно в порыве страсти, иначе он всегда будет для неё типа, рождённого в инкубаторе рудокопского отродья, что для неё было невыносимо. Кроме того, будущий отец должен был быть молодым, красивым и сильным. Тут можно было подумать о мужской проституции, но у Марго было ещё одно условие: будущий автор её ребёнка должен был быть незаурядного ума и талантов, не иметь криминальных замашек и отличаться правильным, а лучше всего богоугодным взглядом на мир. Короче говоря, Башмак, он и есть Башмак, и сам с ме-

ста не сдвинется, и состав не поедет, даже если и под горку...

Однажды в среду, жарким летним утром, Марго убиралась в вагоне первого класса. В этом вагоне на симпозиум в столичный университет прибыли учёные как с разных уголков Терры, так и представители земной науки, что, поговаривают, летали с кораблями барона на хи Дракона. Впрочем, Марго всё это было до лампочки белого светодиодного света. Она закончила прибираться в первом и втором купе, сходила, поменяла воду, открыла дверь в купе номер три, готовясь пихнуть туда робот-пылесос и замерла на месте. Купе было двухместное, и на правом диванчике развалился этакий молоденький кабанчик, лет двадцати пяти отроду, ежели, конечно, не неотеник, лёжа на спине в одних панталонах синего цвета, в которые была бесстыже засунута правая рука. По спине Марго пробежали мурашки. Она поняла, что не иначе как сам Вельзевул решил-таки внять её порочным мечтаниям (Господь навряд ли бы стал потакать похотливым желанием Марго, которая, несмотря ни на что, в Бога скорее верила и даже ходила в церковь на Пасху).

— Ай-яй-яй, маленький бесстыдник, — Марго прикрыла створку купе, присела на диванчик и поменяла ладонь кабанчика на свою тёплую и, несмотря на привычку к грубой работе, нежную и пухлую ладошку, — ого, там агрегат что

надо, — продолжала она шептать, чувствуя, что её воздействие находит должный ответ.

Кабанчик заулыбался, издал звуки, но не повизгивание и похрюкивание, а скорее тихое такое мычание, из уголка рта побежала слюнка, и паренёк открыл глаза. Нет, поняла Марго, он явно не неотеник, это был взгляд натурального юноши, вполне себе зрелого, но пребывающего в детском восприятии мира. Несколько секунд он созерцал улыбку Джоконды на лице Марго, потом его взгляд опустился в район панталон, он вроде как хотел резко дёрнуться, но, ощутив, что его драгоценность крепко сжата ладошкой незнакомки, неожиданно взвизгнул, хотя, наверное, хотел закричать суровым голосом:

—Женщина, вы что себе позволяете, прекратите сейчас же!

Марго в ответ расхохоталась:

—Чего ты испугался, маленький, я горю желанием сделать тебе приятно...

—Я.. Да вы... Да пошла ты... Я не маленький, я доцент, я без пяти минут профессор... — Кабанчик вроде как задохнулся от гнева, но кричал не шевелясь, явно будучи совер-

шенно испуганным.

—Милый мой, — Марго заговорила тихо-тихо, — наша встреча, не иначе как судьба, и отсюда ты уйдёшь только через моё тело. И не крути башкой, пора уже расстаться с бременем девственности. И давай без логи и фантазий, ты не был с женщиной до нашей встречи... Как тебя зовут?

—Астрофизик я... — сообщил Кабанчик совершенно не то, о чём спрашивали, —Предупреждаю, я гражданин Земли, я сообщу в полицию...

—И что ж ты сообщишь? Что одна дама страстно тебя возжелала, а ты, визжа и подпрыгивая от ужаса, вырвался из её объятий? Нет-нет у нас такое поведение не оценят. Во-первых, ты не вырвешься, во-вторых, ты будешь выглядеть полным идиотом, а историю эту раздуют, уж поверь мне, и до Земли докатиться. И, в конце концов, я ведь тоже могу прикинуться жертвой и сказать, мол набросился он на меня, из самых низменных побуждений, они же все того... Астрофизики эти...

Тут Марго показала на стены купе, что были исписаны чёрным маркёром всякими формулами и рисунками звёзд и галактик. Находясь в явном алкогольном возбуждении, пассажиры вагона, ещё до прибытия на конференцию, развер-

нули тут горячую научную дискуссию.

—Обшивка тут из дорогущего северного тиса, милый мой, одно только это потянет ой как на недёшево...

—Да плевать, я заплачу... К тому же, женщина, тут же камеры...

—В купе никаких камер нет, мы не вмешиваемся в интимную жизнь пассажиров... Да, чёрт возьми, тебя уговаривает женщина в самом соку, или ты из этих, исследователей задних проходов?

—Вот это не надо... Вы и правда весьма темпераментна и мне даже в какой-то мере льстит...

—Вот это другой разговор, маленький, — Марго ловко обнажилась по пояс, просто расстегнув комбез, под которым, надо же такому случиться, не было лифчика. — ты не напрягайся, предоставь инициативу мне.

Грудь у Марго была и правда притягательная, приподнята развитыми грудными мышцами. Соски, не знавшие жадных губок младенца, были на удивление нежны и неотразимы.

Кабанчик явно поплыл, он пошёл пунцовыми пятнами,

панталоны его того и гляди готовы были разорваться под натиском первопричины произошедшего.

— Но это как-то не по-человечески, и я не готов, — Кабанчик ещё чего-то бормотал, вроде как надо предохраняться и зачатие в его планы не входит...

— Милый мой астрофизик, — Марго укладывала жертву поудобнее, — клянусь тебе, прости меня Господи, всеми святыми, что я не предъявлю после тебе никаких претензий, и ты не будешь мне чем-либо обязан. И представь себе, что пройдёт бог знает сколько лет, может сотня, а может и две, ты будешь сидеть у камина в окружение правнуков и праправнуков... Ах, не мотай глупой головкой, у тебя будет так, именно так. И ты до самой своей кончины будешь помнить это утро на далёкой планете, куда ты прибыл всего на пару дней на заре своей жизни, и где ты лишился своей бесполезной девственности, а первый раз никогда не забывается, уж поверь мне...

Марго задвигалась страстно и настойчиво, астрофизик уже был в аффекте. А потом ещё он был сзади, а потом ещё сверху... А потом они слушали йестудей, пили горячий чай с мятными пряниками, а потом, смеясь, стирали маркёр со стен, и, ближе к полудню, кабанчик, неуклюже перепрыгивая рельсы, покидал отстойник пассажирских поездов, а аб-

солютно счастливая Марго долго махала ему во след.

Марго почему-то пребывала в уверенности, что зачатие было успешным. И когда тест на беременность показал положительный результат, она приняла это как должное. И, странное дело, вроде её мечтания осуществились, но радости она не испытывала, скорее наоборот, вдруг озаботилась дальнейшим течением жизни.

То, что ребёнок будет расти без отца, Марго совершенно не заботило. Ей самой было девять лет, когда их папаша растворился в просторах прибрежных княжеств. Она даже толком его и не помнила. Потом два старших брата один за другим исчезли из их жизни, и она осталась с матерью одна. Кстати, никаких там бабок и дедок тоже не было. По линии матери они погибли ещё до женитьбы дочери, а со стороны отца они каким-то образом оказались на территории Империи, и связь с ними была потеряна. Мать после ухода отца замкнулась в себе, а после ухода сыновей и вовсе тяжело заболела. Впрочем, если бы она проявила хоть малейшую тягу к жизни, она могла прожить ещё долго, но лечению предпочла молитвы и загнулась, когда Марго было восемнадцать. Марго особо не горевала, она была совершеннолетней, уже года два как работала в клиринговой компании, а самостоятельно жила с четырнадцати лет, ещё будучи старшекласницей.

О своей беременности Марго никому не сообщала, продолжала работать как ни в чём не бывало, но от женского коллектива своё интересное положение в итоге ей скрыть не удалось. И однажды февральским вечером, когда она уже с трудом слезала по лесенке с вагона в припорошённое снегом междупутье, её окружила вся бригада. Все стояли и молчали, глядя на Марго, что тоже молчала, смотрела себе под ноги и улыбалась. Было совершенно понятно, о чём будет разговор. Слово взяла Танька бригадирша. Бригадиршей она была по своему должностному положению, но это её не особо к чему-то обязывало и практически не давало никаких привилегий, разве что сотню-другую к зарплате. Но командовать она любила, и Бригадиршей её называли и за глаза, вроде как по прозвищу.

— Марго, ты глубоко беременна и делаешь вид, что ничего не произошло. Пора прекратить это безобразие. Какой месяц?

—Шестой.

—И ты, дура взрослая, даже на учёт не встаёшь. Беременность это не только твоё личное дело, но и ответственность перед компанией и государством. Завтра же я оформлю тебе недельный отпуск, пройдёшь всех врачей, а в семь месяцев оформим тебе декрет, как положено со всеми причитающи-

мися благами и выплатами... Кто отец-то?

—А, — отмахнулась Марго, — один заезжий молоденький астрофизик с Земли.

Девки вокруг многозначительно молчали, не зная, толи Марго смеётся над ними, толи у неё и правда крыша уже едет дальше некуда. Во всяком случае никто не поверил, и Танька только вздохнула:

—Астрофизик, так астрофизик... То есть ты своего вроде как добилась?

Марго пожала плечами.

С того дня одну её работать не пускали. Как будущей матери-одиночке улучшили жилищные условия, переселив в отдельный со всеми удобствами списанный вагон-ресторан на краю отстойников, прямо около электробусной остановки, что был превращён во вполне жилую двухкомнатную квартиру. К врачам Марго ходила исправно, она узнала, что у неё будет мальчик, в чём, собственно, также и не сомневалась.

И вот именно на этой электробусной остановке, второго

мая, её и прихватило, когда она, собственно говоря, и должна была планово отправиться рожать в клинику. Роды прошли успешно, через три дня Марго и малыша выписали, а девчонки бригады устроили ей такую опеку, что Марго даже стало неловко, она не ожидала такой человеческой теплоты и дружбы, она была к этому не приучена и непривычна.

Малыш был весьма беспокойным, но вполне здоровым. Через месяц решили устроить крестины и встал вопрос об имени. Чего только не предлагали, но Марго всё не нравилось. И когда уже все устали, весь чай был выпит и тортики съедены, вдруг подала голос старая ирландка, которая навещала Марго до этого всего один раз и слава богу, ибо считалась кандидаткой на местную если не ведьму, то на баньшу уж точно.

— Он у тебя, сразу видать, головастый будет, уж не знаю на радость или на беду... И кучерявый, явно не в тебя, Марго, в папашу, не иначе. Назови его Кэсседи, лучше имя не дать...

Девчонки бросились смотреть в сети значение имени, и были просто поражены, что оно подходит мальчишке как нельзя лучше. А когда порешили так и назвать, старой ирландки уже не было, хотя никто не видел, как она уходила. Вот так Кэсседи Паупер и получил своё имя.

Кэсседи был ребёнком талантливый, даже не просто одарённым, а одержимым жадой изучения мира. Всё новое он схватывал на лету, и если увлекался чем-либо, то по примеру матери, это новое знание или новая идея полностью захватывала его сознание. Но, в то же время, была в нём некая бесинка, он легко выходил из себя, а в припадке ярости мог натворить бед. Впрочем, он потом переживал, даже будучи ещё совсем маленьким, ибо разумом он понимал, что так поступать негоже, но эмоции свои сдерживать ему было трудно.

Когда Кэсседи достиг того возраста, в котором мальчикам, растущим без отцов, становится интересно тайна их появления на свет, лет эдак в пять, Марго честно ему рассказала, кем был его отец. При этом она даже поклялась, опять, прости Господи, Всеми Святыми, что так оно и было на самом деле. Святые в то время представлялись Кэсседи некими грозными начальниками, типа воспитательницы в саду, поэтому матери он поверил безоговорочно и при всяком случае, а случаев этих было множество, он гордо сообщал интересовавшимся, кто был его отец. Как правило, со сверстниками сей диалог заканчивался дракой, даже если не поверившим в его инопланетное происхождение ребёнком была девочка.

Так продолжалось вплоть до окончания начальной школы, когда в десять лет Кэсседи, уже окончательно решив-

ший стать первым настоящим астронавтом Республики, решил подробно расставить все точки над буквами, и конкретно выяснить с помощью глобальной сети настоящее имя отца. Это, надо сказать, было в принципе не сложно. Уже через полчаса поисков он наткнулся на групповую фотографию участников конгресса десятилетней давности и папашу узнал сразу, поглядев на себя в зеркало. Мать тоже кивнула головой, причём без особых эмоций, будто между делом. Так Кэсседи узнал, что отца зовут Марк Занкль, что он действительно с Земли, гражданин Европейской Федерации, а его доклад был посвящён термоядерным процессам в короне Хи Дракона А.

Граждане республики бывали и на орбите, и на базе землян на Эгерии, что была формально необитаема, но иногда посещалась профилактическими экспедициями. Но вся эта космическая деятельность осуществлялась силами флота федерации. Собственных космолётов у республики не было, как не было и собственной орбитальной станции. И к великому разочарованию Кэсседи, никто и не стремился создавать собственный не то что межзвёздный или межпланетный, но даже простенький каботажный околотеррианский космофлот. Поэтому все сочинения Кэсседи на тему «кем я хочу быть», заслуженно получали четвёрку за грамотность, и тройку за раскрытие темы, в виду того, что астронавтика не могла приносить республике пользы, а значит и мечты о таком поприще, по разумению педагога словесности, поощ-

рять было грешно.

На то, что Марго равнодушно отнеслась к установлению личности отца Кэсседи, у неё была весьма веская причина. Пока Кэсс подрастал, она не особо интересовалась мужским полом, полная забот о младенце. Но время шло, её мальчик и сам стал отдаляться от неё, предпочитая общению с матерью мир собственных мечтаний и тайных делишек. У Марго завелось время для личной жизни, она пару раз заводила связь с ребятами из депо, благо её жилище было довольно просторным, а сын к её ухажёрам был равнодушен и не проявлял лишнего интереса. Так было года три, когда вдруг совершенно случайно у Марго закрутилась весьма интересная интрижка с овдовевшим начальником товарной станции, которому её порекомендовали, как неизбалованную и весьма опытную уборщицу. Марго и сама не поняла, что в ней нашёл этот господин, но он не хамил, не лапался, а просто и честно сказал, что она ему нравится, и что он хотел бы познакомиться поближе. Марго была не против. Единственное, что её смущало, что у господина был сын, года на полтора старше Кэсседи, и этот мальчишка явно ревновал, хотя отец и был к нему весьма благожелателен.

Вся эта любовная круговерть Марго совершенно не заботила Кэсседи. Всё своё свободное время мальчишка уже

года как два посвящал астрономическому кружку, что вели студенты университета на площадке, где возвышался долгострой обсерватории, на самом верху Весёлого Кряжа, где ночное небо гораздо чаще бывало чистым. Туда Кэсседи впервые начал забираться лет в шесть, когда построили канатку. До десяти лет вход на неё был бесплатным, но в сопровождении взрослых. Но Кэсседи ловко пристраивался или к какой-нибудь семье, или к группе детской экскурсии, так и оказывался на вершине кряжа, откуда спускался уже в ночной темноте. Конечно же, его быстро выследили контролёры, но он же был свой, деповский, и проблема была решена, тем более, что Кэсседи был довольно покладистым малым. Да и в кружке он был самым мелким слушателем, но слушателем благодарным и понимающим, и на него обратили внимание.

После годичных поминок, Марго и её воздыхатель стали подумывать о свадьбе. А отпрыск начальника станции не додумался не до чего лучшего, как третировать Кэсседи, ибо посещали они одну школу. Однако Кэсс не особо реагировал на выпады и попытки подраться со стороны сына начальника станции, так как хоть тот и был постарше, но в плане весовых категорий у них был паритет. Но, однажды в первых числах ноября, Кэсседи завернул за угол школы и ему навстречу вышли трое, за которыми стоял ухмылявшийся его

задира.

— Скажи своей мамке, — крикнул сынок начальника станции из-за спин явно наёмных сорвиголов, — чтоб ноги-то свои не расставляла, мочи его ребята.

Но мочилово получилось весьма однобоким. Кэсседи впал в припадок ярости и не испугался, а, схватив пол кирпича, принялся орудовать им, скрежеща зубами, даже не замечая порезов на руках, ведь у одного из забияк оказался маленький такой перочинный ножичек. Увидев такое дело, сынок начальника станции бросился наутёк, но Кэсседи уложил его кирпичом в спину, схватил за обе щиколотки, повернул к себе лицом, и прошипев:

— Ну а теперь ты ножки-то раздвинь, — и вправду раздвинул пареньку ноги и со всей силы пару раз пнул тому в промежность.

Мальчишка завизжал и обмяк, к Кэсседи подскочили взрослые, и учителя, и старшеклассники и чьи-то родители. Его скрутили и поволокли в школу, вызвали полицию и скорую помощь, а Кэсседи не сопротивлялся, полностью подчиняясь командам, лишь слегка улыбался.

И надо же было такому случиться, что именно в день драки Марго сообщила своему дорогому, что беременна, и не просто беременна, а будет двойня, две девочки. Порадовались они меньше часа, как позвонили из школы и сообщили о драке, что Кэсседи и четверо нападавших на него, в том числе сын начальника станции, в больнице. Из больницы Кэсса отправили напрямиком в психушку на освидетельствование, где он и пробыл три недели. Адвокат ему попался хороший, со стороны трёх напавших на него ребят обвинение было снято, помог перочинный ножичек, и суд постановил, что была самозащита. А вот за два, как оказалось роковых, удара в промежность сынка начальника станции ответить пришлось, но и там приговор был не столь суровым, так как адвокат доказал, что Кэсседи действовал в состоянии близким к аффекту, да и психиатры указали, что присутствовало крайняя степень возбуждения и обиды, спровоцированное пострадавшим. Короче говоря, Кэсса отправили на три года в спецшколу. Начальник станции тоже не стал церемониться со своим сынком и, опасаясь за жизнь и здоровье будущих младенцев, отправил его в интернат на теплое побережье, поправлять телесный недуг и пошатнувшуюся психику.

За всё время пребывания Кэсседи в психушке, мать посещала его всего два раза и разговора не получилось. «Да... Нет... Всё в порядке... Не знаю... Так получилось...» Вот

и все ответы Кэсседи на вопросы. Передачи он брал и честно делил их с сокамерниками, такими же как он малолетними психопатами. Короче говоря, в спецшколу его перевели с вполне себе пристойной кличкой «Бесёныш». И мать, что переносила беременность тяжело, вообще позабыла про него, навещая не чаще одного раза в месяц, а после родов и вообще не появлялась полгода.

Надо сказать, что по давней традиции исправительное учреждение для несовершеннолетних находилось под патронажем столичного университета, а именно, факультета педагогики, что было совершенно понятным, ибо лучшее место для практики студентов, особенно кафедры коррекционного образования и придумать нельзя. Поэтому в спецшколе была просто фантастической наполненности библиотека, что обрадовало Кэсседи настолько, что он и не думал раскаиваться в своём грехе. Однако, вёл он себя хорошо, учился и того лучше, поэтому обрадованный такому сидельцу директор, при полном согласии начальника по режиму, разрешил мальчишке через три месяца, в качестве трудовой практики, помогать на стройке обсерватории, что сделало Кэсса практически счастливым, ибо он не столько подметал строительный мусор, сколько продолжал участвовать в жизни астрономического кружка.

Прошло два года, Кэссу вот-вот должно было стукнуть тринадцать. Однажды мартовским хмурым утром, ещё до подъёма, Кэсса осторожно потрепал по плечу начальник по режиму:

— Кэсседи Паупер, с тобой хотят побеседовать одни очень серьёзные люди...

Кэсс, не задавая лишних вопросов, быстро оделся, и начальник режима удовлетворённо подумал, что правильно порекомендовал именно этого паренька, умного, целеустремлённого, не болтающего лишнего, пускай замкнутого, но с хорошими физическими данными и готового к решительным действиям в нужный момент.

Начальник по режиму провёл мальчика в небольшой актовый зал, мест на двадцать, где обычно заседала администрация школы. Зал этот стороной с тремя окнами выходил на кольцевую автостраду, ещё не заполненную машинами в столь ранний час и наполовину скрытую густым туманом от тающих снегов. Около среднего окна стояла молодая женщина в военной форме. Она скрестила руки на груди и задумчиво смотрела на кольцевую дорогу, даже не отреагировав на появления Кэсседи. Начальник по режиму сам в актовый зал не пошёл, Кэсс в нерешительности остался стоять один, не зная, стоит ли дать о себе знать, или просто дожждаться,

когда его заметят. Женщина у окна была одета явно в офицерский мундир, но в воинских регалиях Кэсседи не разобрался, а вот если бы она была из надзорных органов, то имела бы звание действительного поверенного...

Неожиданно женщина глубоко зевнула, прикрыв ладошкой рот и резко повернулась к Кэсседи, так что он даже слегка вздрогнул и, неожиданно для себя, тоже глубоко зевнул, испугался этой неловкости, опустил глаза и извинился:

—Простите, госпожа офицер, я немного того, не доспал, но...

Женщина тихо засмеялась, сделала пару шагов к Кэсседи и потрепала его вихры, со словами:

— Недосып, он, юноша, иногда полезен... Скажи мне, о чём ты мечтаешь?

- —Когда был ребёнком, хотел стать астронавтом...

—Ну а теперь, — усмехнулась офицер, — во взрослой, так сказать, ипостаси, что ты ждёшь от жизни?

— Я поумнел, госпожа офицер. Астронавтика это всё в детстве...

— Да что ты заладил про детство, тебе всего тринадцать, поди какой дядька взрослый... — Офицер засмеялась, — зови меня просто леди Сай. И, вот что ещё, мальчик, никогда не предавай свою мечту, особенно мечту детства. Ты хочешь стать астронавтом? Для этого надо иметь инженерное образование и неплохо бы быть пилотом...

Тут в актальный зал зашёл высокий молодой человек с короткой рыжей бородкой. Вот его нашивки Кэсс прочитал, он был в звании капрала.

— Ну, капитан Сай, в пилоты истребителя его вряд ли возьмут, вон громила-то какой, а вот в механики и пилоты вертолёта он очень даже годится...

У Кэсседи заколотилось сердце, он понял, что перед ним нереальный шанс прорваться в элиту республиканского общества. Эти двое явно были армейскими покупателями душ.

— Но я же того, правонарушитель... — Кэсседи не знал, что говорить дальше.

— Ты поступил как солдат, — леди Сай чувствительно хлопнула Кэсса по плечу, — конечно ты переборщил с наказанием хама, но... Кто из нас без греха...

И леди Сай вдруг совершенно бесцеремонно вытянула у Кэсседи нательный крестик на цепочке:

—Ты крещён в нашей церкви?

Кэсседи не совсем понял, что она имела в виду, но на всякий случай кивнул головой.

—А молитву какую-нибудь знаешь? — не унималась леди Сай.

Кэсседи не знал молитв, ему почему-то стало стыдно, и он опустил взгляд, покрутив головой.

—Ах, ладно, капитан Сай, — капрал принялся крутить Кэсседи вокруг оси, будто и правдо торговец на невольничьем рынке, — а он и вправду хорош, — чем заставил Кэсса залиться пунцовой краской.

—После завтрака начальник по режиму отдаст тебе коммуникатор и личные вещи, — деловито заговорила леди Сай, — тебя отконвоируют в судебный участок, где заявят об окончании срока и снятии судимости. Потом приставы отвезут тебя домой. На коммуникаторе у тебя есть код, который ты должен предъявить в окружном военном госпитале, куда должен явиться с матерью в течении семи дней. Там ты

пройдёшь тестирование и медкомиссию, мать должна дать официальное согласие и...

—Добро пожаловать в кадеты, Кэсседи Паупер... — закончил за капитаном капрал.

Домой Кэседи попал к обеду. Марго давно проживала не в своём переделанном под жильё вагоне-ресторане, а в настоящем, двухэтажном, пускай построенным принтером, но отдельным коттедже в новом пригороде столицы, что уходил на равнинные земли, за кольцевую дорогу. Своё примитивное ремесло она давно уже бросила и посвящала свою жизнь ведению домашнего хозяйства и заботой о муже и близняшках.

Пристав сдал Кэсседи под расписку. Дверь за сопровождающим закрылась, и Марго погладила сына по щеке:

—Господи, какой же ты стал высокий...

Ладонь у Марго была влажной и ледяной. Кэсседи смотрел на мать, он вроде тоже должен был её обнять, может, даже поцеловать, но такого желания у него не возникало, и даже из элементарной вежливости он не мог себя заставить сделать это. Именно в этот момент Кэсс понял, что они

страшно далеки друг от друга и ему стало обидно. Марго тем временем взяла сына за руку и отвела на кухню, покормить обедом. На кухне сидели близняшки под присмотром брата, того самого паренька, из-за которого Кэсс три года провёл в спецшколе. Хотя сын начальника станции, конечно же, знал, что Кэсса привезут к ним домой, но он всё равно, увидев обидчика вздрогнул, побледнел...

— Ты уж прости меня, того... — Кэсс протянул пареньку руку, но тот вдруг вскочил, обежал вокруг стола и вылетел из кухни, хлопнув дверью. Было слышно, как он побежал вверх по лестнице.

Кэсс посмотрел на мать, она махнула рукой, мол, ну его, и усадила сына напротив близняшек, налив ему вермишелевого супа. Кэсс и вправду был голоден, он застучал ложкой. Одна из близняшек рассматривала его с интересом, мулякая печенье, а вторая смотрела на Кэсса с непонятным ужасом, потом посмотрела на мать и расплакалась. Марго взяла её на руки и принялась размышлять:

— Надо сообразить Кэсс, где тебя поселить. Пока посиди в гостиной, вечером придёт мой ненаглядный, — Марго улыбнулась, — он добрый человек, не беспокойся, вот тогда и решим, где тебя поселить...

—А может не стоит, мам? У тебя есть с кем мелких оставить, а мы сразу поедem в госпиталь, чего мне время-то тянуть...

—Ну как же так, я думала ты у нас поживёшь, со всеми познакомишься... — Марго запричитала, но Кэсседи почувствовал, что у матери камень с плеч свалился. Он уже никогда не станет родным для этой семьи, так зачем же ломать комедию.

Марго няньку нашла моментально, видать не впервой, и чемоданчик с вещичками для Кэсседи, оказывается, был уже готов. Мальчишка понял, что леди Сай побывала и здесь, объяснила, значит, что к чему и как его, Кэсседи, надо было собрать.

Нянькой оказалась практически девчонка, и приехала она к ним и часу не прошло. Близняшки встретили её как старую знакомую, запрыгали, затопали ножками, затараторили, будто до этого не сидели, надувшись как мыши на крупу, разглядывая своего незваного братца, Кэсса, то есть. Даже сынок начальника станции спустился со второго этажа и принялся хвостом ходить за молоденькой нянькой, глупо улыбаясь и разве что не мурлыкая, когда она между делом потрепала его угольного цвета вихры.

Кэсседи сидел на диванчике в прихожей, на него никто внимания не обращал. Марго оделась быстро, они вышли на улицу, и пошли пешком к станции сабвея. Под ногами хлюпала снежная жижа, народ в центр города не ехал, наоборот, некоторые уже потянулись в пригород с работы. Вагон был полупустой. Они сели на торцевые кресла, мать опять погладила Кэсседи по щеке, взяла его руку в свои ладони и глубоко так задумалась, глядя в промышленный пейзаж за замызганным стеклом окна напротив.

В госпитале медкомиссия по зачислению в учебные заведения находилась в отдельном корпусе, сделанном из модулей армейского полевого лазарета. В приёмном отделении, кроме Кэсседи, были ещё трое пареньков постарше и одна девчонка, все были в сопровождении отцов. Так вот впятером их и забрали на тестирование по общим знаниям, а родителей, как догадался Кэсседи, отправили на оформление документов.

Экзамен длился час, а затем им было приказано раздеться до белья и часа два их таскали по медкомиссии, причём девчонка была также как и ребята только в трусах и лифчике, но ей было совершенно по-фигу на косившихся на неё мальчишек.

Кэсседи оделся, подождал ещё полчаса, затем его вызвали

в кабинет главврача, где помимо медиков заседали ещё два офицера. Кэсседи спросили, действительно ли он хочет быть пилотом геликоптера. Мальчишка ответил утвердительно. Ему объяснили, что сначала он будет учиться на механика, а на пилота только после того, как ему исполнится восемнадцать. Кэсс ответил, что со всем согласен. Тогда ему предложили явиться завтра к семи утра к воротам госпиталя, где будет сформирована его команда. По идее, Кэсседи должен был развернуться и выйти вон, но он остался стоять перед комиссией. Главврач удивлённо вскинул брови, да и офицеры перестали тюкать в планшеты и уставились на мальчишку.

— Господа офицеры, а есть ли возможность переночевать при госпитале? — попросил Кэсседи, набравшись смелости, — в силу ряда причин я не хочу возвращаться домой, и вещи мои с собой, в приёмном отделении...

Главврач повернулся на стуле и посмотрел на толстушку, что сидела возле шкафа. Она ответила, что можно оставить паренька в изоляторе, благо он совершенно свободен.

— Но, ты хоть с матерью выйди, попрощайся, — с хмурым выражением лица сказал главврач.

— Да, конечно, господин доктор...

И Кэсседи при сопровождении толстушки дошёл до приёмного отделения. Там, кроме Марго, никого уже не было.

Кэсседи подошёл к матери и, опустив глаза, тихо сказал, протянув руку к баулу с вещами:

—Ну всё, мам, я договорился... Я здесь останусь...

Но Марго вдруг выдернула у сына из руки сумку и, отшвырнув её, притянула Кэсседи к себе, уткнув лицо его в необъятную грудь и крепко прижав к себе, тихо запричитала:

—Господи, все святые угодники, что же мы делаем, нельзя же вот так не по-людски, — она вдруг заплакала навзрыд, а Кэсседи тем временем уловил знакомый с младенчества запах матери, что заставил его колени задрожать.

Марго за щёки подняла мордашку сына и принялась жарко целовать его покрасневшую физиономию, приговаривая:

—Прости меня Кэсс, прости за всё, что я сделала, а, вернее, за всё, что я не сделала, не дала тебе... Ты всё вот как-то сам и сам...

Глядя на её слёзы Кэсседи тоже заплакал, но скорее по

инерции, без душевного надрыва:

—Это ты прости меня мама, прости что я уродился не таким, каким ты хотела, мне бы быть немного поглупей да попроще... Но я того... Не могу по-другому, ты уж прости меня...

Они ещё постояли минуту, глядя друг другу в глаза.

—Я всегда буду любить тебя, — сказал Кэсседи, — всегда буду вспоминать, до самой смерти буду...

—Господи, святые угодники, да что же ты такое говоришь, сынок. Не будет у тебя такой смерти, не будет... Я всегда буду отмаливать тебя, слышишь, засранец, всегда отмаливать... И обещай, что будешь хоть иногда, хоть раз в год но заглядывать на мою могилку.

Кэсседи эти разговоры о смерти совершенно не понравились, он снова ухватился за баул и, махнув матери рукой, пошёл прочь, в изолятор, ведомый всё той же толстой медсестрой, что, ожидая его в дверях приёмного покоя, видела всю сцену прощания и теперь тяжело дышала, качая головой в такт шагам, будто болванчик. На ужин ему принесли громадную порцию пельменей со сметаной, литр компота и несколько кусков настоящего ржаного хлеба. Кэсседи пони-

мал, что такой ужин ему достался из жалости, но съел всё, резонно полагая, что неизвестно ещё когда получится вот так до отвала нажраться в следующий раз. Ночью ему снились звёзды, мамка и бесконечные вереницы вагонов...

Команду, в которую входил Кэсседи, забрали быстро. Вместе с ним отряд насчитывал восемь человек. Их построили, провели перекличку, раздали сухпайки: литр воды, пачку сырных галет и тубик паштета сомнительного происхождения. Имена своих сотоварищей Кэсседи и не утруждался запоминать. Команда попала на редкость угрюмая и молчаливая. Их довели до порта и погрузили на катер, что претендовал своим видом на прогулочный, туристический, но был на удивление древним, обшарпанным и явно готовым развалиться, будь на реке волнение. Но волнения не наблюдалась, все ребята, хотя им и было сказано, что нельзя, не стали сидеть в трюме, а забрались наверх, на смотровую площадку на крыше капитанской кабины. Сопровождающий, спрятав глаза под козырёк, посмотрел на шайку балбесов, но, демонстративно махнув рукой, ушёл в кубрик.

В этом году льда на великой реке так и не завязалось. По берегам, правда, были припакованы отдельные белые льдины, иные на километры длиной, но центральный фарватер был чист. Катер обогнул весёлый кряж, спустился ниже по течению и ушёл в правый приток, который был судоходным

явно из-за ледоколов, что торили канал в неглубоком ледяном массиве. К вечеру, когда всё было съедено, и все были голодны, их, наконец, высадили на дебаркадер. Где-то рядом грохотал вертолёт.

— Ну чо, птенцы республики, — весело сказал сопровождающий, — вот и наша кобылка нас ждёт, привыкайте...

То, что набор кадетов не в училище, а непосредственно из спецшкол в воинские части был чей-то неумный эксперимент, Кэсседи убедился довольно скоро. Через месяц почти все его сокомандники, по сути дела предоставленные на попечение конкретным экипажам вертолётчиков, накуролесили, натворили дел от краж до поножовщины и были выгнаны к своим предкам, что уже, наверное, перекрестились, сдав их в армию. Но у Кэсседи и ещё одного парнишки была цель, и это сразу было видно. Также было видно, насколько сыны вертолётного полка отличались от нормальных кадетов из училищ, что три раза в год прибывали к ним на трёхнедельную практику. По идее, программа обучения должна была быть одинаковой, но в училищах первый год практически целиком посвящали строевой и зубрёжке устава. Кэсседи тоже гоняли по уставам и пытались научить его армейской шагистике, но большую часть времени он крутил гайки и лил вся-

кие масла до почернения пальчиков. По имени Кэсса знал, наверное, только командир эскадрильи, а для остальных он так и остался Бесёнышем, что рассматривалось как официальный позывной. Старшим над Кэссом был механик Антон Шипшачевич, что охотно отзывался на кличку Шептун, но Кэсседи был обязан называть его «господин старший механик» и никак иначе.

— Да какой ты Бесёныш, — ехидничал Шептун, — ты же просто Кис-кис, а не Кэсседи.

Однажды он даже попытался пнуть Кэсса со злости, но тот ловко перехватил ногу Шептуна, дёрнул её и, повалив старшего механика набок, надавил ему на печень коленкой, и, наклонившись, поведал ему в ухо:

— Я три года, почитай как, зону топтал, а там погоняла просто так не раздают. Не провоцируй меня, Шептун, я стараюсь вести себя хорошо, но не зарывайся, мне терять нечего...

И Шептун, что был сильнее Кэсседи раза в два, если не более, вдруг вместо того, чтобы дать Кэсседи оплеуху, серьёзно так и испуганно кивнул. С тех пор шуточки на свой счёт Кэсседи выслушивал гораздо реже.

Поначалу свои занятия астрономией Кэсседи пришлось прервать, но прошло месяца три, он обжился в эскадрильи, нашёл для жилья скромный уголок в ангаре, где удивительно хорошо работал вай-фай офицерского кубрика и по сети снова влился в кружок звездочётов. К тому времени обсерватория университета, наконец, заработала на полную мощность, республика даже орбитальный телескоп запустила с космодрома барона. И Кэсседи имел немножко времени в неделю доступа и на рефрактор, и даже на орбитальный модуль.

Вот так и прошло три года. У Кэсседи сменился экипаж геликоптера. Он сам получил четвёртый разряд из семи возможных, знал свой транспортный вертолёт до винтика, и было заметно, что Шептун даже несколько волновался за своё местечко, видя, насколько Кэсседи ловок всё запоминать, и что руки этому мальчишке бог явно приладил по месту. Дома у Кэсса всё как-то само собой наладилось, он нашёл контакт и с мужем Марго, и сама Марго стала им гордиться, не говоря уже о близняшках, которых буквально приводила в ступор, а затем в восторг, парадная военная форма Кэсса, когда он приезжал на побывку. Единственное, что нарушало эту идиллию, было то, что сын начальника станции от первого брака совсем съехал с катушек и был отправлен в кли-

нику, но его отец самого Кэсседи в этом не винил, а винил только себя, да нехорошую генетику, о чём однажды и признался в откровенном разговоре.

Вот и настал день шестнадцатилетия. Командир эскадрильи лично поздравил Кэсседи перед строем и огласил приказ, согласно которому, по распоряжению командующего ВВС, будут нарушены правила и кадету Пауперу будет разрешено сдать экзамены в лётную школу не с восемнадцати лет, а двумя годами ранее, то бишь уже в июне.

Но не срослось. Где-то там, далеко на востоке, Республика и Империя так и не смогли спокойно провести демаркацию границы в Великом Лесу, и утром эскадрилью подняли по тревоге. Начался пограничный конфликт, что войной называть никто не хотел, но от этого крови меньше литься не стало.

Жижа, вот с чего для Кэсседи началась его первая война. Вертолётную эскадрилью разместили километрах в пятидесяти от зоны боевых действий, на границе Великого Леса, на равнине, что по весне превращалась в болото. Сверху моросило ежедневно, под ногами всё хлюпало и скользило, и, хотя было вроде бы и не холодно, но постоянная стопроцентная влажность создавала ощущение беспросветной промозглости. По такой погоде война свелась к пехоте и авиа-

ции, техника вязла в жиже. Опасаясь эскалации конфликта никто пока ни баллистику, ни дальнобой не применял. Даже дроны вертелись над линией огня, выкашивая пехоту и не совалились в глубину вражеской территории. Вокруг расположи эскадрильи поставили лёгкие зенитный батареи, но Шептун пригнал к месту дислокации их вертолёт экскаватор и выкопал щель с блиндажом, что тотчас на треть, по колено, залила вода. Чтобы стенки не рушились, Кэссэди пришлось зашивать их пластиком и подвернувшимися досками, матерясь, но деваться было некуда, ибо таков был прямой приказ старшего механика.

—Ничего, ничего, — пыхтел Шептун, подавая парнишке стройматериал, — поверь моему чутью, ты ещё меня благодарить будешь.

Никто в эскадрильи возле своих стоянок ни окопов, ни блиндажей не рыл, но то были в основном экипажи ударных вертолётов, а что там делают транспортники, то есть команда Кэссэди, это считалось их личным делом.

Вертолёт команды Кэссэди гоняли каждый божий день за провиантом и матчастью на ближайшую станцию железки, километрах в семидесяти к югу. Когда то ли блиндаж, то ли бассейн Шептуна был готов, у Кэссэди появилось окно в пару часов, и он занялся тем, что давно уже хотел сделать, а именно — освоить стрелкотню и разные противотанковые

системы, благо полигон был в полукилометре от эскадрильи. За полтора месяца он освоил все виды винтовок, стандартный пулемёт, крупнокалиберку, дробовые противодронные системы. Несколько раз он палил из гранатомёта и однажды даже пострелял с миномётчиками.

Минуло пару месяцев конфликта, эскадрилья особых потерь не несла, подбили всего два вертолёта, но обошлось без жертв, только раненые, правда один был на волосок от гроба, но выкарабкался. Лётный состав и механики пообжились, над базой уже растянули аэростатное ограждение, а в офицерской столовой все разговоры сводились к тому, что вот как подсохнет, начнётся ли война настоящая или всё так и заглохнет. О переговорах пока ничего слышно не было.

Беда грянула в один жаркий майский день, когда светило усердно превращало недавнее болото в поджаренную степь. Утром стояли туманы, а ближе к полудню над равниной поднималось дрожащее марево. Именно из этого призрачного пространства на аэродром и налетела стая имперских гексокоптеров в количестве полусотни, не меньше. Уже потом пошли серьёзные разборки, кто чего проморгал, а в тот злополучный день от эскадрильи осталась лишь половина.

В огне и дыму Кэсс и Шептун, сами себя не помня, очутились в просохшем блиндажике, успев закрыть ведущую в

него щель здоровенным щитом с дерниной, но пару раз прилетело и по ним, но накат не пробило.

— Вот видишь, Бесёныш, я ведь жопой чувствовал, что всё это так и закончится. Как вляпались мы в эту жижу, так и проела она всё, и мозги проела... — Шептун, нервничая, покусывал кулак, а Кэсседи вытянул из-за пояса майку, вытряхивая насыпавшуюся туда землю.

Слава богу, что их вертолёт как всегда мотался на большую землю. Но это везение быстро стало сомнительным, когда к ним на единственном уцелевшем заправщике подскочил комэск, и, пока шла заправка, построил их всех четверых, командира, второго пилота, Шептуна и Кэсса и озвучил приказ:

— Вам срочно надо вылететь в квадрат семнадцать и забрать дээрэгэ майора Сай, (услышав это имя, Кэсс вздрогнул) найдёте по дымам, там девять человек, вернее восемь, один у них двухсотый, остальные все трёхсотые. Выполняйте!

Командир посмотрел сперва на второго пилота, потом на комэска, взял его за локоток и так вот с ним и отошёл в сторонку, но разговор их был всем слышен.

— Мой полковник, — сказал первый пилот, — во-пер-

вых, мы только шестерых с собой утащим, одному мне не справиться, второй пилот всё равно нужен, да и без огневого прикрытия — ну никак, нужен пулемёт в салоне и стрелок...

— Господин полковник, — крикнул Кэсседи, разрешите обратиться, (комэск кивнул), — можно обе салонные двери снять нафиг, они бронированные, тяжеленные, каждая килограммов под полтораста, тогда мы и десятерых уволочём. И стрелять так будет удобно, хоть вправо, хоть налево...

Командир вертолёта пожал плечами, Шептун тихо обматерил Кэсса, но поспешил за парнишкой, что принялся свинчивать петли створок. Через пять минут обе двери с грохотом упали в синеватый террианский бурьян. Тут как тут, опять примчался комэск и показал Шептуну на пулемёт и пять коробов с лентами к нему:

— Давай, Шепшачевич, прилаживай, да отправляйся за стрелка... У меня все другие кандидатуры или убиты, или в контузии.

— Господин полковник, — Шептун разве что не подпрыгнул, — да какой я на хрен стрелок, я не умею, я механик, а не солдат, я же по сути лицо гражданское...

Полковник схватил Шептуна за грудки:

—Ты крысячья морда, гад, а не лицо гражданское, я тебя прямо тут...

Комэск пошарил по поясу, но портупею с пистолетом он не надел. Лопасты вертолѐта начали потихонечку вращаться, Шептун обмяк мешком и упал под ноги комэска:

—Помилуйте, господин полковник, у меня трое и жена на сносях, нельзя мне вот так...

Кэсседи молча поднял пулемѐт, отнёс его к геликоптеру и принялся водружать на турель.

— Отставить, Паупер, — крикнул полковник сквозь гудение движка.

— Господин комэск, — Кэсседи приладил пулемѐт и пошёл за лентами, — вы же знаете, что Шептун и вправду стрелять не умеет, а я тренировался, я неплохо управляюсь с этой тварью. Да и плакать по мне особо некому. А леди Сай я обязан всем, что нынче имею, а долг, сами знаете, чем красен...

Комэск отпихнул ногой валявшегося около него Шептуна и взял Кэсса за плечи, развернул к себе. Их глаза встретились, секунд десять они смотрели друг на друга, и комэск

вдруг обнял парнишку:

— Если бы ни этот налёт, растуды его... Я бы и сам... Ты это, не дури там, Бесёныш, только живым назад...

Комэск кинулся к уже ревавшему вертолёту и крикнул в салон:

— Чтобы все живыми, это приказ, слышишь?

Командир экипажа кивнул, поднял вверх большой палец. Кэсседи прыгнул внутрь, и вертолёт низко пошёл над равниной, разгоняя марево и дым поверженной эскадрильи.

— Там, за лавочкой бронник, одень! — крикнул Кэссу второй пилот, когда они набрали высоту.

— Да мне так сподручней...

— Я тебе, бля, дам сподручней, живо надевай!

До квадрата семнадцать лёту было от силы полчаса. Практически сразу второй пилот принялся отстреливать тепловые ловушки и маневрировать небольшим позитронным щип-

том, маскируя аппарат в оптическом диапазоне. Они шли невысоко, метрах в трёхстах от поверхности, и, в принципе, были лёгкой мишенью, вот только бы увидеть... Враг мог вести огонь ориентируясь только на шум винтов, но звуковые волны распространялись медленно, а вертолёт вилял как собачий хвост — поди попади...

За километр до точки икс, им всё одно пришлось раскрыться, и практически сразу они увидели зелёные эвакуационные дымы на фоне горящего леса. И уж тут пошла стрельба со всех сторон, было очевидно, что отряд леди Сай был окружён. Кэсседи, насколько мог, поливал огнём по кронам деревьев, по направлениям, откуда, как он полагал, вёл огонь. Вертолёт, выпустив весь боезапас самонаводящихся дронов и нурсов, наконец едва ли не шлёпнулся на полянку, помеченную сигналом маячка. Тут же заработали имперские малые миномёты, и под их огнём по полю к вертолёту побежали солдаты. Вернее, бежало шесть человек, одного волочили в мешке, а двоих, в том числе и леди Сай, на плечах несли бородатые здоровяки. Кэсседи узнал капрала, что нёс на плече леди Сай, у которой была жгутом перетянута нога. Два взрыва пришлись совсем близко от вертолёта, и Кэсседи почувствовал удар вбок, да такой, что его отбросило от турели. Но он быстро вскочил и опять к пулемёту, а капрал, добежав до вертолёта, хотел было сбросить леди Сай в салон будто ношу, но она завопила:

— Аккуратней, Полянский! Я всё-таки, твою мать, леди, а не мешок с брюквой.

Полянский спохватился и перекантовал Сай на пол салона как можно бережней. Последним закинули мешок с трюпом, и едва запрыгнули его носильщики, как вертолёт взмыл в воздух и погрузился в ад. Стреляли все и во все стороны, подключилась и республиканская арта и дроноводы подоспели, в общем, они выбрались, вопреки всему, но сумели унести ноги.

Кэсседи было безумно больно. Он чувствовал, как тёплая кровь насквозь пропитала куртку и ниже, штанину, и в итоге наполняла безграничную лужу крови на полу салона. Это была общая, братская лужа крови, ранены были все. И только когда последняя лента патронов была расстреляна, Кэсседи повис на турели и вдруг испытал невероятный страх, понимая, что умирает, что жизнь вытекает из него. Полянский подоспел вовремя, скинул с Кэсса бронник и присвистнул:

—Эка тебя распахало... — он вколол Кэссу болтанку и залил развороченную осколком левую сторону грудины коллойдом.

—Жить будешь, — констатировал капрал, — тебя только снаружи рубануло, ребра три раздробило, а осколок, поди ж ты, сзади выскочил из-под бронника над твоим плечом. Ты

или в рубашонке до пят родился, либо кто-то шибко за тебя молится...

Геликоптер высадил всю окровавленную ватагу у железки, где на запасных путях был развёрнут санитарный госпиталь на колёсах. Командир геликоптера, прежде чем поднять машину, помахал-таки Кэсседи, уносимого санитарями, ладошкой, а второй пилот успел подбежать и потрепать его шевелюру:

—Держись, Бесёныш, медаль получишь, к бабке не ходи...

Кэсседи свой экипаж больше никогда так и не увидел...

Довезённый поездом за пару часов до стационара, шитый —перешитый, клееный и заклеенный, накаченный и залитый всякими растворами Кэсседи оказался в общей палате не шибко раненых, где погрузился в тяжёлый горячечный сон без сновидений. В лихорадке Кэсс провёл два дня. Его сил хватало только доковылять до туалета, что был как раз напротив их палаты. Есть не хотелось, да и Кэсс боялся, что его вырвет, но через силу, по приказу врача, выпивал три белковых концентрата за день. На третье утро Кэсседи

проснулся весь мокрый, сильно пропотевший, раны затянулись, но двигаться было тяжело. Доктор на обходе всё мечтал о чудесных земных нанигах, что могут человека поставить на ноги за считанные часы, но в данном конкретном госпитале было всё по-старинке.

В палате на шесть человек их было пятеро. Все остальные пациенты были гораздо старше Кэсседи, все за тридцатник. Ранения получили по разным причинам, но, как понял Кэсс, они не были на передовой. Трое сопалатников были совсем лёгкими, и, как Кэсседи подозревал, лежали в госпитале, преследуя свои не совсем честные интересы, поскольку частенько после осмотра уводили доктора в коридор, обсудить свои делишки. Ещё у одного мужичка было что-то с позвоночником и даже до ватерклозета его таскали вдвоём. Именно на его счёт и сокрушался врач, бормоча про нанигов.

Из всех развлечений в палате был телевизор с двумя госканалами. Как следовало из новостей, Республика победила в пограничном конфликте, но Кэсседи подозревал, что имперские сми также трубили о своей победе. Короче говоря, положили по несколько тысяч солдатиков с обеих сторон, ничего толком не добившись. Мужички неоднократно на дню устраивали дебаты по поводу политической обстановки. Мнения их сходились в одном, грядёт большая война.

На пятый день госпиталя Кэссу стало невыносимо скучно. Дело шло к обеду, как вдруг в обычно пустынном коридоре

послышалось оживление, смех и громкая речь. Вот двери в палату разъехались и на аккумуляторном кресле-каталке в палату неспеша въехала майор Сай собственной персоной. Мужички вскочили в стойку «смирно», и их примеру, слегка замешкавшись, последовал и Кэсс. Даже раненый с большой спиной, что лежал лежмя до этого момента, очевидно с перепугу, тоже поднялся по стеночке и сел на кровати. Заметив это, сопровождавший Сай их лечащий врач даже улыбнулся:

— Смотрите-ка, майор, ещё немного и вы начнёте творить чудеса исцеления.

На коленях у майора был блистер с безалкогольным пивом, а доктор поставил на пол картонку с крекерами. Сай перекинула пиво на стул и протянула руку, и все с видимым удовольствием пожали её ладошку с длинными пальцами. Кэсседи проделал это последним, но леди Сай не дала ему освободиться, потянула за собой в коридорчик. Кэссу не хотелось ни о чём беседовать, тем более с леди Сай, но майор настойчиво спрашивала его то об одном, то о другом, о том, что было для паренька действительно важным, и о всяких пустяках. Кэсседи, по своему обыкновению, отвечал односложно «да» или «нет», а то и просто пожимал плечами, не отвечая на вопросы, и всё пытался вытянуть свою ладонь из цепкой ладошки леди Сай, что оказалась весьма крепкой на пожатие.

— Ну что ты всё пытаешься выдернуть свою лапку? — громко спросила леди Сай, усмехнувшись, — говори, говори со мной, тебе это нужно. Я же вижу, что у тебя все признаки пэтээса, ты знаешь, что это такое?

Кэсс опять пожал плечами, но тут же исправился, озвучил свой жест:

— Я вроде как слышал об этом, но как расшифровывается не знаю...

— Это означает посттравматический синдром. Я всё больше прихожу к выводу, что тебе надо на месяцок-другой полежать в соответствующей больничке...

Кэсседи не на шутку испугался, если леди Сай задумает отправить его в психушку, то уж и сомневаться не стоит — отправит.

— Я же видела, какими глазами ты смотрел на нас там, в вертолете, - леди Сай наконец отпустила ладонь Кэсса, - ты испугался смерти, но это естественно, естественно бояться за свою жизнь, это нормально, поверь мне... Не держи в себе эмоции. Я вот, например, после первого боя проплакала полдня...

— Я не хочу плакать...

— Но смерти-то ты испугался?

Кэсседи опять молчал, но он понимал, что отмолчаться не удастся, и придумать что-нибудь тоже не получится, леди Сай явно не оставит его в покое, пока он не скажет правду.

— Я не испытывал испуга, — наконец заговорил Кэсс, — это был не страх, а скорее досада и даже обида. Я вдруг подумал, что вот мне шестнадцать с половиной, и я подыхаю, истекаю кровью в этом вертолёте, ни разу не попробовав девчонки. И мне показалось, что нет ничего более гадкого, чем подохнуть вот так, девственником...

Леди Сай опёрлась на руку Кэсса, и вдруг неожиданно для него встала с инвалидного кресла и обняла паренька, поцеловав его в щёку и зашептав ему на ухо:

— Прости меня, вот уж чего я не думала, так не думала. У тебя ещё вся жизнь впереди, долгая и, даст бог, счастливая. И всё у тебя будет, у такого красавца и умницы не может не быть, поверь мне как женщине...

Она ещё что-то шептала Кэссу, но он вдруг почувствовал,

что возбуждается, и ему стало неловко. Наконец леди Сай устала, сразу как-то потяжелела, обвисла на Кэсседи, и он с облегчением усадил её на каталку и сопровождал к лифту. На прощанье леди Сай махнула ручкой и обещала сюрприз, прежде чем двери лифта закрылись.

Вечером Кэсседи позвала за собой медсестра. Они спустились на первый этаж и по стеклянному коридору прошли в пристройку, где Кэсседи был оставлен один в комнате, что больше напоминала маленький номер гостиницы со всеми удобствами. Медсестра показала Кэссу где лежит свежее бельё и полотенце, намекая на то, что ему надо бы помыться. Кэсс напоследок вопросительно посмотрел на сестричку, и та вдруг улыбнулась:

— Счастливчик... — и она закрыла за собой дверь.

И уже стоя под струями душа Кэсседи аж пошатнулся от пронзившей его догадки. «Это леди Сай, — понял он, — и у меня сегодня явно будет гостя...» Всё это походило на сводничество, но Кэсседи, чёрт возьми, был рад этому. Он был рад погружаться в тёплое и безвозвратное болотце взрослой жизни, что, пусть и побулькивало, пахивало чем-то не особо приличным, но всё это было так ново и притягательно...

На тахте лежали его личные вещи, что остались на аэродроме. Кэсс понял, что в часть он больше не вернётся. Он взял коммуникатор, поставил на зарядку и заказал себе и возможной гостье ужин, неплохо вложившись, решив, что гулять, так гулять. Потом он открыл новостной канал, спроецировал по стенке напротив, и улёгся смотреть, неожиданно глубоко задумавшись о своём будущем. При любом раскладе воевать Кэссу не хотелось. Конечно, если призовут, он не будет дезертировать, но особого патриотизма паренёк не испытывал. Его звали к себе звёзды, далёкий космос, а там лопухий патриотизм лишался всякого смысла. Кэсс практически заснул, задремал, как вдруг на проекции пошёл репортаж заседания кабинета министров, где был и президент, главнокомандующий, едрить его, и было объявлено, что Республика приступает к строительству собственного космодрома и суверенному освоению околотеррианского космического пространства. Сонливость Кэса как рукой сняло, полчаса он слушал дебаты, прикидывая, как бы влезть в эту программу. Принесли заказ, а ещё через полчаса в дверь кто-то настойчиво пошкрёбся, и Кэсседи понял, что это она.

Ах, как волнительно, до дрожи в коленочках. Кэсс подошёл к двери, но открывать ещё не решался.

— Тук-тук-тук, — за дверью явно похихикивали, — я слышу твоё дыхание, открывай, я совсем не страшенькая, правда — правда...

На пороге стояла интересная особь. Она была ниже на голову Кэсса и выглядела ну совсем девчонкой, даже грудка была как два бугорка. К тому же она была раскосая и смугловатая, такие водились на дальних южных островах, куда при колонизации бежали за свободой представители самой чёрной обслуги, в основном филиппинцы. Кэсс запомнил это слово земного происхождения, но живьём филиппинку с южного моря увидел впервые. Его очень смутила её откровенная молодость и он даже покачал головой, сомневаясь в законности всего происходящего. Девчонка, очевидно, всё поняла и опять засмеялась:

— Лао Пао. Пао — это имя, Лао — это что-то вроде вашей фамилии. И будь уверен, что я гораздо тебя старше. Так что не хмурься, но спасибо...

—Спасибо за что?

—За то, что сразу не распустил слюни и не принялся меня хватать, как не многие взрослые солдафоны, что имели со мной дело.

Девчонка принесла сладкого, но была очень обрадована, что у Кэсса был сытный ужин. Она лопала и лопотала, и чем больше она лопотала и лопала, тем вожаденнее стано-

вилась, и, хулиганка такая, явно понимала это. И потащила Кэсса типа танцевать.

—У меня только вот с рёбрами непорядок... — засомневался Кэсс в своей способности, но Пао поцеловала его в губы, именно так как он хотел, страстно и коротко:

—Не беспокойся, Кэсс, я знаю и твоё имя, и твои раны и, надеюсь, уже рассмотрела твою душу...

Конечно, куда ему было танцевать, он просто стоял, а ей было и не надо, она как кошечка вилась вокруг паренька всё ближе и ближе, и вот уже тёрлась об него.

Утром, нисколько не комплексуя, Пао вытащила из холодильничка все остатки припасов и доела их, кое-что подсовывая и Кэссу.

—Я должен тебе заплатить, — неуверенно спросил он девчонку, но та чуть не подавилась, смеясь:

—Ты мне уже за всё оплатил, и не делай удивлённого лица, благодаря тебе я начну новую жизнь, такую, о которой я даже и не мечтала...

Она быстро оделась и на вопрос Кэсса о новой встрече, вдруг задумалась и серьёзно так ответила:

—Ты главное, береги себя и... Ты классный парень, и кузнечик у тебя что надо, помни обо мне, и кто там знает...

Она махнула рукой и выпорхнула из номера как птичка из клетки, где хозяева забыли закрыть дверку.

Не прошло и пяти минут, как в комнату Кэсса, пнув дверь ногой, вломился его лечащий врач, красный и вспотевший. Кэсседи вышел из душа, завёрнутый в полотенце. Доктор, вроде до этого весьма деликатный в общении, теперь рычал:

—Кэсседи Паупер, ты смерти моей хочешь. Там генерал по госпиталю блуждает, ищет, мать твою, героя, а он тут... Как ты это вообще смог провернуть?

Кэсседи ничего не ответил, быстро оделся и начал собирать вещички. Доктор опять взвился, мол, потом вернёшься и всё подберёшь, но Кэсс ответил, что ни фига подобного, одна минута генерала не устроит. И вот они практически бегом двинулись по стеклянной перемычке назад в лечебный корпус, но не в то крыло, где Кэсседи лежал до этого, а в другую сторону, судя по всему, офицерскую. Доктор оставил

Кэсса в двухместной палате, приказав переодеться в новую пижаму. Вместе с Кэсседи, тоже в новой пижаме у идеально заправленной койки сидел на стуле седой мужичок, что пареньку не то что в отцы, в деды годился. Пока Кэсс напяливал явно большую чем ему надо по размеру одёжку, дедок всё спрашивал, мол что будет-то, что будет? Кэсседи уже хотел было ему в ответ матюкнуться, но тут в палату вбежал суетливый, худенький, плешивый дядька, представился режиссёром и всучил каждому из них бумажку с небольшим текстом, объяснив, что это вопросы, которые задаст генерал и ответы на них, что надо было быстренько запомнить.

—Мне сказали, что вы мальчишки... (Тут он посмотрел на соседа Кэсседи) И дедульки благоразумные... Короче, без импровизаций, мать вашу... Съёмка первого республиканского канала, чтобы всё как на фронте, как по приказу.

—Хреново, что съёмка, — вздохнул Кэсс, — у меня ведь мамка не знает, что я ранен, что я в госпитале.

—Да пока этот сюжет все согласования пройдёт недели две минует, — успокоил его лысый режиссёр, — ты уже дома будешь.

Всё прошло как по маслу. Дед, правда, свои слова забыл, да и генерал повесил ему медальку и отвернулся к Кэсседи,

задав три вопроса, что не было в бумажке. Очевидно молодой герой-солдатик уж больно согрел его обожжённую армейской жизнью душу. И тут Кэссэди припомнил Шептуна, умевшего говорить витиевато, и отвечал генералу подражая своему наставнику, что вояке очевидно нравилось. В итоге на грудь Кэссэди повесили медаль «За отвагу», и к вечеру, спасибо, что не пинком под зад, выставили за территорию госпиталя, приказав через пять дней явиться не в часть, а в столичный учётный стол за дальнейшими указаниями.

Кэссэди домой вернулся к обеду. Там знали, что он придет, но дома была только мать. Она долго держала Кэсса в объятиях, ещё в прихожей, просто обняла и не отпускала, ни слова ни говоря. В доме было сумрачно и неуютно. Марго посадила Кэсса на кухне и только собиралась его расспросить, как в дом ворвались близняшки, вернувшиеся из школы. Они набросились на Кэсса, засыпая обычными детскими вопросами, есть ли у него невеста, скольких имперцев он убил, а можно ли подержать его медаль, а правда ли что она из серебра. Кэсс, по обыкновению своему, просто улыбался и ответов на кучу вопросов не давал, а девчонкам оно и не надо было, они тормошили брата, а тому было не до кучи мала, рёбра ещё сильно болели, а то, что он из госпиталя, он пока ещё не сказал.

Наконец, его оставили в покое, и мать, усевшись напротив, начала рассказ об ихнем житье-бытье, что школа стала дорогой, что муж её, начальник станции, болеет и работает из последних сил, что денег стало не хватать, и она в следующем году снова пойдёт работать... Стало совсем темно, и Марго включила яркий свет. Кэсс смотрел на мать, что не видел уже больше года, и вдруг осознал, как сильно она постарела. И ещё он всё-таки сказал, что был легко ранен, что его покажут по телевизору, и что нет худа без добра, ему заплатили и боевые, и за ранение, и за медаль, и на фронте шёл день за два, и у него накопилось денег, и что он уже снял себе комнатку, где и поживёт пока. Тут пришёл и глава семейства. Кэсседи не считал приличным внимательно разглядывать его, ища визуальные признаки недуга, но и кратких взглядов на лицо начальника станции было достаточно, чтобы видеть желтизну кожи и круги под глазами.

Они посидели хорошо, почти так, как описывают в длинных женских романах, с задушевной беседой, с песней о Родине, что спели близняшки, с маминой улыбкой. А вот начальник станции, похоже, бодрость духа имитировал. Кэсс понимал, что, глядя на него, мужичок до боли в сердце хотел бы видеть вот таким своего кровного сына, юным героем войны, а не пациентом казённой психушки... Где-то полдесятого Кэсс со всеми попрощался и пошёл пешком до своих апартаментов, благо идти надо было всего километр с небольшим вдоль кольцевой, никуда не сворачивая, мимо

бескрайних полей с капустой и кукурузой.

В учётный стол Кэсс прибыл за полчаса до открытия, но Альсафи уже пылало вовсю. По кабинетам он ходил часа три, но не даром, ой как не даром. Во-первых, чего он ну никак не ожидал, ему присвоили звание сержанта и засчитали всё проведённое в качестве ученика время в эскадрильи как годы службы, а на фронте — год за два. Во-вторых, поскольку в том году Кэсс с поступлением в лётку пролетел, ему дали год на подготовку со статусом вольноопределяющегося и жалованием в две трети от положенного. Кроме того, поступать он будет в новое лётное училище, на тёплом берегу моря, на вновь присоединённых к республике землях бывшего герцогства. Во всём этом обилии благ Кэсс разумно подозревал руку леди Сай, хотя об ней никто и словом не обмолвился.

Ближе к вечеру, хорошо отметив радостные новости, Кэсс поднялся на фуникулёре на Весёлый Кряж, посетить обсерваторию. Конечно, местность было не узнать. Кроме обсерватории тут был построен и астрофизический факультет, и кампус. Неприятности начались сразу же. Вся территория была обнесена высоченным глухим забором и внутрь Кэсса не пустила охрана. Прошли те времена, когда сюда запросто бегали любопытные и жадные до знаний столичные голодранцы, когда наукой занимались из голодного энтузиазма, заодно и строили за бесплатно всё то, что сейчас было

запрятано за стеной. Республика решила заняться космосом, на науку в целом, и на звездочётство в частности, потекли сперва ручейки ассигнований, а вскоре и широкий бюджетный поток финансирования смыл всё человеческое и бескорыстное. Вместо начитанной шантрапы, что мечтала о грантах, на кафедрах и в деканатах осели матёрые грантоеды.

Кэсседи конечно же в обсерваторию попал, он знал многих и многие его знали, но нельзя было сказать, что ему были рады. Университет опрестигился, конкурс на место обучения был велик и неизменно рос, а Кэсседи, как отдавший республике военный долг пользовался льготами, и для зачисления ему достаточно было сдать минимум, что он сделал бы с лёгкостью, ибо до приёмных экзаменов всяких там махинаторов разумно не допускали, понимая, что иначе передовой науке придёт конец. Вот вокруг него и крутился сопровождающий, всё расспрашивая, будет ли Кэсс поступать. Кэсседи ответил честно, что обязательно будет, но на заочное и не в этом году. Сопровождающий расслабился, кому-то отзвонился и в итоге оставил Кэсса одного. Кэсседи, будучи одет в военную форму, да ещё при награде и всех регалиях, чувствовал на себе если и не косые, то настороженные взгляды. Студенчество пограничный конфликт критиковала, милитаризацию республики не приветствовала, подозревая, что вскоре вольничество закончится и лапа бюрократии сожмёт процесс обучения в жарких ладонях госконтроля...

Спустившись в ночную столицу, Кэсс доехал на сабвее до

вокзала и купил себе билет на послезавтра. Начиналась новая и, хотелось бы, пусть суетливая и непростая, но счастливая жизнь.

Пролетел год, незаметно как-то, будто вдохнул и выдохнул. Кэсс, на берегу моря, сильно вырос и окреп. Он готовился к поступлению честно и методично, поэтому поступил в лётку легко, как само собой причитающееся. Но дальше начались проблемки. Он был совершенно уникальным обучающимся. Кэсс шёл по программе обычных, поступивших после школы курсантов, но при этом считался как бы на курсах повышения квалификации, так как имел воинское звание. Получалось, что он ходил по аудиториям и изучал предметы как рядовой слушатель, но при этом обслуживался в офицерской столовой и бытовой службе, и жил в гостинице, а не в казарме. Кэсс старался быть незаметнее и не стремился заводить знакомства, но присутствие рядом обычного сержанта, да ещё сопливого возраста, нравилось не всем господам офицерам, многие из которых были о себе весьма высокого мнения.

Среди офицерского корпуса, довольно быстро, за пару месяцев, сконцентрировалось ядро запевал и забияк, что в силу своего происхождения, приличного состояния и дурного воспитания могли позволить себе кое-что лишнее. Поца-

павшись друг с дружкой, поругавшись с начальством (одного красавчика даже вышвырнули из лётки, не смотря ни на что), они решили выяснить отношения с тихоней сержантом, что периодически мозолил им глаза.

Сначала это были мелкие придирки, какие-то дурацкие, считай, что детские, как бодания дебилов в давно позабытой им спецшколе. Но там-то они все были равны и между собой, и перед начальством, а тут, в армейской среде, под гнётом устава совсем другое дело. Кэсс постепенно оказывался в безвыходной ситуации. С одной стороны, он не мог позволить себя унижить, с другой стороны, он не был офицером и был обязан соблюдать субординацию, он был не равня обидчикам, а среди офицерского состава не нашлось людей, кто бы за него заступился, всем было на этого сержантика плевать. Если Кэсс оправдает позывной Бесёныша, начистит морду парочке, а то и троице обидчиков, он залетит в штрафбат и прощай карьера, а если его зачморят, то он сам себе станет противен и тоже уйдёт из лётки. Оставался только один вариант. После обеда, в короткий промежуток между парами, Кэсс вздохнул и набрал телефонный номер леди Сай. После двух длинных звонков пошли короткие. Перезванивать Кэсс не решился, и уж подумал, что всё конечно, когда где-то полдесятого она перезвонила ему сама.

И в момент звонка Кэсседи вдруг понял, что не сможет с ней разговаривать. Ну, в самом деле, не будет же он, как ученик младших классов жаловаться мамочке, что его оби-

жают. Но леди Сай тут же начала засыпать Кэсса вопросами, как ему показалось, совершенно искренне беспокоясь о его житье-бытье. Кэсседи волей-неволей был вынужден разговариваться, поскольку он помнил, что с леди Сай говорить односложными ответами не получится. И Кэсс расслабился, и когда леди Сай наконец поинтересовалась, а что собственно случилось, он без лишних красок обрисовал ситуацию.

—Ты молодец, что позвонил мне, с этими великовозрастными придурками мы с тобой решим вопрос по-взрослому, уж поверь мне, тебя оставят в покое, только продержись денька три, до субботы...

Уже с вечера пятницы по офицерскому корпусу лётки поползли разговоры, что завтра с утра их посетит не кто иной, как подполковник Сай (ого, отметил про себя Кэсс, уже подполковник), что возглавляет отдел контроля космической программы в государственном управлении безопасности республики, с целью поиска кадров для формирующегося вертолетного подразделения, именно грузовых вертолетов, а таких абитуриентов в лётке из сорока обучавшихся пилотов винтокрылов было всего пятнадцать. В связи с визитом такого высокого гостя в спортзале построили весь обучавшийся офицерский состав, не только вертолётчиков, но и истребителей, и транспортников и даже механиков раз-

ного рода, то есть всю роту, всех сто восемнадцать человек.

Леди Сай не заставила себя долго ждать, и явилась не одна, а с рыжим великаном, лейтенантом, в котором Кэсс с трудом опознал Полянского, настолько он раздобрел. Леди Сай взошла на трибуну и толкнула речь, что грядут серьёзные испытания, и республике нужны не только грамотные пилоты, но и беззаветно преданные стране люди, способные отдать жизни за идеалы Родины. Пока что службе безопасности в ближайшие три года нужны только два экипажа грузовых вертолётов, но перспективы открываются большие. Леди Сай озвучила список из восьми претендентов и младшим механиком второго экипажа был назван не кто иной, как Кэсседи Паупер. После произнесения этого имени в том конце строя, где стоял Кэсс, раздалось мимолётное гудение. Понятное дело, Кэсс учился на пилота и никто, практически никто не знал, что он ещё и механик пятого класса. Кроме того, все озвученные леди Сай персоналии уже заканчивали лётку, а Кэсседи только-только поступил.

Восемь избранных встали в ряд перед строем. Леди Сай, сопровождаемая Полянским, прошла перед ними, улыбнулась каждому, и пожала руку. Тоже ожидало и стоявшим последним Кэсса. Но, неожиданно для всех, да и для Кэсседи тоже, она вдруг приблизилась к себе парнишку, обняла его на мгновение и хлопнула по плечу. И Полянский тоже протянул из-за спины командира свою лапищу, пожал Кэссу ладонь, зафиксировав пожатие на пару секунд. У многих офи-

церов, стоявших позади восьмёрки в строю, отвисли челюсти и округлились глаза. Да и командующий лётным училищем, квадратноделанный генерал майор начал двигать подбородком, будто жевал баблгам. Людям, знавшим его близко, или просто осведомлённым стало понятно, что их генерал одновременно и удивлён и находится в раздумьях.

Вот и всё. Кэсседи оставили в покое. Никто его больше не задевал, но никто и не делал попыток сближения, не набивался в дружки. Что поделаться, в республиканском обществе, особенно у армейских офицеров, было принято сторониться людей, отмеченных ГУБРОм, тем более настолько публично. Нет это вовсе не был бойкот или пренебрежение, скорее наоборот, с Кэсседи и остальными избранниками все старались вести себя корректно, даже доброжелательно, но сдержано, без лишних слов и откровений. А Кэссу только того и надо было.

Недели через две Кэсседи захотел видеть командир лётного училища. В парадной форме, при медали и регалиях, Кэсс глубоко вздохнул и шагнул в проём отодвинувшейся входной створки кабинета, непропорционально большой по сравнению с открывшимся помещением. Кэсседи испытывал волнение, но это был вовсе не страх, не мандраж перед начальством. Он переживал о том, насколько эффективно он смо-

жет потратить отведённые ему десять минут генеральского времени, другого такого случая может и не представится... Кэсседи отрапортовал о своём прибытии как положено. Генерал сидел в полумраке (а дело было под вечер), только яркая настольная лампа освещала перед ним абсолютно пустой стол. Прошла минута, а то и поболее, но генерал всё продолжал жевать свою виртуальную жвачку, не отрываясь разглядывая вошедшего, что, казалось, совершенно не смущался этого взгляда, нисколько не суетился и ждал вопросов.

— Что ты хочешь, Кэсседи Паупер, — неожиданно совсем тихо, почти шёпотом спросил генерал.

— Я, господин командующий, хочу стать хорошим пилотом грузового вертолёта, — так же негромко ответил Кэсс.

— Нет, — генерал резко встал, обогнул стол и подошёл к парнишке вплотную, — что ты хочешь на самом деле?

Кэсседи решил, что пора раскрыть карты:

— Я хочу стать одним из первых пилотов звёздного флота республики, господин генерал-майор.

— Да неужели? — Генерал вдруг улыбнулся, и улыбка эта была, чёрт возьми, доброй, почти отеческой, — эх, мальчик,

вот какого ответа я не ожидал, так не ожидал, — генерал взял Кэсса одной рукой под локоть, а другой похлопал его по плечу, — не будет у республики никакого звёздного флота, рылом мы, понимаешь, не вышли. А вот орбитальная группировка, ну там, пару станций, база на Эгерии, шатлов десятка два... Это мы вполне потянем... Хочешь быть пилотом шатла?

—Так точно, господин командующий...

Генерал обратно вернулся за стол:

—Есть какие просьбы, пожелания, Паупер?

—Я прошу разрешения поступить на заочное отделение астрофизического факультета университета.

—А потянешь ли? У нас и так учёба не бурьян террианский ногами топтать? К тому же, я вызвал тебя предложить должность лаборанта по матчасти, не только по вертолётной механике двигателям и авионике, а по всей, включая истребительную... А ты ещё заочно в университет...

—Спасибо, господин командующий, я справлюсь...

—Да. Не сомневаюсь. Но... — генерал опять усмехнулся, слегка подался над столом к Кэссу и заговорщически так

шепнул, — а как же девочки, курсант, сможешь ли найти для них хоть пару часов в неделю...

— Смогу.

Кэсс ответил с такой серьёзностью в голосе, будто заданный вопрос тут был вполне уместен, что генерал не выдержал и расхохотался:

— Вот чему я поражаюсь, насколько у Сай есть хищное чутьё на неординарные личности, не зря она по служебной лестнице нет, не идёт, скачет, гарцует, понимаешь ли...

Кэсседи Паупер учился неплохо. В общем рейтинге училища он перекатывался во втором десятке. Ниже восемнадцатого места не опускался, но и выше двенадцатого не бывал. А если брать обучавшихся на пилотов грузовых вертолётов, то, пожалуй, бывал и первым. Зарплата лаборанта была ой как с кстати. Муж Марго к этому времени ушёл с работы, практически слёг, и Кэсседи всё своё лаборантское жалование пересылал домой. К матери и сёстрам, в столицу, Кэсс ездил на Рождество и Пасху, на недельку, не более, а вот когда у него был отпуск, с середины июля по двадцатые числа августа, он забирал на море близняшек. Кэсс хотел, чтобы и мать съездила на побережье, но Марго не могла оставить мужа одного.

Близняшки напрасно думали, что на море у них будет вольница. Понимая, что в бывшем герцогстве свои порядки, и столичным девчонкам надо быть поосторожнее, Кэсс, видя, что нормальные слова близняшки решили пропускать мимо ушей, а устраивать истерики было не в его характере, он просто взял и пару раз отходил их ремешком. Девчонки начали названивать матери и жаловаться, но нарвались на вполне искреннее «наконец-то»... Дня два присаживаясь с осторожностью, и взвесив все за и против, близняшки всё-таки выбрали тёплое море и впредь Кэссу было с ними легко, тем более, что никакой особой строгости он и не проявлял.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.